ЛБ II 284

Θ. М. Уманецъ.

АЛЕКСАНДРЪ
И
СПѢРАНСКІЙ.

Историческая монографія.

ЛБ II 284

Θ. М. Уманецъ.

АЛЕКСАНДРЪ
И
СПЕРАНСКІЙ.

Историческая монографія.

2 экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
М
721151

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. Д. Ломковскаго, Думская улица, д. № 5.
1910.

АЛЕКСАНДРЪ
И
СПЕРАНСКІЙ.

Историческая монографія.

Ѳ. М. УМАНЦА.

Того-же автора:

Уманецъ, Ѳ. М. Гетманъ Мазепа. Историческая монографія, СПБ. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Вырожденіе Польши.

По поводу русско-польскаго вопроса: Макіавель. Россія и Польша. Народность. *Два года послѣ Ягеллоновъ.* I. Послѣдній Ягеллонъ. II. Польша. III. Литва и Русь. IV. Васальныя земли. V. Причины вырожденія Польши. VI. Король Генрихъ. СПБ. 1872. Ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Образовательныя силы Россіи. I. Общественное воспитаніе. II. Народныя школы. СПБ. 1871. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу. СПБ. 1881. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Колонизація свободныхъ земель Россіи. СПБ. 1884. Ц. 1 р.

При участіи Ѳ. М. Уманца:

Кружокъ свободныхъ изслѣдователей.

Русское дворянство.

Вмѣсто программы. I. Прежде и теперь. II. Маіораты. III. Дворянская корпорація. IV. Абсентеизмъ дворянства. V. «Подборъ» не въ пользу дворянской корпораціи. VI. Дворянскія учрежденія Екатерины II. VII. Земское значеніе дворянскихъ учрежденій Екатерины II. VIII. Новыя иллюзіи на старой канвѣ. IX. Необходимость дворянства. X. Противувѣсъ демократіи. XI. Участіе дворянства въ мелкой земской единицѣ. XII. О должностяхъ предоставляемыхъ дворянству. СПБ. 1907. Ц. 25 к.

I. ЛЮДИ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ.

Александръ I вступилъ на престолъ съ самыми благими намѣреніями и самыми широкими реформаторскими планами. Его либерализмъ не былъ фантазіей скучающаго принца вознесеннаго на высшую ступень человѣческаго могущества. Настроенный идеями Екатерины II, все обдумавшей, но, благодаря исключительнымъ условіямъ своего царствованія, не осуществившей своихъ политическихъ идеаловъ; воспитанный въ духѣ уваженія къ республиканскимъ учрежденіямъ; въ суровое время Павла принужденный скрывать свои мечты,—онъ тѣмъ болѣе увлекается ими теперь, когда колесо фортуны рѣшительно повернуло въ его сторону и судьба сдѣлала его полнымъ властелиномъ даннаго положенія. Для Александра, русскія реформы,—дѣло глубокаго убѣжденія и, несмотря на молодость, достаточно усвоенное разумомъ.

Но относительно средствъ для выполненія своихъ благихъ намѣреній, Александру недоставало очень многаго. Сынъ XVIII вѣка и несомнѣнно вольтеріанецъ, онъ чувствуетъ необъяснимую потребность уклониться въ сторону мистиковъ, Фотія, квакеровъ и вообще духовенства. Общее религіозное чувство стоящее выше

всякой обрядности и всѣхъ предразсудковъ, въ лицѣ Александра, страннымъ образомъ мирится едва ли не со всѣми обрядами и предразсудками. Едва ли не всѣ христіанскія вѣроисповѣданія имѣли основаніе разсчитывать на его сочувствіе. Рядомъ съ положительностью Екатерины II и раціонализмомъ энциклопедистовъ, въ этомъ философски настроенномъ умѣ, какимъ-то чудомъ уживается мистическая ограниченность провинціалки его времени. Трудно объяснить эту комбинацію. Остается принять ее какъ неопровержимый фактъ.

Современники, не безъ основанія, удивлялись что одинъ изъ своихъ первыхъ проэктовъ конституціи для Россіи (іюнь 1804) императоръ поручилъ написать барону Розенкамфу, учившемуся за границей, не знавшему ни русскихъ законовъ, ни русскаго языка и только за годъ передъ этимъ вызванному изъ Лифляндіи въ Петербургъ [1]). При Александрѣ, два министерства: морское и путей сообщенія—министры маркизъ Траверсе и Огюстенъ Бетанкуръ—наполовину ведутъ свою переписку на французскомъ языкѣ [2]). Нѣкоторая эксцентричность такихъ распоряженій смягчается тѣмъ, что по словамъ Дмитріева, „еще не прошло двадцати лѣтъ, какъ мы образумились; начали дѣтей нашихъ обучать правиламъ отечественнаго языка“. Вообще, Дмитріевъ плохо рекомендуетъ грамотность большинства своихъ коллегъ по Государственному Совѣту. „Ни одинъ не умѣлъ бы самъ изложить своего мнѣнія на бумагѣ съ соблюденіемъ всѣхъ условій, какія требуются въ сочиненіяхъ сего рода“ [3]) Самъ государь, хотя любилъ хорошій русскій слогъ [4]), менѣе свободно чѣмъ иностранными, владѣлъ русскимъ языкомъ. Варн-

---

[1]) *Шильдеръ*, Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, II, 249.

[2]) *Русскій Архивъ*, 1866, стр. 114.

[3]) *Дмитріевъ*, Взглядъ на мою жизнь, 183.

[4]) *Въ память графа Сперанскаго*. 168.

гагенъ полагаетъ, что, по русски, Александръ не могъ бы вести никакого обстоятельнаго разговора [1]).

Канцлеръ князь Горчаковъ, въ свою молодость близкій Александру, подозрѣваетъ что императоръ не имѣлъ точнаго представленія объ относительной цѣнности золота. Разсказавъ случай въ Лейбахѣ, то есть уже въ концѣ царствованія (Государь нашелъ поданное нищему серебро слишкомъ большой милостыней; лучше бы дать золотомъ) канцлеръ прибавляетъ. „А что это такъ, видно изъ того что когда у императора просили кому либо пособія въ двѣ или три тысячи рублей, онъ не соглашался; но когда просили 1000 или 1500 червонцевъ, то обыкновенно довольно легко изъявлялъ свое согласіе“ [2]).

Здѣсь, кстати, объ одной сценѣ, тоже изъ позднѣйшей эпохи, когда Александръ уже значительно усовершенствовался въ наукѣ управленія. Разгромивъ Наполеона, онъ гостемъ явился въ Англію. Не смотря на то, что кабинетъ былъ торн, Александръ, по праву либерала, благоволилъ вигамъ. Ему очень нравилось ихъ опозиція министерству и онъ обратился къ главѣ виговъ лорду Грею, съ просьбой составить для него мемуаръ объ опозиціи, такъ какъ, вернувшись въ Россію, онъ намѣренъ завести таковую у себя. Озадаченный лордъ пошелъ совѣтоваться къ Метерниху. „Что это значитъ? Ужъ не хочетъ ли созвать у себя парламентъ“? Дипломаты рѣшили: пусть только созоветъ; опозиція „ne lui manquera certainement pas.“ [3]).

Это,—не въ началѣ царствованія, когда юношей-мечтателемъ, въ поискахъ за свободой и истиной, по выраженію одного изъ своихъ сподвижниковъ,

---

[1]) *Пыпинъ*, Общественное движеніе при Александрѣ I, 763.

[2]) *Князь А. М. Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго* (Русская Старина, 1883, октябрь. 160).

[3]) *Шильдеръ*, Имп. Ал. I, т. III, 393, прим. 361.

il frappait, pour ainsi dire, à toutes les portes [1]), а послѣ того какъ два раза сдѣлалъ попытку реформировать Россію, годы работалъ съ человѣкомъ замѣчательнаго ума и оригинальной дѣловитости; на самомъ близкомъ разстояніи видѣлъ весь ходъ политической машины; по выраженію ректора Оксфордскаго университета, поднесшаго ему докторскій дипломъ, сокрушивъ Наполеона и спася Европу „выдержалъ такой диспутъ противъ утѣснителя народовъ, какого не выдерживалъ ни одинъ докторъ правъ въ мірѣ“ [2]); вмѣстѣ со Сперанскимъ составилъ „Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія“—и одновременно разочаровался въ „Планѣ“ и въ самомъ Сперанскомъ!

Въ 1827 году Лагарпъ показывалъ Тургеневу письмо Александра къ первому консулу Наполеону, въ которомъ онъ „предлагаетъ ему идти къ одной цѣли и довѣряетъ, мимо министровъ, сноситься обо всемъ съ Лагарпомъ. Но Лагарпъ сказалъ Александру, что отдастъ письмо только въ такомъ случаѣ, если найдетъ что Наполеонъ хочетъ добра“. Экзамена на добродѣтель Наполеонъ не выдержалъ. Письмо осталось нераспечатаннымъ [3]).

Дѣтской наивностью звучитъ письмо Александра—еще наслѣдника престола—къ Лагарпу, въ которомъ онъ увѣдомляетъ о своемъ намѣреніи „сдѣлать невозможнымъ деспотизмъ въ Россіи для чего дружбою и единствомъ видовъ онъ соединился съ княземъ Чарторижскимъ, Новосильцевымъ, гр. Строгановымъ и гр. Кочубеемъ“. Въ своемъ отвѣтѣ, будущаго реформатора, Лагарпъ весьма кстати отечески пожурилъ за слишкомъ близкія отношенія къ актрисѣ Филисъ [4]).

---

[1]) id. II, 24.

[2]) id. III, 244.

[3]) *Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу*, Лейпцигъ 1872, стр. 182.

[4]) id.

Недостатокъ практическихъ свѣдѣній, и пожалуй практической сметки, Александръ, всю жизнь, старался пополнить запасомъ чужой опытности. Никто не совѣтуется такъ охотно, какъ Александръ I, хотя въ то же время, немногіе такъ скептически относятся къ совѣтамъ и такъ упорно дѣлаютъ по своему. Въ глазахъ Александра, въ сущности, не было авторитетовъ. Самъ Аракчеевъ былъ только плохимъ орудіемъ получившимъ дурное направленіе хорошихъ намѣреній Александра.

Вступивъ на престолъ онъ немедленно призвалъ Строгонова и собственноручными письмами вызвалъ изъ-за границы Чарторижскаго и Лагарпа. Послѣднему онъ пишетъ въ такихъ выраженіихъ. „Объ одной милости прошу васъ: давать мнѣ ваши совѣты, которые будутъ мнѣ полезны на моемъ посту. Я рѣшился принять его только въ надеждѣ быть полезнымъ странѣ и предотвратить отъ нея въ будущемъ новыя бѣдствія". Черезъ нѣсколько дней, чуть не съ распростертыми объятіями, онъ принимаетъ Каразина, приславшаго ему анонимное письмо въ либерально-конституціонномъ духѣ. Но Кочубей и Строгоновъ согласно отмѣчаютъ неясность его преобразовательныхъ плановъ. Въ засѣданіяхъ, по крайней мѣрѣ первое время царствованія, онъ старается не высказывать свое мнѣніе [1]).

Молодые люди прежде близкіе къ Александру по вступленіи его на престолъ, весьма естественно образуютъ около него интимный кружокъ сверстниковъ однихъ съ нимъ взглядовъ и убѣжденій. 23 апрѣля (1801)—первый разговоръ съ Строгановымъ о конституціи; 9 мая, по предложенію Строганова учреждается нѣчто официальное: „Негласный Комитетъ" для обсужденія предстоящихъ государственныхъ преобразованій. Кочубей, въ Комитетѣ стоитъ отдѣльно. Остальные—

---

[1]) *Шильдеръ*, II, 27, 32, 24, 46.

Чарторижскій, Новосильцевъ и Строгоновъ—почему-то называются въ обществѣ „Тріумвираторомъ“ и за неимѣніемъ болѣе рѣшительныхъ элементовъ, въ глазахъ общественнаго мнѣнія, исполняютъ должность парижскихъ якобинцевъ. Все учрежденіе Государь, въ шутку, называлъ Comité du salut publique. (Намекъ на французскую революцію). Комитетъ совѣщался хотя во дворцѣ, но совершенно частно, безъ всякихъ формальностей, послѣ обѣда, въ туалетной комнатѣ государя [1]).

Не смотря на желáніе скорѣе приступить къ реформамъ, первое засѣданіе состоялось только 24 іюня. Такое опозданіе объясняется личнымъ нерасположеніемъ царской семьи къ графу Палену. Ждали его отставки и удаленія въ свои курляндскія помѣстья. Не менѣе замѣчательно, что Лагарпъ и Аракчеевъ, не смотря на близость къ государю, не участвуютъ въ Комитетѣ. Это является простой уступкой общественному мнѣнію. Александръ, очевидно, по самой природѣ недовѣрчивъ и, несмотря на свою популярность, даже въ „медовый мѣсяцъ новаго царствованія“—какъ называетъ эту эпоху Шильдеръ—прислушивается къ тому что говорятъ.

Дѣятели екатерининскаго царствованія, съ самаго начала не пользуются у Александра большимъ авторитетомъ. Ихъ окружаютъ всѣми внѣшними знаками официальнаго почета, но очевидно, считаютъ неспособными принять „вино молодое“. Всегда существующее между старымъ и новымъ поколѣніемъ психическое недоразумѣніе, при Александрѣ дѣйствуетъ также сильно, какъ и въ другія времена. По отношенію къ сподвижникамъ Екатерины допускается даже нѣкоторое лицемѣріе. Вездѣ говорятъ и пишутъ о продолженіи ея царствованія и вездѣ, гдѣ можно, дѣятелей ея эпохи замѣняютъ новыми людьми. Въ свою очередь

---

[1]) id. II, 46.

старики, въ должной мѣрѣ пользуясь своимъ правомъ критики...

...въ звѣздахъ и бриліантахъ,
Судили строго о тогдашнихъ франтахъ...

Въ кружкѣ приближенныхъ, болѣе выдающимся оказался Кочубей. Ему тридцать три года. Онъ учился въ Англіи, пользовался расположеніемъ дяди Безбородко; при Екатеринѣ, двадцати четырехъ лѣтъ, былъ посланникомъ въ Константинополѣ; отъ Павла получилъ графскій титулъ; при Александрѣ, два раза былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; предсѣдатель Государственнаго Совѣта при Николаѣ; отъ него получилъ княжескій титулъ.

Дмитріевъ, въ своихъ запискахъ, о первомъ русскомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ говоритъ, что „по привычкѣ своей болѣе къ французкому языку, на своемъ изъяснялся съ меньшей легкостью“ [1]). Впрочемъ, въ то время, этимъ дефектомъ, никого нельзя было удивить и, всѣхъ менѣе императора Александра.

Въ Глуховскомъ уѣздѣ (Черниговской губ.), гдѣ жилъ братъ Виктора Павловича Кочубея—Аполлонъ, знаменитый жестокостями и самодурствомъ (но воспитывавшійся въ Англіи), о графѣ, впослѣдствіи князѣ Кочубеѣ, сохранилось такое преданіе.

Какъ-то разъ онъ обѣщалъ навѣстить брата и глуховскихъ родственниковъ. Въ ожиданіи визита, Аполлонъ Кочубей выписалъ изъ Парижа севрскій сервизъ. Пріѣздомъ интерисовались всѣ родственники, а мѣстный правящій классъ, пользуясь случаемъ хотѣлъ сообщить приближенному государя какія-то крайне важныя для государства соображенія. Но въ назначенный день, вмѣсто кареты министра, примчался курьеръ. Графъ извиняется, что по такимъ-то причинамъ не можетъ пріѣхать.

---

[1]) *Дмитріевъ.* Взглядъ на мою жизнь, 183.

Обиженный братъ приказалъ топоромъ искрошить сервизъ и лично помогалъ въ этой операціи, а обиженное въ его лицѣ общественное мнѣніе уѣзда рѣшило, что министръ, избѣгающій входить въ мѣстныя отношенія, по необходимости „не знаетъ Россіи“.

Мысль, въ общемъ, конечно вѣрная, но поверхностная по отношенію къ Виктору Павловичу. Онъ также хорошо устроился среди эксцентричностей павловскаго режима, какъ и въ блестящій вѣкъ Екатерины. Искусно проведя свою ладью сквозь пороги и противурѣчія четырехъ царствованій, онъ именно доказалъ свое глубокое знаніе Россіи.

„Уменъ и ловокъ“ отзывался о немъ старикъ де-Сангленъ [1]).

Надобно замѣтить, что незадолго до отмѣны визита (точно годъ неизвѣстенъ, но въ царствованіе Александра) Аполлонъ Павловичъ, желая завоевать горничную своей тетки Марфы Демьяновны, изъ своего имѣнія Чуйковки, походомъ прошелъ на с. Ярославецъ. Такъ какъ горничную, съ ея искренняго согласія, увезли въ другія имѣнія тетки, походъ продолжался на Дубовичи и Ретикъ. Добродѣтель не торжествовала. Горничная взята (Было бы неточностью назвать этотъ актъ «похищеніемъ»). Объ этомъ походѣ упоминается въ запискахъ А. В. Кочубея [2]). Но у него пропущены двѣ подробности. Въ отрядѣ Кочубея были пушки и направлялся онъ черезъ Глуховъ, еще недавно—средоточіе властей Малороссіи и ея административный центръ.

Отмѣна визита, по всей вѣроятности, объясняется желаніемъ избѣжать свиданія съ родственникомъ компрометировавшимъ семью и фамилію. (Аполлона Павловича, между прочимъ, не терпѣлъ и дядя Безбо-

---

[1]) *Погодинъ*, Сперанскій. Р. Архивъ, 1871, стр. 1185.

[2]) *А. В. Кочубей*, Семейная хроника 11—13.

родко). Но все-таки непререкаемымъ остается тотъ фактъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ не могъ ничего сдѣлать ни съ братомъ Аполлономъ, ни съ другими ему подобными.

Графъ Кочубей рѣшительно неспособенъ кому нибудь навязать свое мнѣніе. (Что иногда требуется отъ государственнаго человѣка). Его нельзя упрекнуть въ уступчивости. Но государственному человѣку этого мало. Ему надобно иногда искусство дѣлать свое мнѣніе обязательнымъ. Въ этомъ обществѣ, гдѣ, чуть ли не каждый являлся съ своимъ лѣкарствомъ отъ зубной боли, Кочубей никогда не показывалъ публикѣ своихъ картъ. Въ противоположность Мордьинову, Карамзину, Каразину, братьямъ Тургеневымъ и другимъ дѣятелямъ этой замѣчательной эпохи, въ его жизни встрѣчаются цѣлые годы, когда, слегка пожавъ плечами (на сколько позволялъ этикетъ) онъ благоразумно оставался въ сторонѣ.

Духовный наслѣдникъ Безбородко и два раза министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей, при Александрѣ, когда половина сановниковъ ходила съ проэктомъ конституціи въ карманѣ, долженъ бы набросить хотя маленькій эскизъ. Но не смотря на самыя вызывающія обстоятельства, онъ не выступилъ съ своимъ проэктомъ... конечно не потому, чтобы конституція была не нужна Россіи и не потому, чтобы онъ не могъ написать проэктъ. Можетъ быть ранній опытъ истолковалъ ему, что дѣло не въ текстахъ закона, а въ людяхъ которыя живутъ подъ покровительствомъ этихъ текстовъ.

Кочубей, несомнѣнно одинъ изъ самыхъ выдающихся умовъ Александровской эпохи (Мы увидимъ на сколько, въ своихъ воззрѣніяхъ на крестьянское дѣло, онъ опередилъ едва ли не всѣхъ своихъ современниковъ). Но темпераментъ ли тому причиной, или явная несклонность къ борьбѣ, предпріимчивости и

сопротивленію лежитъ въ основѣ его характера—ему не суждено положить сколько нибудь замѣтный отпечатокъ на свою эпоху. Время ли было такое, или самъ онъ, подобно императору Александру, не совсѣмъ подходилъ къ своему времени, но, не смотря на его способности и положеніе, въ немъ даже не замѣтно желанія очень вліять на ходъ событій.

Какъ государственный человѣкъ, Кочубей — не смотря на весь его умъ и просвѣщеніе—болѣе годится въ министры какого-нибудь спокойнаго нѣмецкаго королевства, гдѣ все давно стоитъ на своемъ мѣстѣ и, какъ хорошіе часы, безошибочно функціонируетъ десятки лѣтъ, а не въ Россіи гдѣ съ легкой руки Петра, каждые десять лѣтъ, все передвигается съ мѣста на аѣсто; гдѣ благоразумные люди „въ виду предстоящихъ реформъ“ живутъ не роспаковывая чемодановъ, гдѣ интеллигенція давно разошлась съ народомъ; гдѣ послѣ павловскихъ реформъ, не осталось живого нетронутаго мѣста; гдѣ съ воцареніемъ молодого государя снова все очутилось подъ вопросомъ; гдѣ типы вродѣ брата Аполлона обязательно встрѣчались въ каждомъ уѣздѣ и, въ особенности, не въ Александровскую эпоху, когда государственнымъ людямъ приходилось не столько пользоваться готовымъ, сколько изобрѣтать. вдохновляться, угадывать, бороться на два фронта и прокладывать новыя дороги.

Чарторижскій былъ сдержанъ не менѣе Кочубея но его осторожность имѣла другой источникъ и выражалась совсѣмъ иначе. Если Кочубей, обыкновенно, считалъ лишнимъ или невозможнымъ высказаться, то Чарторижскій, иногда, не стѣснялся противурѣчить Александру и сказать ему ту полуправду, которой, часто, маскируютъ самую правду. Но въ его отношеніяхъ въ Россіи и государю была фальшивая нота дававшая неизгладимое противурѣчіе. Предвидя столкновеніе Россіи съ Наполеономъ, или просто, на всякій

случай, онъ думалъ о томъ, какъ бы, въ „дружбѣ“ съ Александромъ не зайти слишкомъ далеко. Служа Россіи и Александру, онъ болѣе всего заботится о томъ, чтобы, въ извѣстную минуту, не было большою неловкостью ихъ покинуть. Прежде всего, ему необходимъ свободный для своей совѣсти путь отступленія.

Въ человѣкѣ смотрѣвшемъ на Россію подъ такимъ угломъ, даже въ томъ случаѣ, если бы Чарторижскій понималъ Россію, мечтающій о реформахъ императоръ, не могъ найти полезнаго сотрудника. Къ этому надо прибавить: ни изъ чего не видно, чтобы Чарторижскій ее понималъ. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ крѣпостного права, но для этого вовсе не надо было понимать Россію. Въ остальномъ, далѣе обыкновеннаго въ то время англоманства не шли его теоретическія убѣжденія, практическихъ же свѣдѣній ему негдѣ пріобрѣсти.

Трудно представить калейдоскопъ событій интимной и политической жизни, прошедшей передъ глазами 28-лѣтняго гвардейца графа Строганова.

Баронъ, впослѣдствіи графъ римской имперіи и, еще позднѣй, графъ россійской имперіи Александръ Сергѣевичъ Строгановъ—отецъ — несомнѣнно, очень замѣчательный человѣкъ. Въ 1790 году „подражая ревностной любви къ отчеству своихъ предковъ“— сказано въ его прошеніи императрицѣ Екатеринѣ— онъ отказывается отъ 10.000.000 десятинъ пожалованной имъ земли и „по собственной и доброй волѣ, оставляетъ тѣ мѣста за казенными заводами и государственными селеніями“. Изъ всѣхъ довѣренныхъ лицъ окружавшихъ Екатерину, цесаревичъ Павелъ одного Александра Сергѣевича допустилъ въ число приближенныхъ къ себѣ людей. Въ тоже время Екатерина приближаетъ и уважаетъ его за то, что онъ не участвуетъ ни въ какихъ интригахъ и не заискиваетъ ни въ комъ изъ фаворитовъ. Въ воспитатели

единственнаго сына онъ приглашаетъ замѣчательнаго педагога Ромма, а управляющему пермскими имѣніями пишетъ, что желаніе его: „быть болѣе отцомъ, нежели господиномъ“ своихъ крестьянъ [1]).

Въ семейной жизни онъ постоянно несчастливъ. Первая жена, графиня Воронцова, проситъ развода и, въ одномъ изъ писемъ къ дядѣ, выражается о себѣ такъ: „Воронцова, бывшая по несчастію Строганова“. Вторая—княжна Трубецкая—покинула его для Корсакова. Тѣмъ не менѣе, насколько зависѣло отъ мужа, decorum всегда былъ строго соблюденъ. Сынъ долго не зналъ о совершившейся семейной драмѣ.

Если подъ вліяніемъ отца, графъ Павелъ Александровичъ долженъ былъ сложиться въ самомъ возвышенномъ рыцарскомъ стилѣ, то Жильбертъ Роммъ не только дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, но оказывается весьма дѣльнымъ и практичнымъ педагогомъ. Его воспитанникъ пріѣхалъ въ Россію почти не зная слова по русски. Роммъ, немедленно, началъ самъ учиться русскому языку и посовѣтовалъ, чтобы лучше познакомить своего воспитанника съ народнымъ бытомъ и роднымъ языкомъ, и, кстати, до времени скрыть отъ него семейную неурядицу, предпринять съ нимъ огромное путешествіе по Россіи. Несомнѣнно, Павелъ Строгановъ, благодаря французу Ромму, болѣе зналъ Россію о Россіи, чѣмъ всѣ наши молодые феодалы того времени.

Роммъ питаетъ искреннее сыновнее чувство къ матери, искренно любитъ своего воспитанника и, впослѣдствіи, женившись незадолго до смерти—судя по письмамъ—искренно любитъ свою жену.

И тотъ же Роммъ—казалось бы—весь изъ педагогическаго такта и здраваго смысла, всегда самостоя-

---

[1]) *Великій Князь Николай Михайловичъ*, Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, стр. XIII, 20, 21, 26.

тельный и сознающій свое достоинство, пріобрѣтающій, на свои сбереженія, имѣніе въ Оверни для того чтобы отдать его въ распоряженіе матери, осторожный настолько что, въ 1789 году, пріѣхавъ съ Строгановымъ въ Парижъ, онъ мѣняетъ его фамилію на псевдонимъ, взятый изъ названія одного изъ строгановскихъ имѣній на Уралѣ—подъ вліяніемъ развивающей революціи, въ какомъ-то опьяненіи, забываетъ всѣ границы умѣренности и гуманизма.

Когда заболѣлъ слуга Строганова Клеманъ, Роммъ не допустилъ напутствіе священника. Въ гробъ умершаго кладутъ Евангеліе и Декларацію о правахъ человѣка.

Въ Парижѣ Роммъ основываетъ клубъ „Друзей закона“ (Amis de la loi), архиваріусомъ котораго была знаменитость французской революціи либерально-взбалмышная, но добрая и мягко-сердечная Теруанъ де Мерикуръ, а библіотекаремъ Paul Otcher, то есть Павелъ Строгановъ. Тогда же Строгановъ записанъ членомъ клуба якобинцевъ. Можно догадываться что, Строгановъ „поражавшій своей красивой наружностью“, имѣлъ съ M-le de Mericourt не одни только занятія по архиву и библіотекѣ [1]).

Когда все это дошло до Екатерины, она приказала во чтобы то ни стало, вызвать Строганова въ Россію, а Ромму воспретила въѣздъ. Съ порученіемъ привезти Строганова, отецъ командируетъ своего племянника Новосильцева, хотя и молодого человѣка, но уже заявившаго въ достаточной степени свое благоразуміе. Въ декабрѣ 1790 г., Новосильцевъ, восемнадцатилѣтняго якобинца—то есть въ возрастѣ нашего студента перваго курса—увозитъ изъ Парижа въ Россію. Екатерина назначаетъ ему жить въ Братцевѣ, имѣніи матери, гдѣ онъ и остается до 1796 года [2]).

---

[1]) Id. 69.

[2]) Id. 79.

Разставшись съ воспитанникомъ, Роммъ ужасно скучалъ и, можетъ быть подъ вліяніемъ этого чувства, очертя голову, бросился въ революцію. Какъ депутатъ, онъ подписалъ смертный приговоръ Людовику XVI.

Чтобы завершить пережитыя Строгановымъ впечатлѣнія остается прибавить, что революціонныя мегеры, поклонницы Робеспьера, встрѣтивъ однажды Теруань „lui levèrent les jupes et la fouettérent malgré ses cris". Послѣ этого она неизлѣчимо сошла съ ума. Когда началось самоистребленіе партіи, Ромму тоже объявленъ смертный приговоръ. 17 іюня 1795 г., чтобы не достаться въ руки палача, онъ закололъ себя кинжаломъ. Все это, понятно, тяжело ложилось на сердце проживающаго въ Братцевѣ ех-якобинца.

Еще разъ,—поразительно много видѣлъ и испыталъ этотъ блестящій гвардеецъ, одинъ изъ лучшихъ людей этой блестящей эпохи.

Съ первыхъ дней новаго царствованія Строгановъ, такъ сказать, сопутствуетъ Императору и, на правахъ добровольнаго нотаріуса въ предвкушеніи великаго историческаго дѣла, благоговѣйно записываетъ,—конечно по французски—все что интимный кружекъ, въ Негласномъ Комитетѣ, по мѣрѣ силъ и умѣнья, придумалъ по реформаторской части.

Новосильцевъ былъ деллетантъ съ большими теоретическими познаніями, получившій образованіе въ Англіи, честныхъ убѣжденій и русскихъ инстинктовъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Въ этомъ кружкѣ онъ старшій (39 лѣтъ) и пользуется репутаціей дѣльца. Хорошо знающій его Чарторижскій говоритъ, что „Государь нашелъ въ немъ человѣка, умѣвшаго облечь его общечеловѣческія чувства въ русскую одежду" [1].

---

[1]) L'empereur trouvait en lui un instrument qui savait donner une forme russe à ses désires européens (*Шильдеръ*», Александръ I, т. II, 25).

Болѣе всѣхъ членовъ интимнаго кружка Новосильцевъ поддается вліянію Александра. Къ этому заключенію приводитъ такое обстоятельство. Юношескую переписку съ Лагарпомъ о своемъ намѣреніи, давъ конституцію Россіи, отречься отъ престола, Александръ ведетъ черезъ Новосильцева [1]). Можно съ различныхъ точекъ смотрѣть на отреченіе, но способность Новосильцева подчиняться чужимъ мечтамъ и самый выборъ для этого Новосильцева, не позволяетъ искать въ его характерѣ умѣнья всегда вѣрно оріентироваться и быть вездѣ самостоятельнымъ.

Итакъ, какъ ни малочисленъ Негласный Комитетъ, въ немъ, все-таки, рѣзко опредѣлились два темперамента. Первые три участника—считая Государя—по самой своей природѣ, всегда „себѣ на умѣ“; остальные—Строгановъ и Новосильцевъ—были олицетвореніемъ простоты, искренности и отсутствіе заднихъ мыслей!..

Если преобразованіе Россіи было дѣломъ труднымъ то члены Негласнаго Комитета съ чрезвычайной легкостью нашли выходъ изъ затруднительнаго положенія. „Лица удостоенныя довѣріемъ его величества по участію въ систематической работѣ надъ реформой безобразнаго зданія администраціи Имперіи—записалъ Строгановъ въ своемъ дневникѣ—рѣшили что предварительно самой реформы „необходимо имѣть у себя передъ глазами картину дѣйствительнаго состоянія Имперіи во всѣхъ ея частяхъ, чтобы получить возможность судить болѣе сознательно и о болѣзни, и методѣ лѣченія, которому должно слѣдовать. Г. Новосильцевъ взялъ на себя эту работу... Этотъ трудъ потребуетъ много времени“. (Еще бы!)

---

[1]) *Письма А. И. Тургенева, къ Н. И. Тургеневу*, 182.

Комментируя вышеприведенное мѣсто дневника Строганова Шильдеръ прибавляетъ: „такимъ образомъ Комитетъ раздѣлилъ всю свою колоссальную работу на три части; предположилъ: 1-е, изучить дѣйствительное состояніе государства въ настоящемъ его видѣ; 2-е, произвести затѣмъ административныя реформы по различнымъ частямъ управленія и, наконецъ, 3-е, увѣнчать всѣ эти преобразованія, конституціей, которая ручалась бы за прочность административныхъ реформъ [1]).

Однако,--присоединимъ и свой комментарій. Эта „картина дѣйствительнаго состоянія имперіи", напоминаетъ картину нашей государственной и земской статистики, которая, какъ извѣстно, въ цѣляхъ лучшаго управленія, писалась много разъ различными мастерами, но, тоже, какъ извѣстно никому не замѣнила ума и пониманія дѣла и никого не научила управлять. Слѣдуя программѣ Негласнаго Комитета, Александръ могъ смѣло передать конецъ своей реформы—самое близкое—концу XXI вѣка. Но двадцатичетырехлѣтній Александръ едвали разсчитывалъ посѣдѣть прежде, чѣмъ ему удастся съ помощью „Негласнаго" или какого нибудь другого комитета, наладить благосостояніе ввѣренной ему судьбою Россіи.

Не лишнее замѣтить, что легкость съ какой Новосильцевъ берется за предварительное изслѣдованіе Россіи, едвали говоритъ въ его пользу, какъ практическаго государственнаго человѣка.

Къ счастію реформаторовъ (и можетъ быть, несчастію Россіи) Негласный Комитетъ съ перваго шага отступилъ отъ своей слишкомъ широкой программы. Отложивъ подробное изслѣдованіе до болѣе удобного времени, Комитетъ, просто, рѣшилъ уничтожить старый коллегіальный порядокъ завѣдыванія отдѣльными

---

[1]) *Шильдеръ*, Александръ I, т. II, 46.

частями управленія—нечуждый московскому государству и только систематизированный Петромъ—и замѣнить его министерствами управляемыми, единолично министромъ.

Замѣтивъ что въ очень живомъ французскомъ строѣ и очень положительномъ англійскомъ практикуется система единоличнаго завѣдыванія отдѣльными частями управленія, реформаторы увлеклись мыслью нашу русскую халатность передѣлать съ помощью новаго иностраннаго образца. Предполагалось, что система учрежденій управляемыхъ единолично, отнявъ у завѣдующихъ частями возможность прикрываться коллегіей, вызоветъ болѣе личной энергіи и распорядительности. На эту тему происходятъ частыя бесѣды съ Лагарпомъ и сужденія въ Негласномъ Комитетѣ.

Говоря вообще, мы тоже не принадлежимъ къ числу сторонниковъ повсемѣстного примѣненія коллегіальнаго начала. Но главное, все таки, не въ единоличіи или коллегіальности, а въ общихъ свойствахъ суда и администраціи. Нельзя упускать изъ виду что кромѣ единоличности завѣдыванія отдѣльными частями управленія, въ Англіи имѣется судъ присяжныхъ, независимые государственные суды, въ случаѣ надобности ревизующіе всѣ дѣла и учрежденія, парламентъ, мѣстное самоуправленіе, характеръ народа и вѣковыя традиціи. Въ свою очередь, французская администрація временъ республики и Наполеона, хотя болѣе дѣятельная, чѣмъ наша, по другимъ причинамъ, еще менѣе нашей заслуживаетъ подраженія. Во всякомъ случаѣ сопоставленіе фактовъ еще не обусловливаетъ ихъ причинную связь и если нашъ старый порядокъ былъ нехорошъ, то „коллегіи“ были едва ли не меньшей изъ причинъ его недоброкачественности.

Вопросъ о реформѣ администраціи еще находился на степени обсужденія, когда случилось происшествіе давшее окончательное направленіе работамъ Негласнаго

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Комитета. Получено свѣдѣніе что въ Сибири умерло отъ голода нѣсколько тысячъ инородцевъ. Государь, иногда, запросто посѣщавшій Лагарпа, зашелъ къ нему, подѣлиться своимъ горемъ. „Хотя въ Неву броситься такъ мнѣ тяжело и грустно. И не могу добиться ни отъ кого, уже нѣсколько дней, объясненія по сему дѣлу". Лагарпъ повторилъ свой старый совѣтъ: замѣнить коллегіи министерствами [1]).

8 сентября 1802 года объявленъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ. Реформа встрѣчена общимъ сочувствіемъ тогдашнихъ либераловъ. 25 октября Государь пишетъ Лагарпу: „мѣра о которой мы такъ часто говорили въ полномъ ходу; министерство образовано и идетъ хорошо уже болѣе мѣсяца. „Дѣла отъ этого пріобрѣли болѣе ясности и методы и я знаю тотчасъ съ кого взыскать, если что нибудь идетъ не такъ какъ слѣдуетъ" [2]).

Для опыта шести недѣль,—нѣсколько смѣлое заключеніе. Остается спросить: черезъ сколько мѣсяцевъ послѣ этого письма Александръ пришелъ къ противуположному заключенію?

Люди остались тѣже! Къ новому положенію, прежде всѣхъ не можетъ примѣниться самъ Александръ. Чарторижскій справедливо упрекаетъ его въ наклонности все брать на свою отвѣтственность въ то время, когда учрежденіе министерствъ имѣетъ цѣлью именно государя освободить отъ отвѣтственности, возложивъ ее исключительно на министровъ. [3]) Подданные, напротивъ, хотя съ другого конца, скоро примѣнились къ новому положенію.

Въ концѣ царствованія, когда дѣло вполнѣ выяснилось, графъ Кочубей такъ отзывается о министер-

---

[1]) *Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу*, 186.
[2]) *Иконниковъ*, Графъ Мордвиновъ, 61.
[3]) *Mazade*, Alexandre et le prince Czartorysky, 9.

ской администраціи „Никто съ системой дѣлами управленія не занимается. Главною цѣлью полагаютъ исполнители — очищать сколь возможно болѣе бумагъ... Внутреннее правленіе идетъ слабо. Государственныя установленія наши все въ той же запутанности... Одно что чрезвычайно не нравится мнѣ, это равнодушіе, болѣе или менѣе (всѣхъ) преодолѣвшее. Мало кто думаетъ: хорошо или дурно идетъ какая нибудь часть. Что нужды, говорятъ, лишь бы какъ нибудь шла...“ [1]).

Такимъ образомъ реформа ограничилась простой перестановкой мебели. Высказанное тогдашними ретроградами опасеніе излишней стремительности преобразованій оказалось неосновательнымъ. Совѣтъ Лагарпа „въ теченіе нѣкотораго времени не останавливать обычнаго хода администраціи и не выбивать ее изъ колеи“ [2]) осуществился самъ собою, внѣ заботъ и желаній Государя и его сподвижниковъ.

Въ царствованіе Александра, колебаніе правящихъ сферъ въ крестьянскомъ вопросѣ поразительно. Отмѣна крѣпостного права иногда казалось дѣломъ завтрашняго дня; иногда освобожденіе является вопросомъ очень отдаленного будущаго; едва уловимой мечтой.

Напримѣръ, такая сцена. Къ графу Кочубею однажды пріѣхали его племянники. Были гости изъ высшаго бюрократическаго міра. „Въ ихъ присутствіи, между прочимъ разговоромъ, Викторъ Павловичъ объявилъ что Государь намѣренъ уничтожить крѣпостное право, то есть дать крестьянамъ свободу. Это сообщеніе дяди — разсказывалъ впослѣдствіи одинъ изъ племянниковъ, Аркадій Васильевичъ — очень всѣхъ удивило. Я и братъ, по отъѣздѣ гостей, обратились къ нему съ вопросомъ: нужно ли держать разсказанное

---

[1]) *Въ память графа Сперанскаго*, 155.

[2]) *Шильдеръ*, Александръ I, т. II, 26.

имъ втайнѣ? Дядя насъ разубѣдилъ въ этомъ, говоря что, напротивъ, слѣдуетъ объ этомъ разговаривать больше потому что это неминуемо и, въ скоромъ времени должно совершиться".

Молодые люди не заставили себя просить. Отъ дяди, они отправились на обѣдъ къ дѣду князю Безбородко, у котораго былъ открытый столъ для всѣхъ знакомыхъ „и тамъ всѣмъ разсказали что на дняхъ будетъ объявленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Каково было наше удивленіе—продолжаетъ разсказчикъ—когда, спустя нѣсколько дней, мы прочли въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" что нѣкоторые злоумышленники распространяютъ ложные слухи о томъ будто бы Правительство намѣрено прервать тѣсную связь крестьянъ съ дворянствомъ, но что слухи эти не имѣютъ ровно никакого основанія" [1]).

Говоря объ отношеніи Государя къ дѣлу уничтоженія крѣпостного права надо твердо помнить что съ его стороны, вопреки общимъ чертамъ его характера, можетъ быть по одному только этому вопросу, не было никакихъ колебаній. Съ начала до конца царствованія, онъ стоитъ за освобожденіе крестьянъ. Его взглядъ на вопросъ совершенно опредѣленъ и недопускаетъ никакого сомнѣнія.

Какъ бы кто ни былъ предубѣжденъ противъ Александра I за его нерѣшительность; съ какой бы точки ни смотрѣлъ на его колебанія и загадочность обращенія; въ какомъ недостаткѣ простоты и искренности ни обвинялъ бы его,—всякій долженъ признать въ немъ самое искреннее и постоянное желаніе, при себѣ сдѣлать все необходимое для уничтоженія крѣпостного права. Многимъ грѣшенъ Александръ; но вина равнодушія къ дѣлу уничтоженія крѣпостного права не находится въ спискѣ.

---

[1]) *Кочубей*, Семейная Хроника, 33.

Екатерининскій вельможа, подручникъ Потемкина, теперь членъ Государственнаго Совѣта Поповъ, написалъ Государю объ „ужасномъ впечатлѣніи произведенномъ на него недавно переведенной на русскій языкъ книгой графа Стройновскаго по крестьянскому вопросу [1]). 12 сентября 1811, Александръ отвѣчаетъ съ рѣдкой для него энергіей и откровенностью. „Писаніе ваше нахожу совершенно излишнимъ. Позвольте мнѣ думать что я столько же умѣю понимать вещи, какъ и вы. Въ упоминаемой книгѣ ничего похожаго всѣмъ вашимъ опасеніямъ я не нашелъ и пышныя ваши напоминанія о мѣрахъ принятыхъ въ прошедшія времена не могу признать вѣрными. Вообще не вижу я иного въ подвигѣ вашемъ, какъ охоту прослыть совѣтодателемъ. Я конечно столько же привязанъ къ своему отечеству, какъ и вы. [2])..

Но общество далеко не раздѣляло взглядовъ и намѣреній Императора. „Увидавъ въ Москвѣ какъ вся публика недовольна намѣреніемъ государя освободить крестьянъ—признается Канкринъ—я почерпнулъ въ этомъ новое побужденіе изложить свои мысли (по крестьянскому вопросу)“ [3]).

Придворные, чиновники и, просто публика или не замѣчаютъ ничего ненормальнаго въ крѣпостномъ правѣ и, съ благодушіемъ вѣрноподданнаго, изъявляютъ нѣсколько вялую готовность, въ дѣлѣ освобожденія, слѣдовать капризу Императора, или находятся въ прямой опозиціи его желаніямъ и намѣреніямъ. Даже либеральная часть тогдашняго общества относится къ вопросу освобожденія крестьянъ если не безучастно то крайне непрактично. „Союзъ Благоденствія“, пер-

---

[1]) *Графъ Валеріанъ Стройновскій.* О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами. Перевелъ съ польскаго. Анастасевичъ. Вильно 1809.

[2]) *Русскій Архивъ*, 1864, стр. 782.

[3]) *Русскій Архивъ*, 1866 стр. 126.

воначально даже не внесъ освобожденіе крестьянъ въ свою программу. Декабристы, конечно, за освобожденіе. Но и въ ихъ средѣ нѣтъ согласія въ существенномъ. Многіе допускаютъ освобожденіе личное, безъ земли [1]).

Ермоловъ, Давыдовъ и вообще боевые генералы „Двѣнадцатаго года“ остаются совершенно въ сторонѣ отъ крестьянскаго вопроса. Точно онъ ихъ не интересуетъ или они считаютъ его несвоевременнымъ. Знаменитое поколѣніе давшее „женъ декабристовъ“ и пушкинскую „Татьяну“ наперекоръ мягкости и отзывчивости женскаго сердца, какъ будто не замѣчаетъ крѣпостного права.

Теперь даже трудно себѣ представить до чего Негласный Комитетъ, съ Лагарпомъ включительно, умѣренъ и остороженъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Сначала все движеніе ограничивается указомъ о дозволеніи свободному населенію Россіи покупать незаселенныя земли. Потомъ—12 января 1803—Государственный Совѣтъ, говоря современнымъ языкомъ, въ принципѣ „одобрилъ“ мысль графа Румянцева увольнять крестьянъ по добровольному условію съ помѣщикомъ, нашелъ однако „неудобнымъ“ способъ, которымъ эту мысль предполагалось осуществить. (Не высказавъ однако своего болѣе удобного способа.) Результатомъ является довольно нелогичное дозволеніе только графу Румянцеву заключить договоръ съ крестьянами [2]). Самое худшее однако въ томъ какъ тогдашнее высшее общество приняло предложеніе графа Румянцева. „Заискиваетъ молъ у Государя; хочетъ получить новую ленту“.

Только 20 февраля 1803 г. явился общій законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Это, дѣйствительно, нѣчто

---

[1]) *Семевскій* Первый, политическій проэктъ Сперанскаго (*Русское Богатство* 1807, январь, 80).

[2]) *Мнѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ.* (Чтенія въ Московскомъ Общ. Ист. и Древ. 1860, 1, 65).

вполнѣ государственное. Освобожденіе происходитъ по договору, но непремѣнно съ землей и притомъ съ достаточнымъ количествомъ земли, удобно расположенной въ хозяйственномъ отношеніи. Но и въ этомъ законѣ совершенно неожиданно для понятій нашего и будущаго времени, является статья, по которой за невзносъ срочнаго платежа, крестьяне „возвращаются съ землей и семействами во владѣніе по прежнему“ [1]) Законодатель повидимому не задумывается надъ тѣмъ что это, можетъ быть, десятый или двадцатый платежъ со времени заключенія договора. Послѣ закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, не смотря на всевозможную суету по крестьянскому вопросу въ обществѣ и бюрократическихъ сферахъ, въ крестьянскомъ дѣлѣ произошелъ застой, продолжающійся не только до конца царствованія Александра, но до эпохи 60-хъ годовъ.

Въ числѣ младшихъ сподвижниковъ Екатерины, только начавшихъ выдѣляться въ ея царствованіе, былъ адмиралъ Мордвиновъ. Его цѣнилъ Потемкинъ. „Вы еще молоды,—писалъ онъ ему, а потому и споры. (Мордвинову 36 лѣтъ). Поступокъ вашъ меня пострашать былъ излишній и если бы я не столь былъ къ вамъ доброхотенъ, то бы смѣялся угрозою отставки“. При Павлѣ его спасла Нелидова. „У васъ есть подданный, — писала она Государю, — безукоризненно честный, всѣми уважаемый, но который имѣлъ несчастіе вамъ не угодить... Возвратате вашу милость несчастному и интересному Мордвинову... Орденъ, знакъ почтенія, даръ (ибо онъ очень бѣденъ) и вы, по истинѣ осчастливите ту, которую вы называете

[1]) Законъ 20 февраля 1803. *Полное Собраніе № 20620.* Случаи возвращенія вольныхъ хлѣбопашцевъ въ крѣпостное состояніе бывали.

своимъ другомъ и которая, по истинѣ, другъ вашей славы и всего того, что можетъ ее умножить“ [1]).

Но расцвѣтъ Мордвинова совершился въ царствованіе Александра. Онъ былъ первымъ морскимъ министромъ и хотя не значится въ числѣ участниковъ Негласнаго Комитета, его охотно выслушивалъ Государь, къ его мнѣнію прислушивались вліятельныя лица. Какъ многіе, Мордвиновъ спустилъ флагъ при Николаѣ Павловичѣ и вообще, въ дѣлѣ нравственно-политической этики, занялъ болѣе скромное положеніе, нежели, напримѣръ, удалившійся отъ дѣлъ Ермоловъ. Но такъ какъ и на поприщѣ бюрократа, не въ примѣръ другимъ, онъ приносилъ возможно большую и несомнѣнную пользу этому же русскому народу и такъ какъ другого выхода не было, то его уступку обстоятельствамъ нельзя считать тѣмъ „приспособленіемъ къ средѣ“ которое, никому не принося славы, обезпечиваетъ существованіе вида и ручается за личное благополучіе. Во всякомъ случаѣ Мордвиновъ—одна изъ самыхъ свѣтлыхъ головъ и одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ характеровъ Александровской эпохи.

Сверхъ морской спеціальности, Мордвиновъ съ молодости изучалъ экономическіе вопросы и, въ данное время—въ царствованіе Александра—едва-ли не болѣе всѣхъ своихъ русскихъ современниковъ освѣдомленъ въ государственныхъ финансахъ, сельскомъ хозяйствѣ и политической экономіи. Полемизируетъ онъ посредствомъ официальныхъ записокъ, въ которыхъ, оригинальнымъ слогомъ, излагаются оригинальныя мысли по разнымъ вопросамъ общественнаго интереса. Здѣсь онъ не только юристъ и государственный человѣкъ, но публицистъ по возможности просвѣщающій и морализирующій тогдашнее общество.

---

[1]) *Иконниковъ*, Гр. Мордвиновъ, 8, 25.

Современники называли эти записки „Золотыми голосами Мордвинова“. Наконецъ, Мордвиновъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые всегда расположены стать на сторону обиженнаго и угнетеннаго и войти въ положеніе не только слабаго, но и виноватаго.

Въ то время, когда Аракчеевъ рекомендовалъ Государю Мордвинова „пустымъ человѣкомъ“ [1]), увлеченные современники, нѣсколько преждевременно, почтили его титуломъ Катона. Рылѣевъ посвятилъ ему слѣдующую мысль:

.... Намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ Совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

Тургеневъ (Николай) неизмѣнно остается его поклонникомъ. Даже Искандеръ, основательно неблаговолившій бюрократіи, отзывается о Мордвиновѣ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ.

И, что же? Мордвиновъ „держится того мнѣнія, что распространеніе промышленныхъ, образовательныхъ и сельско-хозяйственныхъ средствъ развитія должно предшествовать и способствовать освобожденію крестьянъ“ [2]). Въ системѣ Мордвинова, уничтоженіе крѣпостного права „представляется (только) въ видѣ награды трудолюбію и пріобрѣтенному умомъ достатку“ [3]).

„Потерпимъ еще нѣсколько,—совѣтуетъ Мордвиновъ—и рабство само самой исчезнетъ въ Россіи“, когда у насъ вездѣ водворится многопольная система хозяйства, земледѣліе сдѣлается наукой, увеличится

---

[1]) *Иконниковъ*, Гр. Мордвиновъ, 308.

[2]) *Иконниковъ*, Гр. Мордвиновъ, 241.

[3]) *Одна изъ мѣръ освобожденія крестьянъ.* Записка 1818 года. (Чтеніе въ Моск. Общ. Ист. и Др. 1859, III, Озд. V, 52).

средняя продолжительность жизни, отъ каждаго брака будетъ оставаться въ живыхъ 2—4 человѣка „и когда помѣщикъ будетъ изобиловать денежнымъ капиталомъ достаточнымъ къ тому, чтобы принимать работниковъ для посѣва и жатвы“...

Это, такъ сказать, общая часть проекта Мордвинова. Болѣе опредѣленно, въ запискѣ 1818 года, онъ предлагаетъ постепенное освобожденіе съ одной только личной свободой (безъ земли) за выкупъ по таксѣ: младенцы отъ 2 до 5 лѣтъ 100 рублей (ассигнаціями)... мужчина отъ 30 до 40 лѣтъ—2,000 руб. Далѣе плата понижается [1]).

Трудно сказать какая часть проекта Мордвинова менѣе удачна и болѣе неисполнима.

Такъ время тяготѣетъ иногда надъ лучшими умами... Рутина застилаетъ иногда глаза даже избраннымъ современникамъ.

Въ видахъ правильнаго освѣщенія нѣсколько странной программы Мордвинова въ крестьянскомъ вопросѣ, не лишнее привести аналогичный фактъ изъ исторіи сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Станкевичъ, въ Берлинѣ, послѣ одного вечера у Фроловыхъ, беретъ съ своихъ друзей Невѣрова, Тургенева (романиста) и Грановскаго обѣщаніе совершенно въ духѣ предложенія Мордвинова. Паденію крѣпостного Іерихона должно предшествовать распространеніе въ Россіи образованія и общаго экономическаго и гражданскаго развитія [2]). Повидимому, всѣ они одинаково не замѣчаютъ, что мечтать объ уничтоженіи крѣпостного права путемъ постепеннаго распространенія образованія,—все равно что съ Лежневымъ знаменитаго романа ходить на свиданіе съ молодой липой въ концѣ

---

[1]) *Мнѣніе адмирала Мордвинова по рабству крестьянъ въ 1833 году* .(Чтеніе въ Моск. Общ. Ист. и Др. 1859, Ш Отд. V, 58, 54).

[2]) *Вѣтринскій*, Т. Н. Грановскій и его время, 37.

сада и, въ ея стройномъ образѣ обнимать всю природу.

Въ опозиціи Александру по крестьянскому вопросу, неожиданно для потомства, появляется одинъ изъ самыхъ образованныхъ и прогрессивныхъ умовъ того поколѣнія, основатель Харьковскаго университета Каразинъ. Мало того, что онъ появляется въ опозиціи. Въ догматикѣ крѣпостного права онъ идетъ едвали не далѣе всѣхъ мастеровъ ежево-рукавичнаго дѣла изучившихъ свою профессію только патріархально и практически.

Въ воображеніи Каразина создается помѣщикъ—„наслѣдственный чиновникъ и... въ отношеніи къ государству... генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ... Какъ государь былъ для народа и властей среднихъ изображеніе самого Бога“, такъ помѣщикъ (бояринъ) является изображеніемъ самого государя. „Помѣщикъ для благодѣйствія селеній земледѣльческихъ почти столько же нуженъ, сколько монархъ для подданныхъ вообще“. Власть этого изображенія монарха географически кончалась тамъ „у престола монарха всѣхъ міровъ“. Короче, если къ обыкновенному дворянскому титулу прибавить, „помѣщикъ Божіей Милостію“,—догматическая часть крѣпостного права по ученію Каразина, будетъ вполнѣ закончена.

Въ Кручинѣ—имѣніи Каразина—повидимому, не шутятъ. Въ противуположность сентиментальному теченію александровскаго законодательства исключающаго старинный терминъ „нещадно“ изъ уголовныхъ приговоровъ и объявленія о продажѣ людей изъ газетъ [1]), здѣсь—въ Кручинѣ—рубятъ прямо. „Неоплатнаго же по нерадѣнію отдавать въ рабство тому,

---

[1]) *Шильдеръ*, Алекс. I т. II, 19, 36.

кому онъ долженъ и до окончательной выплаты (онъ) никакой собственности имѣть не можетъ".

Но русскій человѣкъ не безъ основанія замѣтилъ: „чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ" Оказывается что вѣтхозавѣтное законодательство Каразина не болѣе какъ „бука, цыгане и козы". которыми матери пугали когда то своихъ дѣтей, а дѣти матерей. На самомъ дѣлѣ сельскій уставъ Каразина, наряду съ чрезвычайной неумѣлостью и непроходимымъ доктрикерствомъ, заключаетъ въ себѣ много гуманнаго и прогрессивнаго.

Каразинъ старается обезпечить не только всѣхъ крестьянъ, но и всѣхъ отставныхъ солдатъ; заботится не только объ общемъ образованіи крестьянской массы, но и о среднемъ и высшемъ образованіи ея выдающихся членовъ; одинъ изъ первыхъ въ Россіи онъ позаботился о раціональномъ крестьянскомъ хозяйствѣ; энергически, вполнѣ основательно и краснорѣчиво осуждаетъ скороспѣлую реформу Александра (1816 г.) освободившую прибалтійскихъ крестьянъ лично, безъ земли... Мы не скоро кончили бы начавъ перечислять все хорошее, что онъ, если не сдѣлалъ, то думалъ сдѣлать.

Самый „помѣщикъ Божіею Милостью", въ начертаніи Каразина, вовсе не является синекурой получающей обезпеченные государствомъ доходы и пользующейся никѣмъ не оспариваемымъ престижемъ. Напротивъ, Каразинъ, очевидно, считаетъ помѣщика юридически обязаннымъ быть полезнымъ своей сельской общинѣ. Предсѣдательство помѣщика въ его „сельской думѣ" не только почетъ и удовольствіе принадлежащіе ему по праву рожденія, но обязанность тяжелого помѣщичьяго званія... возиться съ неисправными членами своей сельской общины, вплоть до отдачи ихъ „въ рабство"... (Воображаемъ какъ это было бы пріятно и сколько, входило въ разсчеты Онѣгина, Печорина и вообще того высоко—культур-

наго слоя который, игнорируя свои сельскохозяйственныя обязанности. пышно разцвѣлъ на почвѣ крѣпостного права!) Въ общей сложности, если составить обстоятельную смѣту, „помѣщику Божіею Милостью“ проэктированному Каразинымъ не останетея минуты покоя и ни копѣйки денегъ. Остается прибавить: все это догматическое доктринство Каразина является не только курьезнымъ, но и совершенно безкорыстнымъ. Самую частновладѣльческую землю Каразинъ объявляетъ „собственностью народа на равнѣ съ помѣщикомъ [1]).

О Каразинѣ, по всей справедливости, можно сказать: онъ безконечно выше и лучше того, что ему удалось изъ себя изобразить и никто никогда не клеветалъ на него такъ, какъ самъ онъ себя оклеветалъ.

Опять на примѣрѣ Каразина видимъ что эпоха портитъ иногда самыхъ лучшихъ людей. Отдадимъ же должное нашей эпохѣ. Теперь не пишутъ проэктовъ вродѣ догматики крѣпостного права по ученію Каразина... но не потому что люди стали лучше. Просто: наше время уже переросло эпоху многихъ старыхъ заблужденій. Явилось болѣе возможности жить чужимъ умомъ.

Генералъ-интендантъ арміи Александра I и, съ 1823, его министръ финансовъ Егоръ Францевичъ Канкринъ, одинъ изъ наиболѣе полезныхъ и преданныхъ Россіи иностранцевъ выдвинутыхъ „Александровской эпохой“, тоже занимался крестьянскимъ вопросомъ.

Канкринъ—человѣкъ очень образованный, но, по складу ума, не склонный вдаваться въ большія отвлеченности; не смотря на художественный инстинктъ,—прежде всего, практическій нѣмецъ съ большой ясно-

---

[1]) *Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др.* 1860, II, 218, 222, 223, 225; III, 141, 154, 162, 163, 175.

стью сужденій и независимымъ характеромъ. Полвѣка прослужа Россіи и въ Россіи, онъ не научился, какъ слѣдуетъ, говорить по русски. Но Россію онъ знаетъ едва ли не лучше многихъ выдающихся русскихъ. Въ то время, когда послѣдніе совѣтуютъ заводить фабрики даже въ казенныхъ имѣніяхъ, Канкринъ полагаетъ что одного изъ причинъ разоренія крестьянъ (слѣдовательно и дворянства) являются „не по силамъ предпринимаемыя помѣщиками винокуренныя операціи и необдуманное устройство разнаго рода фабрикъ". Прежде всего обязанный себѣ, Канкринъ не высоко ставитъ баловной судьбы захватившихъ общество и бюрократію. Будучи министромъ финансовъ, Канкринъ никогда не покупалъ акцій и биржевыхъ бумагъ. На свои сбереженія пріобрѣталъ имѣнія въ Россіи или клалъ деньги въ банкъ. Какъ иностранецъ, Канкринъ, до иввѣстной степени, безпристрастенъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Крѣпостное право онъ считаетъ „противнымъ закономъ божескимъ и человѣческимъ"; Отъ его уничтоженія, ожидаетъ „улучшенія повсюду и производительности въ двадцать разъ".

Въ 1818 году, поручая Канкрину написать соображенія по дѣлу эмансипаціи, Государь—надо полагать—указалъ для примѣра на недавно состоявшееся освобожденіе крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ. (Отрицательный отзывъ Каразина объ этой эмансипаціи мы слышали). Отчасти возражая на это указаніе, отчасти затронутый почти всеобщей опозиціей желаніямъ Государя, Канкринъ написалъ по французски. „Розысканіе о происхожденіи и отмѣнѣ крѣпостного права въ Россіи", хотѣлъ лично подать свою записку, Государю при проѣздѣ на варшавскій сеймъ 1818 года, но, опоздавъ, поручаетъ графу Несельроде представить ее по назначенію.

Очень любопытная записка. О ней можно сказать что крестьянскій вопросъ она рѣшаетъ черезъ чуръ

основательно и, вслѣдствіе такого ея свойства, не годится для русскаго и ни для какого другого крестьянскаго вопроса.

Эмансипацію—по Канкрину—предполагается начать въ 1819 году установленіемъ „избранныхъ съ большой осмотрительностью“ тайныхъ попечителей (tuteurs) въ губерніяхъ.

Въ 1820 „Сенатъ объявляетъ ко всеобщему свѣдѣнію, что, въ существующихъ у насъ постановленіяхъ, нѣтъ закона воспрещающаго крѣпостнымъ людямъ пріобрѣтать собственность (на свое имя?) что домъ (крестьянина) и движимость составляетъ его неотъемлемую принадлежность, что онъ можетъ покупать землю и проч.“.

И т. д., почти ежегодно „по столовой ложкѣ“, до 1880 года [1]).

Проэктъ Канкрина, за сорокъ три года до „Положенія 19 февраля“ начавъ раскрѣпощеніе крестьянскаго сословія, затягиваетъ рѣшеніе вопроса по меньшей мѣрѣ на двадцать лѣтъ послѣ Положенія. Исходъ евреевъ изъ Египта, до сихъ поръ, считался самымъ радикальнымъ опытомъ по части массового перевоспитанія народа. Проэктъ Канкрина въ 50^0 превзошелъ исходъ евреевъ изъ Египта.

Всѣхъ проще и ближе къ правильному рѣшенію крестьянскаго вопроса держался графъ Кочубей. Одинъ частный случай разъяснитъ намъ его программу.

И. Д. Якушкинъ, будущій декабристъ, рѣшилъ отпустить своихъ крестьянъ на волю безвозмездно, предоставивъ имъ въ полную собственность ихъ дома и движимое имущество, „усадьбы и выгоны въ томъ

---

[1]) *Русскій Архивъ* 1865, стр. 545, 548, 549—552; 1866 стр. 121, 126.

самомъ видѣ, какъ они находились тогда". Объ этомъ заявлено министерству внутреннихъ дѣлъ. Никакого предварительнаго соглашенія съ крестьянами, по этому предмету, повидимому, не было. Прошло около года, въ теченіе котораго состоялось назначеніе министромъ графа Кочубея. (Его второе министерство: съ 1819 г.).

„Въ продолженіе цѣлой недѣли — разсказываетъ Якушкинъ—я ходилъ ежедневно къ министру (графу Кочубею) и никакъ не могъ добиться его лицезрѣнія; наконецъ я забрался къ нему съ утра и рѣшилъ дожидаться пока онъ выйдетъ изъ своего кабинета. Часа въ три по полудни „дверь кабинета растворилась и министръ подошедъ ко мнѣ сказалъ: „что вамъ угодно?" .. Между прочими возраженіями, онъ сказалъ мнѣ: „Я нисколько не сомнѣваюсь въ добросовѣстности вашихъ намѣреній; но если допустить способъ вами предлагаемый (освобожденіе съ одной усадебной землей). то другіе могутъ воспользоваться имъ, чтобы избавиться отъ обязанностей относительно своихъ крестьянъ".

Такъ—заключаетъ Якушкинъ — хлопоты мои въ Петербургѣ объ освобожденіи крестьянъ кончились ничѣмъ [1]).

Можно, конечно, удивляться что такой изысканный дипломатъ, какъ графъ Кочубей не нашелъ болѣе дипломатическаго способа отказать искреннему сторонникуосвобожденія крестьянъ, какъ только заставивъ его недѣлю ходить въ департаментъ и съ утра ожидать до трехъ часовъ пополудни. Отчасти это объясняется тогдашними бюрократическими нравами, а можетъ быть здѣсь что нибудь не такъ, какъ показалось Якушкину. Во всякомъ случаѣ, было бы неосновательно приписать отказъ,—общему несочувствію Кочубея освобожденію крестьянъ. „Онъ былъ чело-

---

[1]) *Записки И. Д. Якушкина.* Лондонъ, 1862, стр. 32—38.

вѣкъ просвѣщенный, который вовсе не казался способнымъ благопріятствовать какимъ нибудь образомъ крѣпостному праву", говоритъ о немъ Николай Тургеневъ [1]).

Но дѣло въ томъ, что Якушкинъ, хотѣлъ покончить крѣпостное право на основаніи 123 ст. Великор. Полож. (имѣніе Якушкина находилось въ Смоленской губерн.) подаривъ крестьянскому обществу четверть высшаго душевого надѣла со включеніемъ въ нее усадебной земли. (Дарственная на «четвертной надѣлъ». Примѣняемъ нашу современную юридическую терминологію). Есть основаніе предполагать что предложеніе Якушкина не осталось бы безъ продолжателей. Рѣшеніе крестьянскаго вопроса по этому способу, въ кружкѣ декабристовъ пользовалось извѣстной популярностью.

Система дарственной на четверть высшаго надѣла имѣетъ за собою несомнѣнное достоинство быстроты и несложности. При нашемъ многоземеліи, дешевизнѣ земли и возможности переселяться на сводобныя земли, она вовсе не такъ дурна, какъ о ней теперь принято думать. Но она требуетъ многого чего теперъ намъ недостаетъ и чего еще болѣе недоставало въ началѣ XIX вѣка.

Въ концѣ царствованія Александра, едва ли не одинъ Кочубей, въ крестьянскомъ вопросѣ, остается на почвѣ закона о вольныхъ хлѣбапашцахъ изданнаго въ его началѣ. Это значитъ: онъ не только желаетъ освобожденія крестьянъ съ землею, но желаетъ также, чтобы поступающее въ ихъ владѣніе количество земли было достаточно и, кромѣ того, находилось въ удобныхъ экономическихъ условіяхъ.

«Теперешній министръ, графъ Кочубей—предупреждаетъ директоръ департамента—въ этомъ случаѣ, не

---

[1]) *Иконниковъ*, Графъ Мордвиновъ, 278.

согласится отступить на волосъ отъ учрежденій 1805 года составленныхъ имъ самимъ во время его перваго министерства». Но дѣло здѣсь не въ томъ что законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ составленъ въ первое министерство Кочубея, а въ томъ что этотъ законъ—какъ мы сказали выше—не только самое лучшее, но единственно хорошее, что, по крестьянскому вопросу, сдѣлано при Александрѣ I. Такимъ образомъ, отказъ Якушкину, съ точки зрѣнія министра, становится понятнымъ и трудно не быть на сторонѣ этого министра.

Если Якушкинъ, какъ бы въ упрекъ закону о вольныхъ хлѣбопашцахъ, говоритъ что съ самого его обнародованія (то есть съ 1803 по 1819) перешло въ это сословіе только 30,000, то надо помнить что по его проэкту, на волю вышло еще менѣе! „Долго... слушали меня (крестьяне) съ вниманіемъ—разсказываетъ онъ о своемъ соглашеніи съ сельскимъ сходомъ—и наконецъ спросили: „земля, которою мы теперь владѣемъ будетъ принадлежать намъ?...“—„Будетъ принадлежать мнѣ“... „Ну такъ, батюшка, оставайся все по старому; мы ваши, а земля наша“. Но, зная крестьянъ и, съ знаніемъ дѣла, входя въ ихъ положеніе, развѣ можно было ожидать другого отвѣта?.

Графъ Кочубей желаетъ чтобы освобожденіе совершилось, хотя и путемъ отдѣльныхъ соглашеній, но по одному, одинаковому для всего государства масштабу. „Безпокойство на счетъ вольности крестьянъ—пишетъ онъ частно Сперанскому въ 1819 году—не уменьшается. Но существуетъ ли предположеніе сіе или нѣтъ (весьма замѣчательная для министра внутреннихъ дѣлъ „фигура умолчанія“) я тѣхъ мыслей что несравненно бы лучше произвести, съ надлежащими осторожностями, общую въ государствѣ перемѣну въ разсужденіи крестьянъ, нежели возбуждать ежеминутно новые толки и новые неудовольствія [1]). На этотъ

[1]) *Въ память Графа М. Сперанскаго*, 155.

разъ, онъ сходится со старыми представителями екатерининскихъ традицій. Отдадимъ имъ справедливость, какъ государственнымъ людямъ.

Графа Кочубея, не безъ основанія, Якушкинъ могъ бы упрекнуть въ непослѣдовательности. Въ 1819, онъ отказываетъ въ поддержкѣ его предложенія освободить крестьянъ съ одной усадебной землей, а въ 1816, какъ членъ Государственнаго Совѣта, не высказывается противъ освобожденія цѣлаго крестьянскаго сословія Прибалтійскаго края совершенно безъ земли. Но теперь едвали можно выяснить обстоятельства, при которыхъ явилась эта послѣдовательность. Независимо отъ этого было бы большой ошибкой предположить у кого нибудь, въ томъ чилѣ у Кочубея, возможность „вить веревки“ изъ вола и намѣреній Александра I. Происшествіе съ племянниками, которымъ графъ Кочубей нѣсколько преждевременно сообщилъ новость близкаго уничтоженія крѣпостного права, служитъ этому доказательствомъ. И если графъ Кочубей, по самому своему характеру, былъ несклоненъ идти „противъ рожка“, то еще вопросъ; существовала ли возможность, въ тогдашнемъ омутѣ кресстьянскаго дѣла, плыть противъ общаго теченія.

Къ числу высшихъ политическихъ дѣятелей того времени, раздѣлявшихъ мечты Государя объ освобожденіи крестьянъ принадлежатъ Александръ и Николай Тургеневы.

Николай Тургеневъ учился въ Гетингентскомъ университетѣ, былъ прикомандированъ къ прусскому министру знаменитому Штейну, потомъ, въ качествѣ коммисара русскаго правительства, сопровождалъ нашу армію въ кампаніи 14 и 15 года. Подъ впечатлѣніемъ долгаго пребыванія за границей, трагизмъ отечественной обстановки получилъ въ его глазахъ болѣе

яркое освѣщеніе, чѣмъ у бодьшинства тогдашняго русскаго общества. „Говоря его собственными словами, онъ пользовался всякой представившеюся ему возможностью для нападенія, съ государственной и финансовой точки зрѣнія, на крѣпостное право или безправіе, на этого врага, съ которымъ онъ боролся цѣлую жизнь, боролся дольше всѣхъ и можетъ быть раньше всѣхъ своихъ современниковъ“,

По возвращеніи въ 1816 году въ Россію, Тургеневъ обратилъ общее вниманіе своимъ „Опытомъ теоріи налоговъ“, а въ 1819 г. черезъ графа Милорадовича, представилъ Государю записку „О состояніи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи“. Она осталась почти неизвѣстной въ обществѣ, но чрезвычайно понравилась Государю и затронула его самыя задушевныя мысли. Государь сказалъ Милорадовичу, „что возьметъ лучшее изъ этой записки, благородная откровенность которой не прибѣгала ни къ какимъ уловкамъ и оттѣнкамъ и непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь для крестьянъ“ [1]).

Записка великолѣпно справляется съ дѣломъ до тѣхъ поръ, пока стоитъ въ фарватерѣ теоретическихъ рвзсужденій и отдѣльныхъ историческихъ фактовъ. Ея общая мысль выражена удивительно. „Вѣра въ благое Провидѣніе, надежда на мудрое и народолюбивое правительство не позволяетъ намъ сомнѣваться что наступитъ часъ радости для Россіи, когда сыны ея будутъ принадлежать всѣ ей одной, а не одинъ другому“. Изъ записки же узнаемъ много новаго и потрясающаго. «Прежде малолѣтніе (въ помѣщичьхъ имѣньяхъ) оставллись въ покоѣ; но нынѣ пагубное обыкновеніе заводить фабрики даже въ губерніяхъ плодородныхъ, побудило помѣщиковъ обратить дѣтей обоего пола къ работѣ на фабрикахъ изнуряющихъ

---

[1]) *И. С. Тургеневъ.* Полное собр. сочин. X, 478.

ихъ силы физическія и нравственныя»... «Извѣстно, что прежде, лѣтъ за 40 передъ симъ, торгъ (крѣпостными) простирался до того, что даже въ С.-Петербургъ привозили людей цѣлыми барками для продажи»... [1]).

Но какъ только записка Тургенева переходитъ на почву практическаго выполненія, она не служитъ достаточнымъ арсеналомъ для сторонниковъ эмансипаціи. Учредительная часть его проэкта начинается тѣмъ что, въ каждой губерніи «надаоръ (за отношеніями помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ) поручается особому чиновнику въ качествѣ коммисара министра внутреннихъ дѣлъ». Затѣмъ, въ каждой губерніи учреждается комитетъ изъ губернатора, предводителя дворянства и этого коммисара, въ которомъ послѣдній «представляетъ интересы крестьянъ, предводитель—интересы дворянства; губернаторъ—интересы правительства»... Не говоря о томъ, что жизнь едва-ли ограничится такимъ, слишкомъ правильнымъ распредѣленіемъ ролей, самый персоналъ защитниковъ—одинъ чиновникъ на губернію—едва-ли достаточенъ для дѣйствительнаго вліянія на ходъ дѣла.

Замѣчательно, что еще при Екатеринѣ II, русскій юристъ А. Е. Полѣновъ, подъ именемъ «высшихъ крестьянскихъ судовъ», въ качествѣ органа раскрѣпощенія, предлагалъ институтъ весьма близкій къ мировому суду или учрежденію мировыхъ посредниковъ по «Положенію 19 февраля» [2]) Отсюда видно

---

[1]) Много позднѣй эпохи, о которой говоритъ Тургеневъ, намъ называли помѣщицу, которая будто бы ежегодно привозила на «Коренную» ярмарку въ Курскъ, нѣсколько дѣвокъ для продажи. Наконецъ, авторъ лично зналъ одну женщину, красавицу въ молодые годы, о которой говорили, что за ея мать «купцы давали» такую то сумму. Оба факта, приблизительно изъ временъ Николая I.

[2]) *Русскій Архивъ*, 1865, стр. 537, 610.

насколько система крестьянскихъ учрежденій, пятьдесятъ три года позднѣе предлагаемая Тургеневымъ, является отсталой и и несвоевременной.

Мѣстами записка Тургенева дышетъ непроходимой наивностью. «Усмотрѣвъ изъ составленныхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вѣдомостей благородство души нѣкоторыхъ помѣщиковъ, правительство конечно, съ удовольствіемъ изъявитъ имъ свое благоволеніе и, при встрѣчающихся просьбахъ къ правительству отъ таковыхъ помѣщиковъ, будутъ удовлетворены оныя предпочтительно другимъ» [1]).

Потому ли что, въ концѣ концовъ, Тургеневъ тоже идетъ на нѣкоторое соглашеніе съ противуположнымъ теченіемъ, или по другимъ причинамъ, но и въ его программѣ встрѣчаются дефекты, иногда почти дѣлающіе ее неузнаваемой. Въ своемъ „Опытѣ теоріи налоговъ“, лучшимъ средствомъ для уменьшенія количества ассигнацій онъ считаетъ продажу государственныхъ имуществъ вмѣстѣ съ крестьянами. Законъ 1803 года о вольныхъ хлѣбопашцахъ онъ предлагаетъ измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы помѣщику, при заключеніи съ крестьянами добровольныхъ условій, было разрѣшено удерживать за собою право собственности на землю, а крестьянамъ предоставить права перехода. (т. е. дозволеніе освобождать цѣлыя вотчины безъ земли). Онъ былъ противникомъ общиннаго землевладѣнія крестьянскимъ надѣломъ и только въ эпоху Положенія 19 февраля перешелъ на его сторону: предложилъ его сохранить и дать ему большее развитіе.

Но самый главный дефектъ какъ записки 1819 года, такъ и всей пропаганды Тургенева заключается въ томъ, что онъ тратитъ свои силы на доказательство

---

[1]) *Николая Тургенева.* Нѣчто о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи. (Сборникъ историческихъ матеріаловъ извлеченныхъ изъ архива собств. Е. И. В. канцеляріи IV, 450—459).

совершенно невѣрнаго положенія: будто бы „только одно самодержавіе можетъ положить конецъ рабству... Когда я замѣчалъ въ людяхъ, съ которыми говорилъ желаніе политической эмансипаціи безъ освобожденія крестьянъ, мною овладѣвало такое негодованіе, что можно было подумать что я защищаю только абсолютную власть... Преніе становилось страстнымъ, даже ожесточеннымъ и тогда въ особенности мнѣ приходилось брать на себя защиту тѣхъ выгодъ, какія представляетъ абсолютная власть въ странѣ, гдѣ господствуетъ крѣпостное право“ [1]).

Мысль невѣрная по самому своему существу и вредная по своимъ послѣдствіямъ.

Въ томъ что, по недоразумѣнію, обиженные и угнетенные иногда защищаютъ абсолютную власть въ надеждѣ на ея защиту, нельзя сомнѣваться. Между прочимъ, на этой иллюзіи, когда то основалось величіе папства [1]). Но чтобы на самомъ дѣлѣ абсолютизмъ, гдѣ нибудь и когда нибудь дѣйствительно защитилъ массу,—болѣе нежели подвержено сомнѣнію.

Никто, конечно не станетъ отрицать того что „просвѣщенный деспотизмъ“ можетъ иногда сдѣлать много хорошаго. Но почему то онъ этого не дѣлаетъ или дѣлаетъ крайне рѣдко. Дѣло въ томъ что у него на рукахъ бездна разныхъ требованій общественного характера, но взаимно противуположнаго направленія, съ которыми ему приходится считаться. Иначе, ему самому не свести концы съ концами.

Далѣе, чѣмъ доказано что политическая свобода, въ наше время, можетъ не привести къ общей гражданской свободѣ и равенству передъ закономъ? Напротивъ, изъ исторіи извѣстно, что рано или поздно,

---

[1]) *Иконниковъ,* Графъ Мордвиновъ, 235. *И. С. Тургеневъ,* X, 478.

[1]) *Ранке* Римскіе папы, 678.

тѣмъ или другимъ путемъ, политическая свобода всегда клонится къ равноправности.

Графъ Милородовичъ, извѣстный партнеръ Мюрата въ Отечественную Войну и петербургскій генералъ-губернаторъ,—одна изъ тѣхъ беззаботныхъ натуръ, которыя умомъ живутъ столько же, сколько инстинктомъ и, поступая хорошо, менѣе всего думаютъ о своихъ поступкахъ. По поводу одной военной ошибки, Ермоловъ острилъ на его счетъ: „непріятель не засталъ бы головы у Милородовича, ибо не взирая на безстрашіе, она была въ величайшемъ замѣшательствѣ“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, отважный генералъ едва ли когда нибудь увлекался такими вещами, какъ „логика“ и „система“. Но, вслѣдствіе внутренней логики характера, все само выходило у него логичнымъ и строго подчинялось системѣ. Рыцарство Милорадовича неизмѣнно является вездѣ, гдѣ въ немъ встрѣчается надобность.

По полученіи тревожныхъ извѣстій изъ Таганрога, графъ Милорадовичъ, на частномъ совѣщаніи у Николая Павловича, рѣшительно высказался въ такомъ смыслѣ. Великій князь Николай „не можетъ и не долженъ наслѣдовать брату своему Александру въ случаѣ его смерти; законы Имперіи не дозволяютъ располагать престоломъ по завѣщанію; при томъ завѣщаніе Александра извѣстно только нѣкоторымъ лицамъ, а неизвѣстно въ народѣ; отреченіе Константина тоже не явное и осталось необнародованнымъ; Александръ, если хотѣлъ, чтобы Николай наслѣдовалъ послѣ него престолъ, долженъ былъ обнародовать при жизни волю свою и согласіе на нее Константина; ни народъ, ни войско не поймутъ отреченія и припишутъ все измѣнѣ; неминуемое затѣмъ послѣдствіе будетъ возмущеніе...

---

[1]) *Записки А. П. Ермолова*, I, 20.

Могъ ли я допустить — разсуждаетъ Милорадовичъ — чтобы принесена была какая нибудь присяга, кромѣ той, которое слѣдовала? Мой первый долгъ: требовать этого и я почитаю себя счастливымъ что великій князь тотчасъ же согласился на это... [1]).

Дѣйствительно, при данныхъ обстоятельствахъ, Константинъ имѣлъ право отречься отъ престола. Это несомнѣнно. Но отреченіе сдѣланное секретно, хранимое тайно, извѣстное крайне незначительному числу свидѣтелей и утвержденное частной волей несуществующаго лица, ни въ какой странѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ, не можетъ явиться достаточно гарантирующимъ и законнымъ. Слѣдовательно, послѣ смерти Александра, до новаго отреченія, присяга „императору Константину“, составляетъ обязанность всѣхъ вѣрноподданныхъ, въ томъ числѣ великаго князя Николая Павловича.

Впослѣдствіи изъ этой присяги, сдѣлали актъ сентиментальнаго великодушія и декоративнаго благородства чувствъ. Но это только одна сторона медали и, при томъ, не самая главная. Государственное значеніе имѣетъ только тотъ фактъ что, пока, отреченіе не существуетъ. Есть только Константинъ — единственный законный наслѣдникъ престола. Всѣ это чувствовали и весьма многіе сознавали. Но, почему то, прежде всѣхъ, это высказалъ графъ Милорадовичъ.

И такъ, въ то время, когда вы не знаете, кто, въ вопросѣ престолонаслѣдія, дѣйствовалъ хуже: Николай или Константинъ, Императрица—Мать или почившій императоръ, поэтъ Жуковскій или митрополитъ Филаретъ? графъ Милорадовичъ, не заботясь о существующемъ и возможномъ направленіи вѣтра, смѣло и рѣшительно идетъ единственной вѣрной дорогой. Онъ легко роспутываетъ всю эту цѣпь событій, какъ будто

---

[1]) *Василичъ*, Восшествіе на престолъ императора Николая I, 26, 42.

нарочно придуманныхъ для того, чтобы заставить будущія поколѣнія ломать голову по поводу великодушія претендентовъ. Отсюда происходитъ замѣчательный фактъ: человѣкъ—если судить по первому впечатлѣнію—годный только для парадовъ, флирта и сраженій, въ самую критическую для государства минуту, получаетъ преобладающее вліяніе на дѣла и увлекаетъ другихъ. Съ нимъ соглашаются придворныя сферы, большинство гражданъ и будущій императоръ.

Тургеневъ разсказываетъ что „при слушаніи чтенія (его) записки (о крѣпостныхъ въ Россіи) когда входилъ въ комнату тотъ или другой изъ слугъ, графъ Милорадовичъ немедленно объявляетъ ему свободу. Когда, во время чтенія, пришелъ къ нему Паскевичъ, графъ попросилъ читать статью сначала“ [1]). Черезъ графа Милорадовича, Тургеневъ представилъ эту записку Государю.

Въ 1820 году, Милорадовичъ, какъ петербургскій генералъ-губернаторъ, представилъ въ Государственный Совѣтъ слѣдствіе по поводу жалобъ на одиночную продажу крестьянъ и другія злоупотребленія этого рода. [2]) Черезъ него же идутъ переговоры съ помѣщикомъ о выкупѣ на волю поэта Сибирякова. Помѣщикъ, котораго Сибиряковъ сопровождалъ въ походахъ 12, 13 и 14 года, запросилъ 10,000 рублей. Хотя, въ судьбѣ Сибирякова, принимали участіе многіе тогдашніе литераторы и самъ Государь, неизвѣстно, чѣмъ дѣло окончилось [3]).

Умирая графъ Милорадовичъ просилъ отпустить на волю всѣхъ его крестьянъ [4]).

---

[1]) *Письма А. И. Тургенева къ П. И. Тургеневу*, 162.

[2]) *Иконниковъ*, Графъ Мордвиновъ, 274.

[3]) *В. И. Семевскій* Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, 424.

[4]) *Историческій Сборникъ Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ* 1861, т. II 151. *Василичъ* Восшествіе на престолъ Императора Николая I, 107.

Мы стрѣчаемъ графа Милорадовича вездѣ, гдѣ надо смягчить положеніе крѣпостныхъ и содѣйстовать отмѣнѣ крѣпостного права. Не въ обиду сказать Канкрину, Тургеневу, Мордвинову, самому императору Александру и другимъ корифеямъ тогдашняго крестьянскаго дѣла, Милорадовичъ, въ этомъ вопросѣ, повидимому немного разсуждаетъ. Но это потому что для него вопросъ ясенъ безъ особыхъ разсужденій. Конечно, въ свою бурную жизнь, онъ не написалъ ни одного плана освобожденія крестьянъ въ Россіи. (Вообще составленіе проэктовъ—не его ремесло). Но можно думать что онъ и Кочубей, всего лучше, понимали чего желалъ Александръ въ крестьянскомъ вопросѣ. Лавировать Милорадовичу, тоже, нѣтъ надобности, потому что, въ крестьянскомъ вопросѣ, для него существуетъ только одна дорога. Можетъ быть графъ Милорадовичъ не годится для шедевровъ дипломотическаго искусства, которымъ отличался, напримѣръ, М. И. Кутузовъ. Но, въ крестьянскомъ попросѣ времени Александра I, онъ и графы Румянцевы дѣйствуютъ едвали не рѣшительнѣе всѣхъ и, на сколько отъ нихъ зависѣло, идутъ кратчайшимъ путемъ.

Графъ Милорадовичъ имѣетъ даръ умѣть говорить съ русскимъ солдатомъ и, умирая отъ пули 14 декабря, доволенъ тѣмъ что уложила его не русская солдатская пуля. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ почти въ упоръ, статскимъ стоявшимъ сзади [1]).

Продолжая наше знакомство съ старыми дѣятелями крестьянскаго вопроса, мы должны остановиться на группѣ рѣшительныхъ противниковъ освобожденія.

Говоря вообще, большинство Государственнаго Совѣта и Сената было противъ эмансипаціи [2]).

---

[1]) *Василичъ*, тамъ же. Письмо Императора Николая.

[2]) *Иконниковъ*, Графъ Мордвиновъ, 235.

Карамзинъ, съ мнѣніемъ котораго нельзя было не считаться, потому что это—тогдашнее общественное мнѣніе, въ своей запискѣ о древней и новой Россіи, не рѣшая дѣло освобожденія доводами холодного разсудка, старается предрѣшить его воздѣйствіемъ на психологію государя. «Исторія не упрекаетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (положимъ что неволя крестьянъ есть рѣшительное зло) но ты будешъ отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ». Какъ практикъ, Карамзинъ полагаетъ что освобожденные крестьяне начнутъ пьянствовать и менѣе трудиться. На другой годъ пришло бы менѣе хлѣбныхъ барокъ, какъ въ Москву, такъ и въ Петербургъ... Богъ видитъ люблю-ли человѣчество и народъ русскій имѣю-ли предразсудки, обожаю-ли гнусный идолъ корысти; но для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ, желаю единственно того, что-бы они имѣли добрыхъ господъ и средство просвѣщенія (!?) которое одно сдѣлаетъ все хорошее возможнымъ [1]).

Въ своихъ поискахъ за правильнымъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, Государь, между прочимъ, обратился къ Аракчееву. Графъ Аракчеевъ разсуждающій на тему непремѣннаго освобожденія крестьянъ! Справедливость обязываетъ насъ, однако, сказать что Аракчееву принадлежитъ далеко не худшій изъ тогдашнихъ проэктовъ.

Прежде всего, освобожденіе предлагается имъ какъ общая обязательная для всего крѣпостного населенія, государственная мѣра. Всякій помѣщикъ имѣетъ право требовать отъ казны покупку у него крестьянъ съ уступкой для нихъ по двѣ десятины на ревизскую душу и оставленіемъ излишняго, затѣмъ, количества земли и угодій въ его пользу. Въ этомъ случаѣ, раз-

---

[1]) *Погодинъ*, Карамзинъ, 360.

ница между нормами предложенными Якушкинымъ для своихъ крестьянъ и нормами предлагаемыми Аракчеевымъ для всего крѣпостного населенія, очень не велика.

Независимо отъ этого предполагается покупка въ казну цѣлыхъ имѣній, въ полномъ составѣ.

Цѣнность оброчныхъ имѣній опредѣляется по количеству получаемаго съ крестьянъ „бездоимочно“ оброка долженствующаго представлять капиталъ приносящій пять пропентовъ. Такъ напримѣръ, оброчное имѣніе дающее 1,000 р. дохода, должно цѣниться въ 20,000 руб.

Аракчеевъ высказываетъ предположеніе, что помѣщики достаточно разорены 1812 годомъ и предпочтутъ уничтоженіе въ своихъ имѣніяхъ крѣпостного права зависимости отъ долговъ и ростовщиковъ.

Финансовая сторона вопроса—скажемъ прямо—рѣшена Аракчеевымъ очень просто и очень не дурно. Капиталъ назначаемый на выкупъ крестьянъ состоитъ изъ 5.000,000 рублей ассигнаціями, ежегодно отпускаемыхъ государственнымъ казначействомъ. Въ случаѣ затруднительнаго состоянія финансовъ, ежегодно выпускается на 10.000,000 р. билетовъ государственнаго казначейства цѣнностью въ 500 р. Такъ какъ всякая война, всегда находила у насъ деньги, необходимо допустить что и война съ крѣпостнымъ цравомъ, въ случаѣ необходимости расширить операцію, тоже нашла бы капиталъ [1]).

Слабая сторона проэкта Аракчеева заключается въ томъ, что освобожденіе является одностороннимъ желаніемъ помѣщика, а не общей мѣрой обязательной для обоихъ сторонъ и для всего государства. Слѣдовательно Плюшкинъ, Собакевичъ, Коробочка и

---

[1]) *Графа Аракчеева, Проэктъ освобожденіе крестьянъ 1818 г.* (*Бартеневъ*, Девятнадцатый вѣкъ, II, 147—149.

вообще всѣ тѣ, чьи имѣнія не страдали отъ патріотизма и не задумывались надъ срочными платежами въ Опекунскій Совѣтъ, оставались неуязвимы. Разсчитывать въ этомъ случаѣ на походъ Наполеона въ качествѣ союзника по освобожденію, какъ дѣлаетъ Аракчеевъ, — крайне рисковано. Помѣщикъ часто разорялъ свое имѣніе такъ, какъ еще не удавалось разорить ни одному завоевателю и, тѣмъ не менѣе, все таки, благодаря выносливости крѣпостного права, не тотчасъ пускалъ его въ продажу. Упорство въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе вѣроятно что при тогдашнихъ цѣнахъ на землю и обиліи земель, двѣ десятины на ревизскую душу представляли сравнительно незначительную сумму. Главное—и не для одного только Собакевича, Плюшкина и Коробочки—представляли не эти двѣ—три десятины на душу, а оброкъ и личный трудъ. Далѣе, какъ опредѣлить безнедоимочность оброка, если величина оброка зависитъ отъ помѣщика?

Неопредѣленность цѣны покупаемыхъ крестьянами земель тоже представляетъ радикальное неудобство. На этой почвѣ, всего легче могли розыграться такія страсти, которыя поставили бы крестьянъ въ совершенно безвыходное положеніе.

Отсюда, полная невѣроятность, чтобы проэктъ Аракчеева, не смотря на, повидимому, толковое исполненіе воли Государя, могъ дать рѣшительное движеніе дѣлу освобожденія крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, въ исторіи Россіи была минута, когда таже рука, которая съ неумолимой жестокостью насаждала крѣпостное право въ военныхъ поселеніяхъ, по волѣ Александра, одновременно мусировала вопросъ о свободѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Въ старой нѣмецкой легендѣ Мефистофель тоже читалъ студентамъ лекціи богословія.

Остается сказать объ „обществѣ“ времеиъ императора Александра. Около Государя стоитъ группа русской молодежи, нерѣдко люди большого ума. съ блестящимъ образованіемъ, возвышеннаго образа мыслей. Но въ практической сторонѣ управленія они не болѣе компетентны, чѣмъ самъ Государь. Это— диллетанты болѣе, чѣмъ общественные дѣятели. Они охотно пойдутъ за государемъ куда потребуетъ долгъ; справившись по книжкѣ, они могутъ поставить діагнозъ тогдашняго положенія народа и государства. Но едва ли они въ силахъ разобраться въ вопросѣ: какія учрежденія надобны свободной Россіи.

Одной преданности государю и одного патріотизма мало для политической дѣятельности. Нельзя же мечтать до безконечности, на всѣ лады повторять Петра Великаго и жить одними политическими опытами. Сейчасъ чувствуется что это не англійская интеллигенція, съ дѣтства усвоившая политическую жизнь страны и инстинктивно продолжающая общепризнанныя историческія начала. У насъ, если думаютъ, то придумываютъ отъ A до Z и, въ концѣ, точно воздуха не хватаетъ для реформъ или „пороху“ у самихъ реформаторовъ. Всей нашей аристократіи ума какъ будто мало для того что впору самому простому ремесленнику болѣе политически - воспитанной рассы.

Да и могло-ли быть иначе? Если совокупность реформъ «шестидесятыхъ годовъ» съ эмансипаціей, судомъ присяжныхъ и мѣстнымъ самоуправленіемъ, оказалась незаконченной и не привела къ положительнымъ результатамъ, то дѣтской фантазіей является мысль, вообразивъ отвѣтственность министровъ или перемѣнивъ ярлычекъ «коллегіи» на министерскій измѣнить общій порядокъ вещей. И если эта скудость общественныхъ элементовъ слышна у насъ до сихъ поръ и до сихъ поръ повторяется во множествѣ видовъ либерализма и консерватизма, то что сказать

объ общественной иниціативѣ сто лѣтъ тому назадъ, когда русское общество едва начало знакомиться съ теоріей раздѣлянія властей и только впервые задумалось надъ крѣпостнымъ правомъ!

Это было общество блестящее въ смыслѣ хорошихъ сторонъ русскаго характера, но смутно понимавшее вопросы земскаго и государственнаго строительства и, не смотря на все свое, иногда высокое просвѣщеніе, — выражаясь просто, — невѣжественное въ политическомъ отношеніи.

При этомъ не надо забывать одно чрезвычайно важное обстоятельство. Это общество уже переодѣвалось нѣсколько разъ, сообразно съ перемѣной обстановки и въ духѣ текущихъ обстоятельствъ. Послѣ екатерининской распущенности, они нарядились гатчинцами a s'y meprendre [1]) и еще не разъ, искренне и добросовѣстно, переодѣнутся во вкусѣ Александра и Николая.

Самъ Каразинъ, въ 1801 году привѣтствовавшій Государя письмомъ въ конституціонномъ духѣ; находившій что, въ его лицѣ „Провидѣніе... явно простираетъ къ Россіи... милующую десницу“, въ 1816 г., о конституціи пишетъ слѣдующее. „Репрезентація народа, слово столько же безсмысленное, какъ и самая вещь, была неизвѣстна нашимъ предкамъ... Помѣщикъ представляетъ въ маломъ своемъ кругѣ, лицо своего монарха. Вотъ репрезентація... приличнѣе и естественнѣе репрезентаціи толпы бурной черни въ закупленномъ короною парламентѣ“ [2]).

Нельзя также сказать, что Каразинъ является предтечей того типа нашей молодежи, который легко

---

[1]) *Записки Саблукова о временахъ Императора Павла*, 29. (Лейпцигское изд.).

[2]) *Шильдеръ* Алекс. I, т. II, 34. *Мнѣніе одного украинскаго помѣщика.* (Чтенія въ Имп. М. Об. Ист. и Др. 1860, II, 218, 221, 226). Энциклопедическій словарь Брокгауза.

бросается въ крайній либерализмъ, для того чтобы потомъ, еще легче, повернуть въ ретрограды. Ему двадцать восемь лѣтъ, когда онъ привѣтствуетъ только что восшедшаго на престолъ Александра II и сорокъ три, когда онъ даетъ „волчій билетъ“ всѣмъ конституціямъ и парламентамъ.

Извѣстно, что умныя и практическія головы отлично устраиваютъ конституціонный образъ правленія при самыхъ плохихъ текстахъ конституціи. Съ другой стороны, не менѣе достовѣрно что, послѣ безконечныхъ трудовъ надъ совершеннѣйшимъ текстомъ конституціи, можно подъ ея фирмой, навязать обществу совершенную политическую нелѣпость. Кажется, никогда и нигдѣ не трудились такъ усердно надъ вопросами конституціоннаго режима, какъ при Александрѣ I; но несовершенство общественныхъ элементовъ, въ самомъ началѣ, разрушаетъ эту работу. Если принять во вниманіе нѣкоторыя мнѣнія многихъ лучшихъ людей, которыми располагала эта эпоха, кажется будто бы Россія еще никогда не стояла такъ далеко отъ политической свободы, какъ въ лицѣ этого поколѣнія. И, еще разъ, чѣмъ менѣе было въ Россіи политическаго знанія, и, дѣйствительно, конституціоннаго духа, тѣмъ болѣе, отъ тяжести освободительныхъ проектовъ, гнулись полки въ кабинетѣ Александра I.

Мы нарочно представили цѣлую галлерею портретовъ старыхъ дѣятелей, болѣе или менѣе связанныхъ съ крестьянскимъ вопросомъ этой эпохи;—образующихъ ту атмосферу, которая, въ сущности, рѣшила конституціонный и крестьянскій вопросъ. Самъ читатель можетъ опредѣлить равнодѣйствующую среди всѣхъ этихъ направленій, которая, если не юридически, то фактически, если не какъ произвольное движеніе

ума, то въ видѣ инстиктивно совершающагося рефлективнаго акта, является обязательнымъ для Александра.

Александръ I, конечно, не геній и никто геніемъ его не изображаетъ. Онъ имѣлъ свои недостатки и очень существенные. На первомъ планѣ: его скрытность. Онъ не высказывается даже передъ своей семьей и ближайшими сотрудниками. Недоразумѣніе случившееся послѣ отреченія Константина Павловича возникло именно благодаря скрытности Александра. Декабристы пострадали потому что отреченіе, вмѣсто того, чтобы быть гласнымъ, хранилось въ величайшей тайнѣ. Далѣе увидимъ, что реформы Александра тоже скрываются отъ общества и дѣлаются секретно. Даже высшіе государственные чины, иногда только догадываются о предстоящей реформѣ, въ которой имъ же предоставлена первая роль. Едвали во всей тогдашней Европѣ былъ монархъ, до такой степени склонный работать, какъ контрабандистъ. Этотъ благороднѣйшій ученикъ швейцарскаго республиканца имѣлъ странную привычку наглухо запирать двери, какъ дезертиръ или укрыватель.

Потомъ, Александръ былъ человѣкъ въ значительной степени лишенный практическаго хозяйственнаго генія; при томъ,—лишенный его не только въ видѣ хозяйственныхъ знаній (при его воспитаніи, это понятно), но и хозяйственныхъ инстинктовъ, что, при его умѣ, менѣе позволительно. Довольно указать на военныя поселенія. Ихъ идея только испорчена Аракчеевымъ, но она всецѣло принадлежитъ Александру и объясняется его непониманіемъ экономической стороны вообще. Если онъ не замѣчаетъ противорѣчія „поселеній“ всѣмъ нормальнымъ свойствамъ человѣческой природы и его собственнымъ убѣжденіямъ, то это составляетъ его органическій недостатокъ, а не грѣхъ Аракчеева.

Лестью Александра взять невозможно. Онъ слишкомъ уменъ для этого. Но если ему отъ колыбели поклонялись женщины, то въ свою очередь, даже забывая собственное достоинство, онъ вездѣ является ихъ поклонникомъ. Женщины несомнѣнно имѣли большее вліяніе на его политику, въ томъ числѣ, на фактъ удаленія Сперанскаго. (Великая княгиня Екатерина Павловна).

Если судьба сдѣлала Александра подозрительнымъ, то, постояннымъ заглядываніемъ въ свою и чужую душу, онъ сильно помогаетъ своей судьбѣ. Едва ли когда было такъ много шпіоновъ въ Россіи, какъ при Александрѣ. Иногда доносятъ съ нѣкотораго рода добродушіемъ и порядочностью. (Ростовцевъ, Майборода). Одинаково разсѣянно выслушивая Балашова и де-Санглена, Александръ какъ будто вызываетъ урожай на доносителей. Невольно повторяешъ за поэтомъ

Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ!

Но надо отдать Александру справедливость въ томъ отношеніи, что окружающая его дѣйствительность, часто стояла ниже его.

Если Александръ, стѣсненный своимъ невѣдѣніемъ русской жизни, между прочимъ и въ крестьянскомъ дѣлѣ, допустилъ массу ошибокъ (до военныхъ поселеній и возвращенія въ крѣпостное состояніе за невзносъ срочного платежа) то вѣдь и они—Мордвиновъ, Тургеневы, Каразинъ и даже декабристы...—они которые должны были лучше знать народную жизнь, сдѣлали ошибокъ не менѣе и, конечно, имѣли огромное вліяніе на ошибочность многихъ дѣйствій Александра. Если все это безпристрастно взвѣсить, становятся понятными жалобы Александра на то что у него «нѣтъ людей!». Можетъ быть, самою силою обстоятельствъ, онъ поставленъ въ необходимость, въ

дѣлѣ гражданской равноправности и политической свободы, болѣе мечтать, чѣмъ дѣлать.

Несомнѣнно, кромѣ рѣшенія въ принципѣ, крестьянское дѣло и политическая свобода требовали практическаго рѣшенія. Это не значитъ что «освобожденіе» непремѣнно должно сопровождаться опасными для государства волненіями. Но, безспорно, всегда и вездѣ можно такъ «освободить» что этотъ обязательный актъ государственнаго благоразумія и справедливости, непремѣнно, соединится съ опасными для государства волненіями. И если, въ наши дни, освобожденіе крестьянъ сопровождалось конструкторскими ошибками очень ослабляющими благодѣтельную силу этого государственнаго акта; если опытъ «19 февраля 1861 года» показалъ что въ дѣлѣ отмѣны крѣпостного права мало взять у Вольтера и Русо общіе аргументы;—надобенъ болѣе разработанный матеріалъ;—то, въ началѣ XIX вѣка, дѣло представлялось еще болѣе рискованнымъ. И если совершившееся на дняхъ конституціонное движеніе сопровождалось такими аномаліями общественнаго разума, которыя многихъ заставили сомнѣваться въ цѣлесообразности всего движенія, то сто лѣтъ назадъ, горизонтъ представлялся еще болѣе туманнымъ и подозрительнымъ.

Если Александръ былъ нерѣшителенъ, многаго непонималъ, часто ошибался, то и люди его окружавшіе и дававшіе тонъ обществу, какъ мы видѣли, можетъ быть были рѣшительнѣй его, но ошибались не менѣе.

И въ то время, когда на обращенныя къ нему симпатіи Александръ желаетъ отвѣтить одной изъ самыхъ радикальныхъ и основательныхъ реформъ, которыя когда либо видѣлъ міръ, для него ясно и опредѣленно обрисовывается рутина и безсиліе тогдашнихъ бюрократическихъ и общественныхъ сферъ. Положе-

ніе его какъ реформатора, безъ преувеличенія, является трагическимъ. Александръ служитъ примѣромъ какъ иногда Россія портитъ своихъ великихъ людей.

Человѣкъ большого ума и благородства, Александръ сознавалъ свои и чужіе недостатки; но, какъ человѣкъ свѣтски воспитанный, не только никому не навязывалъ своихъ чувствъ, но умѣлъ скрывать свои мысли. Если скрытность была въ характерѣ Императора, то не всѣ понимали ея истинную причину. Если многіе, даже теперь обвиняютъ его въ двуличности, то на самомъ дѣлѣ, онъ, просто, страдалъ недовѣріемъ къ себѣ и другимъ. Свою безпомощность онъ искусно маскировалъ своимъ сближеніемъ съ людьми болѣе его практичными. (При чемъ въ нихъ часто ошибался). Эгоистическій разсчетъ, въ этомъ случаѣ соединялся у него съ побужденіями величайшаго идеализма и безкорыстія; но опять, такое пониманіе людей не всегда даетъ ему вѣрность предначертаній и компетентныхъ исполнителей.

Неизбѣжнымъ финаломъ этихъ отношеній является скептицизмъ Государя ко всему его окружающему. Чарторижскій имѣетъ основаніе писать Александру: „никогда ваше величество никому не довѣряете вполнѣ; вотъ можетъ быть причина почему, никогда, ничто не бываетъ согласно съ вашими желаніями“. Онъ же упрекаетъ Александра въ частой перемѣнѣ своихъ рѣшеній. Нерѣдко приказъ обсужденный въ совѣтѣ, завтра отмѣнялся Императоромъ [1]). Упрекъ справедливъ по внѣшности, но далеко несправедливъ по существу. Прежде всего: вѣрить (съ дѣловой точки зрѣнія) было некому. Лучшіе изъ нихъ сами ищутъ опоры, вмѣсто того чтобы дать опереться другимъ...

---

1) *Mazade*, Alexandre I, 54, 23.

Сопоставляя нѣкоторыя событія молодости Александра и нѣкоторыя странности его характера, получаемъ впечатлѣніе чего то знакомаго не по одной русской исторіи.

Разсудочно любя людей, Александръ нѣсколько холоденъ въ своихъ привязанностяхъ. Это чувство. Гамлета, которое свѣтитъ, но не грѣетъ. Это увлеченіе, безъ малѣйшей экзальтаціи. Это черты глубокаго разочарованія слегка затянутыя исканіемъ общаго блага и жаждой великаго дѣла. Получается одно изъ историческихъ лицъ, которыхъ, настроенное воображеніе рисуетъ въ загадочномъ стилѣ Рембрандта и при неопредѣленно яркомъ освѣщеніи Сальватора Розы. И если подвержено сомнѣнію жилъ ли Гамлетъ въ Эльзинорѣ, то, несомнѣнно, въ началѣ XIX вѣка, коронованный, онъ жилъ на берегахъ Невы.

Какъ шекспировскаго Гамлета его окружаютъ Фамусовы—Полоніи во множествѣ повтореній и множество друзей и поклонниковъ, какъ Горацію, неспособныхъ снять очарованіе и укрѣпить колеблющуюся волю. Благодаря особенностямъ историческаго момента, задача предстоящая коронованному Гамлету еще болѣе обширна и сложна, чѣмъ шекспировскаго, средствъ же для выполненія у него едва ли не менѣе, чѣмъ у его двойника.

Въ видахъ удобства изложенія, при оцѣнкѣ людей исполнявшихъ политическія роли въ царствованіе Александра, нарушая послѣдовательность разсказа, мы позволили себѣ зайти далеко впередъ. Теперь, когда мы знаемъ полный противурѣчія характеръ Государя и его эпохи, остановимся на одномъ частномъ эпизодѣ этой бурной и обильной необыкновенными событіями жизни.

II. СПЕРАНСКІЙ.

Еще до вступленія Александра на престолъ въ бюрократическихъ сферахъ Петербурга—много говорили о молодомъ чиновникѣ, сынѣ бѣднаго сельскаго священника Владимірской губерніи, неожиданно попавшемъ въ гражданскую службу и какъ то сразу умѣвшемъ расположить всѣхъ своихъ начальниковъ и сдѣлаться ихъ правой рукой. Въ 1782 году, митрополитъ Гавріилъ, желая сохранить для церкви учителя Александро-невской семинаріи Михаила Сперанскаго, лично и черезъ другихъ, уговариваетъ его принять монашество, а въ 1802 году, когда Сперанскому только тридцать лѣтъ, два сановника: членъ Государственнаго Совѣта Трощинскій и министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей, спорятъ о томъ, кому изъ нихъ удержать въ своемъ вѣдомствѣ Сперанскаго. Рѣшилъ самъ Государь: „Сперанскому быть при министрѣ внутреннихъ дѣлъ“.

Къ этому времени, въ какіе нибудь пять лѣтъ гражданской службы, Сперанскій имѣетъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, званіе статсъ-секретаря, жалованья 2000 р. и такую же пожизненную пенсію.

Случалось, товарищи по службѣ громко выражали неудовольствіе на выходящіе изъ ряда награды Сперанскому. Графъ Паленъ, одинъ изъ его бывшихъ

начальниковъ, отвѣчалъ имъ: „попробуйте быть такими орлами, какъ Сперанскій и вамъ тоже будетъ“ [1]).

Работоспособности онъ былъ необыкновенной. Начало его служебной карьеры положилъ такой случай.

Генералъ-прокуроръ князь Куракинъ, по рекомендаціи одного изъ служащихъ въ своей канцеляріи, въ 8 часовъ вечера, поручилъ учителю семинаріи Сперанскому написать одинадцать писемъ. На одно разъясненіе, что написать, ушло около часа. Куракинъ жилъ у Полицейскаго моста, а Сперанскій въ Лаврѣ. Чтобы не терять времени, Сперанскій остался ночевать у знакомыхъ въ домѣ Куракина и тутъ же написалъ всѣ одинадцать писемъ. „Мастерски изложенныя“, въ шесть часовъ утра, они уже лежали на столѣ генералъ-прокурора, (при Павлѣ занятія въ присутственныхъ мѣстахъ, вообще, начинались въ пять часовъ утра [2]). Сперанскій былъ принятъ сначала на частную службу Куракина.

Необыкновенная ясность изложенія дополнялась у Сперанскаго замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ. „Проповѣдь его, сказанная на масляной 1791 г. на тему о Страшномъ Судѣ, по свидѣтельству современника, была такъ увлекательна, что убѣжденіе видимымъ образомъ выражалось на лицахъ слушателей, чему, безъ сомнѣнія, содѣйствовали одушевленныя черты юноши-проповѣдника, мелодическій его голосъ и изливавшееся въ его словахъ собственное сердечное умиленіе [3]).

Въ слогѣ Сперанскаго не было и не могло быть подражанія Карамзину, только что выступившему съ своей новой русской рѣчью, — говоритъ Корфъ, — а

---

[1]) *Корфъ*, Жизнь графа Сперанскаго, I, 30, 38, 59, 91, 96.
[2]) *Шильдеръ*, Императоръ Павелъ, 294.
[3]) *Корфъ*, Жизнь графа Сперанскаг, I, 28.

между тѣмъ онъ все-таки, съ перваго взгляда, представляется совсѣмъ инымъ, нежели какимъ, тогда, писали другіе“ [1]).

Находчивость Сперанскаго достаточно рекомендуетъ слѣдующій анекдотъ. Въ февралѣ 1800 года, когда онъ уже составилъ себѣ извѣстное положеніе, ему надо представляться новому начальству. Генералъ-прокуроръ Обольянииновъ — человѣкъ грубый, почти безграмотный, выдвинутый исключительно капризомъ императора Павла, позволявшій себѣ дерзко обращаться съ подчиненными. Многое зависѣло отъ перваго впечатлѣнія. Доложили о Сперанскомъ. Обольянииновъ ожидалъ встрѣтить подобострастнаго чиновника, какихъ десятки ежедневно проходило передъ нимъ. Но обернувшись (генералъ-прокуроръ сидѣлъ спиной къ двери) увидѣлъ свѣтскаго молодого человѣка, чрезвычайно симпатичнаго, одѣтаго по послѣдней модѣ, вмѣсто обычнаго мундира, во французскомъ кафтанѣ изъ сѣраго грогрона, въ чулкахъ и башмакахъ, жабо, манжетахъ, въ завиткахъ и пудрѣ, безъ малѣйшихъ признаковъ приниженности или замѣшательства. Смѣшался генералъ-прокуроръ; предложилъ стулъ своему чиновнику и „вообще обошелся съ нимъ такъ вѣжливо, какъ только умѣлъ. Сперанскій угадалъ, чѣмъ взять надъ этой грубой натурой“, замѣчаетъ біографъ [2]).

У Спервнскаго, съ Обольяниновымъ, впослѣдствіи все-таки случались недоразумѣнія. „Помилуйте, жаловался онъ сослуживцу, хоть сейчасъ броситься въ прудъ. Работаю день и ночь, а отъ Петра Хрисанфовича слышу одни ругательства. Сейчасъ еще, Богъ знаетъ за что, разбранилъ меня въ пухъ и обѣщалъ запрятать въ казематъ на семь сажень подъ землей“.

---

[1]) Id. 35.
[2]) Id. 53.

Но у Сперанскаго нашелся заступникъ. Въ домѣ Обольянинова жила его родственница, только что выпущенная изъ Смольнаго Монастыря. „Увлеченная умомъ и пріятностью бесѣды Сперанскаго, она при каждомъ случаѣ, покровительствовала ему у стараго дяди, надъ которымъ имѣла большое вліяніе. И тотъ же Обольяниновъ, обѣщавшій запрятать Сперанскаго въ казематы, выпросилъ ему у Павла двѣ тысячи десятинъ въ Саратовской губерніи и орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго [1]).

Сперанскій женился двадцати шести лѣтъ, на шестнадцатилѣтней англичанкѣ Стивенсъ, въ которую, какъ то сразу влюбился, въ первое же знакомство, за ужиномъ, у одного изъ своихъ первыхъ покровителей протоіерея Самборскаго. Невѣста не знала по русски, а онъ по англійски. Первое время они объяснялись по французски. Близко знавшая семью Стивенсъ графиня Воронцова, сохранила такой портретъ невѣсты Сперанскаго. „Мечтательный взглядъ, кроткая и вмѣстѣ, тонкая улыбка, прекрасные свѣтло-русые кудри дѣвушки, еще не посыпанныя господствовавшею тогда пудрой, наконецъ, душевная чистота и скромность отражавшаяся въ чертахъ ея лица;—при этомъ меланхолическое выраженіе, можетъ быть нѣсколько навѣянное тѣми черными днями, которые уже пришлось испытать юному существу. Елисавета Стивенъ знала бѣдность, капризы своенравной матери, пріютъ подъ чужимъ кровомъ... Съ первой минуты она очаровала молодого человѣка“.

„Отъ нѣжной невѣсты и еще болѣе нѣжной жены,—пишетъ графъ Корфъ—осталось довольно много писемъ къ жениху и мужу... Ея письма нельзя читать безъ особеннаго чувства; такъ дышащая въ нихъ женственная привязанность тепла, правдива и, въ то же время чиста и цѣломудренна“.

---

[1]) *Корфъ*, I, 55.

Счастью молодой четы—по выраженію біографа—„не было мѣры“. Но черезъ десять мѣсяцевъ послѣ брака, Сперанскій былъ обрадованъ рожденіемъ дочери, а на одинадцатомъ жена умерла отъ скоротечной чахотки.

Оставивъ у изголовья дочери записку въ которой нарекъ ее, по матери, Елисаветой, Сперанскій исчезъ. Думали не кончилъ ли онъ самоубійствомъ. Но, на слѣдующее утро, со всклокоченными волосами, со страшно измѣнившимся лицомъ, онъ явился къ останкамъ жены, приложился и опять исчезъ. Вечеромъ—тоже. На другой день—тоже. Послѣ погребенія, нѣсколько недѣль не показывался дома, на службу и у знакомыхъ. Наконецъ „его отыскали въ глуши, на одномъ изъ невскихъ острововъ, совершенно углубленнымъ въ свою печаль“ [1]).

Все это случилось еще въ эпоху императора Павла и еще до службы при Обольяниновѣ.

Сперанскій вторично не женился и всѣ свои привязанности сосредоточилъ на дочери. Съ этой тоской и этой привязанностью прошелъ свою бурную, разнообразную и длинную карьеру. Ради нея и въ память жены, терпѣлъ невыносимый характеръ тещи и покровительствовалъ ея родственникамъ. Со смерти жены, онъ ищетъ развлеченія только въ честолюбіи и дѣловыхъ занятіяхъ.

Между прочимъ. Много позднѣй, дамы выражались о Сперанскомъ: „у нашего законодателя влюбленные глаза“ [2]). Вигель, о тѣхъ же глазкахъ: „Близъ (Сперанскаго) мнѣ всегда казалось что слышу сѣрный запахъ и въ голубыхъ очахъ его вижу синеватое пламя подземаго міра“ [3]). Шаржъ, какъ удачная каррикатура

---

[1]) *Корфъ*, I, 71, 73, 76.
[2]) *Корфъ*, II, 383.
[3]) *Шильдеръ*, Александръ I, т. III, 32.

иногда вѣрнѣе передаетъ сущность, чѣмъ масса нарочно подобранныхъ реальныхъ фактовъ.

Остается прибавить что, до женитьбы, Сперанскій зналъ латинскій, французскій и греческій языкъ. Послѣ женитьбы выучился англійскому настолько что даже писалъ письма родственникамъ жены въ Англіи „весьма правильно и даже изящно“. Въ изгнаніи выучился древне-еврейскому языку. Будучи уже пензенскимъ губернаторомъ, лѣтъ пятидесяти, только при помощи Библіи и словаря, выучился по нѣмецки. Разговорнымъ латинскимъ владѣлъ въ совершенствѣ. Въ Александроневской семинаріи преподавалъ математику, физику, краснорѣчіе и философію; болѣе всего любилъ математику. „Въ прочихъ наукахъ, особенно въ словесныхъ и философскихъ, всегда есть что нибуть сомнительное — говорилъ Сперанскій — а математика занимается только достовѣрными, безспорными выкладками“. Математическій методъ изложенія, точный и строго логическій, видѣнъ во всѣхъ его работахъ [1]).

Въ занятіяхъ Сперанскаго, даже въ ошибкахъ, всегда замѣчается черта нѣкоторой оригинальности и самостоятельности.

Едва окончивъ семинарію, имѣя въ виду только карьеру преподавателя, онъ пишетъ „Правила высшаго краснорѣчія“—обширный курсъ высшей риторики въ которомъ среди компилятивной массы, блестки вѣрнаго, и оригинальнаго [2]).

Не смотря на старинное семинарское воспитаніе, въ Сперанскомъ не видимъ и тѣни педантизма. Если въ его изложеніи, иногда, недостаетъ чего нибудь въ смыслѣ основательности, то онъ не прочь „для краснаго словца“, нѣсколько разойтись съ положительнымъ

---

[1]) *Корфъ*, I, 74, 30, 25, 257; II, 135.

[2]) *Михаила Сперанскаго.* Правила высшаго краснорѣчія. Издатель Вѣтринскій.

фактомъ. Вотъ одинъ изъ образчиковъ его раннихъ политическихъ разсужденій.

„Въ Россіи два состоянія: рабы государевы и рабы помѣщичьи. Первые называются свободными только въ отношеніи ко вторымъ. Дѣйствительно же свободныхъ людей въ Россіи нѣтъ, кромѣ нищихъ и философовъ“ [1]).

Читатель согласится что въ этомъ политическомъ тезисѣ молодого Сперанскаго невзачетъ отпущено остроумія, но скудно на счетъ ничѣмъ не подкрашенной истины.

Въ противуположность нерѣшительности Александра, у Сперанскаго, по выраженію его біографа „умѣнье предоставить всѣ трудности легкими и всѣ препятствія одолимыми“ [2]). Иногда даже кажется будто-бы у Сперанскаго слишкомъ много этой способности „представлять всѣ препятствія одолимыми“.

---

[1]) *Семевскій.* Первый политическій проэктъ Сперанскаго. Русское Богатство. 1907. Январь, 74.

[2]) *Корфъ,* I, 109.

III. ВОЗВЫШЕНІЕ СПЕРАНСКАГО.

Еще будучи „наслѣдникомъ“, Александръ завѣдывалъ Коммиссіей о снабженія Петербурга продовольственными припасами. Правителемъ канцеляріи Коммиссіи былъ Сперанскій. Слѣдовательно Государю онъ сдѣлался извѣстнымъ не позднѣе 1799 года. Но его вниманіе окончательно остановилось на Сперанскомъ только послѣ 1802 года, когда, по случаю болѣзни графа Кочубея, Сперанскій ѣздилъ во дворецъ съ докладами. Въ 1803 году Кочубей передаетъ ему порученіе Государя составить планъ общаго образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи [1]). Въ октябрѣ 1807, уѣзжая въ Витебскъ для осмотра 1-ой арміи, Государь взялъ съ собою Сперанскаго. Въ 1808 онъ уже неотлучно находится въ его свитѣ. Съ нимъ Государь ѣдетъ въ Эрфуртъ для свиданія съ Наполеономъ.

Александру, очевидно, надоѣлъ тотъ океанъ благонамѣренности и потокъ красивыхъ фразъ, которымъ, съ начала царствованія, его угощаютъ со всѣхъ сторонъ. Онъ тяжело чувствуетъ свое незнакомство съ практической стороной дѣла, но, повидимому, немно-

---

[1]) *Планъ государственныхъ преобразованій Сперанскаго.* (Изданіе Русской Мысли). Записка объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Россіи.

гіе догадываются что „реформаторъ“ уже выросъ изъ данныхъ формъ политической мечтальности. Свѣтскіе умы, которымъ онъ довѣрялся въ 24 года, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практической работы, потеряли въ его глазахъ всякій престижъ. Люди же стараго покроя вродѣ Трощинскаго, Державина, Воронцова и т. п. никогда не пользовались у него авторитетомъ. Естественно, онъ дѣлается болѣе требовательнымъ по части плановъ „преобразованія безобразнаго зданія администраціи Имперіи“. Въ свою очередь, окружающіе Александра тоже не считаютъ себя удовлетворенными. Чарторижскій, почти противъ своего желанія назначенный товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, предвидя столкновеніе Россіи съ Наполеономъ, заблаговременно оставляетъ это министерство и сохраняетъ только сравнительно неполитическую должность попечителя виленскаго учебнаго округа. Новосильцевъ, болѣе склонный руководиться другими, чѣмъ руководить, назначенъ сенаторомъ и уѣхалъ за-границу. Строгановъ теряетъ если не самоувѣренность, то увѣренность въ начатыхъ при участіи Негласнаго Комитета реформахъ. Онъ видимо отстаетъ или его отдаляютъ. Государь далъ ему дипломатическое порученіе въ Англію. Строгановъ выполнилъ его очень удачно. Всетаки, онъ не остается на дипломатическомъ поприщѣ и поступаетъ волонтеромъ въ дѣйствующую армію. Здѣсь онъ сразу выдвинулся и, вообще, чувствуетъ себя лучше, чѣмъ въ роли преобразователя. Кочубей, съ самого начала относившійся скептически къ мгновенному преобразованію „безобразнаго зданія администраціи Имперіи“, былъ задѣтъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Безъ его вѣдома отданъ подъ судъ Саратовскій губернаторъ Бѣляковъ. Кочубей подалъ въ отставку и, вопреки ожиданіямъ, отставка принята. Такимъ образомъ, около Государя, какъ то само собою очистилось мѣсто для новыхъ дѣятелей.

Мы должны предположить минуту, когда Александръ, отпустивъ Сперанскаго послѣ какого нибудь блестящаго доклада, сказалъ самому себѣ. „Вотъ человѣкъ котораго мнѣ надо и котораго я давно ищу. Онъ своими ушами слышалъ плачъ народа и не напрасно игралъ съ крестьянскими дѣтьми на улицѣ. Отсюда приливъ счастія Сперанскому. Такъ началась одна изъ феерическихъ карьеръ возможныхъ только въ революціонныя эпохи и въ деспотическихъ государствахъ. Такъ возникаетъ знаменитость „Александровской эпохи"—сынъ бѣднаго сельскаго священника; келейникъ архіерея; владимірскій семинаристъ; преподаватель краснорѣчія и естественныхъ наукъ въ петербургской сименаріи... и вдругъ почти иниціаторъ одной изъ величайшихъ реформъ, въ одномъ изъ величайшихъ государствъ всемірной исторіи и составитель одного изъ тѣхъ кадексовъ, которыми въ цивилизованныхъ странахъ, періодически, съ вѣковыми промежутками, отмѣчается движеніе общества впередъ.

Какъ быстро шло возвышеніе Сперанскаго видно изъ того что въ сентябрѣ 1802 года Кочубей, такъ сказать, отвоевалъ Сперанскаго для своей канцеляріи у Трощинскаго, а въ ноябрѣ 1809 Сперанскій ведетъ съ Кочубеемъ переговоры: не согласится ли онъ быть министромъ финансовъ? [1]).

До какой степени, въ эпоху близости Государя къ Сперанскому все шло черезъ его руки, видно изъ того что ему не только поручена редакція предположеній по части всеобщаго государственнаго преобразованія и множество другихъ обязанностей по гражданскому управленію, до финансовъ, финляндскихъ дѣлъ и составленія свода дѣйствующихъ законовъ включительно, но онъ ведетъ секретно, неизвѣстную министру иностранныхъ дѣлъ графу Румянцеву и послу въ Парижѣ

---

[1]) *Корфъ*, I, 96, 187.

князю Куракину, переписку съ совѣтникомъ посольства Несельроде, который, въ свою очередь имѣетъ секретныя сношенія съ Талейраномъ [1]) Другой фактъ въ томъ же родѣ: секретную, даже для военнаго министра графа Аракчеева, переписку съ главнокомандующимъ нашей арміи въ австрійскую войну 1809 г. княземъ Голицынымъ, тоже велъ Сперанскій [2]).

И такъ, еще разъ, около государя, неизбѣжно, должны были явиться новые люди. Но если всмотрѣться ближе, увидимъ въ этой сферѣ не только перемѣну лицъ, но и перемѣну направленія. Сошли со сцены нетолько люди образующіе извѣстную среду, но и идеи проникающіе эту среду. Вмѣсто англоманіи владѣвшей лучшими русскими умами въ концѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ поразительныхъ успѣховъ Наполеона, у насъ, какъ и на Западѣ, явилось преобладаніе французскихъ политическихъ взглядовъ. На смѣну англійскихъ политическихъ идей, у насъ, какъ почти вездѣ, явились идеи французскаго просвѣщеннаго деспотизма. Простота и легкость французской конструкціи очаровывала всѣхъ и весьма немногіе задумывались надъ сущностью всей этой французской мишуры.

«Ученіе французскихъ софистовъ XVIII столѣтія— пишетъ Нибуръ изъ своего путешествія по Англіи— быстро здѣсь распространяется и, при помощи политическихъ событій, можетъ сдѣлаться господствующимъ въ народѣ» [3]). Тѣмъ сильнѣе это вліяніе въ Россіи, гдѣ все равно „надо все перестранвать“ и гдѣ французскіе вкусы давно пріобрѣли право полнаго гражданства.

Если революція, до извѣстной степени, отталкивала, то побѣды Наполеона и его гражданское успо-

---

[1]) id. I, 267; *Шильдеръ*, Александръ I, т. III, 25.

[2]) *Корфъ*, I, 270.

[3]) *Сочиненія Т. Н. Граковскаго*, 311.

коеніе страны, напротивъ, вездѣ создавало ему неодолимый престижъ. Если Негласный Комитетъ, во главѣ угла, поставилъ безграничное изученіе „безобразнаго зданія имперіи“ то теперь предполагается, по французскому способу, комбинировать прогресъ не слишкомъ справляясь съ существующимъ фактомъ.

Было нѣсколько такихъ лѣтъ, когда о настоящемъ парламентскомъ образѣ правленія у насъ почти не было разговора. Гражданскую и политическую свободу предполагалось обезпечить, на французскій ладъ, по болѣе общедоступному способу. Пріурочивая это направленіе къ хронологіи скажемъ что между 1805 и 1810 годами, Александръ и его государственный секретарь находились подъ вліяніемъ однихъ тѣхъ же французскихъ иллюзій, до извѣстной степени, предрѣшающихъ всѣ совершавшіеся при участіи Сперанскаго преобразованія.

IV. КТО АВТОРЪ «ПЛАНА ВСЕОБЩАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРЕОБРАЗОВАНІЯ?»

Самъ Сперанскій, съ достаточной полнотой и кажется неумышленно, объяснилъ процессъ совершившейся при его участіи реформы. „Изъ стократныхъ, можетъ быть, разсужденій и разговоровъ Вашего Величества—писалъ онъ впослѣдствіи изъ Перми—надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго; но идеямъ, съ 1801 года занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ чтобы, посредствомъ законовъ, утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе достоинства и истинной силы“[1]).

По возвращеніи изъ Эрфурта Государь вручилъ Сперанскому всѣ прежніе проекты преобразованій. Бесѣды о предстоящихъ реформахъ иногда продолжались цѣлые вечера. Иногда читались печатныя сочиненія по вопросамъ касающимся реформы [2]). Само собою разумѣется, во всѣхъ этихъ бесѣдахъ, Государь—хотя

---

[1]) *Планъ государственныхъ преобразованій графа Сперанскаго* 330. (изд. Русской Мысли).

[2]) *Корфъ*, I, 108.

съ виду уступчивый, но вообще неспособный для второй роли—не былъ пассивнымъ лицомъ. Напротивъ. Въ концѣ концовъ, Сперанскій не могъ не подчиниться его мнѣнію. Иначе, изъ позднѣйшихъ разсказовъ и намековъ Сперанскаго мы знали бы о пунктахъ, по которымъ существовало несогласимое противурѣчіе.

Конечно, не Государь дѣлалъ замѣтки и потомъ излагалъ ихъ въ видѣ систематическаго проэкта или „плана“. Эта послѣдняя работа исполнена Сперанскимъ и явилась, впослѣдствіи въ видѣ поданной Александру I записки по общему вопросу реформы. Отсюда ясно что вновь наступившая, послѣ Негласнаго Комитета, полоса преобразованій,—результатъ внушеній Государя и совмѣстной работы его и Сперанскаго, а нисколько не личное дѣло Сперанскаго.

Редакція, безъ сомнѣнія, принадлежитъ одному Сперанскому; но самый Планъ по меньшей мѣрѣ, работа обоихъ. Общая мысль „Плана“ и главныя ея вѣтви, если не принадлежатъ одному Государю, одинаково принадлежатъ обоимъ. Сперанскій только, съ свойственной ему логикой и искусствомъ, все облекъ въ силогизмы и, гдѣ надо подкрѣпилъ ссылками.

Въ матеріалы послужившіе основаніемъ „Плана“ и его изложеніе Сперанскій внесъ силу своего личнаго опыта, литературнаго стиля и воображенія. Послѣднее—воображеніе—далеко не лишній элементъ въ государственномъ дѣлѣ и далеко не мѣшаетъ его основательности. Въ тоже время, Сперанскій внесъ въ дѣло реформы свою долю недостаточной подготовки къ дѣлу и малаго знанія русской жизни. Главное однако не въ этомъ. Все это, ничто сравнительно съ общимъ направленіемъ даннымъ преобразованію Государемъ. Это былъ колоссальный проектъ внутреннихъ преобразованій изложенный Сперанскимъ, но по мыслямъ Государя.

Да и вообще, Александръ I не такого рода человѣкъ, которому легко навязать чужіе идеи и повести куда угодно. Подъ вліяніемъ душевнаго переутомленія, на него, временами, находила апатія. Удалившись отъ дѣйствительныхъ требованій жизни, онъ отдавалъ иногда все дѣло въ руки приближенныхъ; но всего менѣе это могло случиться въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ былъ молодъ, мечтателенъ, увлекался, хотѣлъ служить Россіи и, посвоему, искалъ работы. Очень можетъ быть что самъ Сперанскій, по слабости человѣческой, преувеличивалъ свое значеніе въ „Планѣ всеобщаго государственнаго преобразованія“ и приписывалъ его исключительно своимъ талантамъ и познаніямъ; но вся обстановка, при которой составлялся „Планъ“, не позволяетъ записать его ни въ активъ, ни въ пассивъ одному Сперанскому.

Рѣшающее заключеніе въ вопросѣ объ авторѣ— „Плана Сперанскаго“ имѣютъ слова Тургенева вообще неблаговолившаго Сперанскому. „Этотъ проэктъ составленъ имъ такъ сказать, на глазахъ у императора и одобренный послѣднимъ, служитъ однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ либеральныхъ мечтаній Александра. Малодушіе никогда не позволило бы Сперанскому выражаться такъ смѣло, какъ онъ сдѣлалъ въ данномъ случаѣ, если бы ему подлежащимъ образомъ не было это разрѣшено“ [1]).

Нельзя—какъ дѣлаютъ многіе—назвать всю эту работу „твореніемъ“ недавняго учителя Александровской семинаріи, а теперь молодого чиновника, на котораго Государь обратилъ особенное вниманіе [2]). Самое большее, если убѣжденія Сперанскаго, въ этотъ періодъ его жизни, совпадали со взглядами и убѣжденіями Государя. Но главное не въ этомъ и не это его воз-

---

[1]) *Н. Тургенева,* Россія и Русскіе, I, 200.

[2]) *Корфъ*, I, 120.

высило. Его вліяніе именно на томъ основано что никто не былъ болѣе Сперанскаго способенъ проникнуться возвышенными и благонамѣренными мыслями Государя и „творить“ въ духѣ этихъ мыслей. Онъ выдвинулся не потому что открылъ для Россіи политическую Америку, а потому что никто лучше его не умѣетъ схватить полунамекъ Государя, часто неясный для него самого, развить его въ наиболѣе симпатичномъ для обоихъ направленіи и облечь его въ возможно болѣе опредѣленныя формы.

Когда, дано порученіе составить „Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія“, теперь нельзя опредѣлить; но по свѣдѣніямъ біографіи Сперанскаго „не далѣе октября 1809 года, весь „Планъ“ уже лежалъ на столѣ Александра“ [1]).

---

[1]) *Корфъ*, I. III.

V. РЕДАКЦІЯ ЗАКОНОВЪ ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

Государя и Сперанскаго многіе упрекаютъ въ томъ что первый поручилъ одному лицу написать „Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія“, а второй имѣлъ дерзновеніе на одного себя взять такую колоссальную работу. Но этотъ упрекъ Государю и это обвиненіе Сперанскаго основано на недоразумѣніи. Не говоря о томъ, что разработка какого бы то ни было проэкта въ многолюдныхъ собраніяхъ вообще неудобна, необходимо имѣть въ виду что въ выработкѣ всякаго закона имѣется два періода, изъ которыхъ первый—редакція проэкта—всего лучше исполняется однимъ лицомъ, а второй обсужденія закона—иногда безъ преувеличенія, есть дѣло всѣхъ.

Въ первый періодъ созданія произведеній человѣческаго ума—будь это картина, романъ или сухой законодательный актъ — когда произведеніе только обозначается въ сознаніи автора, вообще нельзя стѣснять его право обращаться за совѣтомъ или вдохновеніемъ къ тому, съ кѣмъ онъ хочетъ и можетъ посовѣтоваться. Въ этомъ случаѣ, безразлично является ли авторомъ одно лицо или группа лицъ. Ихъ отвѣтственность одинакова и средства выполненія у нихъ одни и тѣже. Еще неизвѣстно кто въ этотъ періодъ творчества, дастъ наиболѣе полезное и практическое ука-

заніе. Много важныхъ изобрѣтеній сдѣлано дѣтьми. Мнѣніемъ простого рабочаго пользовались художники и инженеры. Въ одномъ изъ романовъ Дикенса, сумасшедшій мистеръ Дикъ наводитъ на умныя мысли, которыя, до него, почему то не приходятъ въ головы умныхъ людей.

А. П. Ермоловъ разсказывалъ такой случай. „Во время турецкой войны, видя нужду во флотѣ на Черномъ Морѣ, Потемкинъ пригласилъ къ себѣ двухъ адмираловъ, русскаго и англійскаго. Каждый изъ нихъ предлагалъ свои планы и мнѣнія. Между ними, не смотря на присутствіе Потемкина, завязался жаркій споръ. Фельдмаршалъ, раскладывая, по обыкновенію, на столѣ драгоцѣнные камни... какъ бы небрежно слушалъ ихъ доводы и только старался ихъ болѣе разжечь. Увлеченные споромъ и важнымъ соперничествомъ передъ глазами Потемкина, они искали рѣшительной побѣды другъ надъ другомъ и потому выказывали самыя сокровенныя мысли. Этихъ то мыслей фельдмаршалъ и добивался".

„Черезъ нѣсколько времени Потемкинъ, не имѣя спеціальныхъ познаній въ морскомъ дѣлѣ, собственноручно написалъ положеніе о будущемъ флотѣ. И по этому положенію, въ короткое время, родился нашъ черноморскій флотъ бывшій вскорѣ карой турецкаго при Чесмѣ" [1]).

Еще разъ, неизвѣстно, гдѣ добудемъ лучшій для законопроекта матеріалъ и, часто находимъ его тамъ, гдѣ ожидали всего менѣе. Въ свою очередь, весьма вѣроятно, что одно лицо чувствуя себя свободнымъ отъ стѣснительнаго вмѣшательства эгоистовъ и невѣждъ и въ тоже время, сильнѣе сознавая свою отвѣтственность по дѣлу лично на него возложенному,

---

[1]) *Погодинъ*, А. П. Ермоловъ, 430.

лучше справится съ задачей, чѣмъ группа лицъ или многолюдное учрежденіе.

Навязать автору—будь это одинъ Сперанскій или цѣлый кабинетъ министровъ—кого нибудь въ совѣтники,—все равно что Сурикову предписать натурщиковъ для „Перехода Суворова черезъ Альпы“ или Гоголю—модели для „Мертвыхъ Душъ“.

Посмотримъ теперь какъ стояло дѣло редакціи законовъ при Александрѣ Первомъ.

Въ началѣ царствованія, сознавая свою неопытность и незнаніе Россіи, Александръ, иногда нарочно устраивалъ споръ между людьми екатерининской эпохи. „Изъ сего извлекаю для себя пользу“, объясняетъ нѣсколько увлекающійся реформаторъ [1]).

Свою некомпетентность въ спеціальныхъ вопросахъ Сперанскій старался пополнить бесѣдой съ спеціалистами. По финансовымъ и юридическимъ вопросамъ ему много помогалъ вызванный изъ заграницы Болугъянскій [2]). Въ частности, по финансовымъ вопросамъ онъ совѣщался иногда съ извѣстнымъ въ то время банкиромъ Перетцъ [3]). По вопросамъ кодификаціи Сперанскій, по приказанію Государя, неоднократно обращался къ Талейрану [4]). Допуская что пользы отъ совѣтовъ Талейрана, въ данномъ случаѣ было столько же, сколько отъ мемуара лорда Грея объ опозиціи, все таки не лишнее отмѣтить фактъ доказывающій, какъ Государь и Сперанскій старались отовсюду добыть предварительный матеріалъ освѣщающій имъ дорогу законодательства.

И такъ, въ первый періодъ созидательнаго процесса, всякій данный представитель законодательной инициативы, какъ хочетъ и изъ какихъ хочетъ источ-

---

[1]) *Шильдеръ*, Алекс. I, т. II, 30.

[2]) *Корфъ*, I, 192, II, 306.

[3]) *Корфъ*, I, 102.

[4]) Id. 106, 156.

никовъ проектируетъ новый законъ. Его дѣло: избрать для этого бюрократическій путь (свою канцелярію и письменныя сношенія) или у себя въ кабинетѣ, самому взяться за проектъ; пригласить къ содѣйствію лицъ непосредственно заинтересованныхъ въ законѣ или совершенно постороннихъ; лично посѣтить мѣстности дающія матеріалъ для наблюденій или обратиться къ спеціалистамъ; распрашивать крестьянъ или спросить мнѣніе земскаго собранія.

Другими словами, не видимъ причинъ почему не поручить составленіе „плана всеобщаго государственнаго преобразованія“—если такой планъ признанъ необходимымъ—одному Сперанскому, какъ было въ 1808 году или планъ „конституціи“,—если таковую рѣшено ввести,—одному Розенкампфу, какъ было въ 1804 г. [1]). Вопросъ только въ томъ: былъ-ли вообще, необходимъ „планъ всеобщаго государственнаго преобразованія“?—это во-первыхъ; были-ли, вообще, достаточно подготовлены и компетентны Розенкампфъ и Сперанскій для того чтобы справиться съ такой сложной задачей? — во-вторыхъ; и, наконецъ, въ-третьихъ, возложивъ на Розенкампфа и Сперанскаго извѣстную обязанность, дали ли имъ достаточно свободы и времени ее выполнить?

Кстати. Въ земской сферѣ, послѣ сорока слишкомъ лѣтъ дѣятельности земства, еще существуетъ претензія на то, чтобы всѣ законопроекты, такъ или иначе касающіеся земства, не прежде получали движеніе, какъ послѣ предварительнаго обсужденія въ земскихъ собраніяхъ. Если такъ ставить вопросъ, почему не передавать всѣ законопроекты касающіеся сельской жизни на предварительную обработку волостныхъ и сельскихъ сходовъ? Скажутъ: въ земствѣ болѣе интеллигенціи. Но это еще не гарантія для законодателя. Найдется не мало

---

[1]) *Шильдеръ*, Алекс. I, т. II, 249.

постановленій земскаго собранія, но столько неудачныхъ, что имъ не прійти въ голову ни одному волостному и сельскому сходу.

Совершенно правильно поступило дѣйствующее теперь министерство увѣдомивъ губернаторовъ, что оно не встрѣчаетъ препятствій къ обсужденію земскими собраніями всѣхъ земскихъ вопросовъ подлежащихъ внесенію въ Государственную Думу. Это дастъ обширный матеріалъ для законодательнаго прогресса. Но было бы странно, если бы свою дѣятельность по составленіи проекта земской реформы, министерство поставило въ прямую зависимость отъ взглядовъ и дѣловитости земскихъ собраній.

Еще разъ, законодатель самъ знаетъ къ кому обратиться за матеріалами для законопроекта.

Но разъ въ сознаніи автора, всѣми извѣстными ему путями, въ которыхъ онъ никому не даетъ отчета, произведеніе доведено до конца, разъ оно находится наканунѣ выхода на широкое поле примѣненія къ народной жизни, необходимо отыскать людей и учрежденія, которые сказали бы всю правду объ этомъ произведеніи искусства или мысли и установили бы отношеніе къ нему общества. Теперь уже надобенъ не столько совѣтникъ, сколько критикъ. Тутъ требуется гарантировать не столько автора,—его дѣло, строго говоря, уже кончено—сколько населеніе. Само собою разумѣется, что въ этотъ періодъ законодательной работы, уже не авторъ выбираетъ своихъ критиковъ и судей. Ихъ даетъ ему общество или какое-нибудь уполномоченное закономъ учрежденіе. Начинается второй періодъ законодательнаго процесса: обсужденіе законопроекта.

Посмотримъ, какъ обсуждались законы въ учрежденіяхъ Александра I.

VI. ОБСУЖДЕНІЕ ЗАКОНОВЪ ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

Легко понять, почему законы макіавелевскаго типа, недоброжелательные идеѣ расширенія народныхъ правъ и клонящіеся къ ограниченію общественной иниціативы, нуждаются въ тайнѣ и не могутъ быть выносимы на дневной свѣтъ. Но остается загадкой, почему Александръ, всю жизнь мечтавшій о политической свободѣ въ Россіи, облекалъ непроницаемой тайной свои лучшія намѣренія и предпочиталъ вести прогрессъ за кулисами. Чѣмъ дороже для него та или другая реформа, тѣмъ болѣе таинственности въ ея появленіи. Это замѣчаніе относится, между прочимъ, къ реформѣ Государственнаго Совѣта.

Хотя „въ публикѣ уже носились слухи что въ Москвѣ готовятся важныя новости", но кромѣ Сперанскаго,—редактировавшаго проектъ,—никто не зналъ ничего вѣрнаго. Даже конверты съ проектомъ пересылались въ Москву Государю не обыкновеннымъ путемъ, а черезъ камердинера Государя „за какою то вымышленной печатью въ конвертѣ безъ адреса". Трудно придумать обстановку болѣе неудобную для обсужденія будущаго закона.

По изготовленіи проэкта онъ былъ сообщенъ частнымъ образомъ только Салтыкову, Лопухину и Кочубею. Замѣчателенъ отвѣтъ Кочубея прямо Спе-

ранскому. „Принимая вещи въ самой строгой сцептикѣ, можно, думаю, смѣло согласиться, что не можетъ уже быть хуже того, что есть“. Рѣдко удается однимъ комплиментомъ такъ уничтожить двухъ сановниковъ: существующій въ данную минуту Государственный Совѣтъ и его вѣроятное продолженіе редактированное Сперанскимъ.

Предварительное знакомство военнаго министра Аракчеева съ проэктомъ заключалось въ томъ, что однажды Государь послалъ къ нему Сперанскаго съ однимъ оглавленіемъ будущаго закона. Содержаніе Сперанскій долженъ былъ передать словесно. „Не прошло и десяти минутъ какъ графъ (Аракчеевъ) отпустилъ (Сперанскаго)...“ Передающій эту сцену прибавляетъ: „я еще не видывалъ его въ подобномъ бѣшенствѣ“. Государь прочелъ проектъ Аракчееву „уже почти наканунѣ его обнародованія, изъ одной предупредительности, чтобы изгладить неудовольствіе обнаруженное военнымъ министромъ за скрытность, съ которой вели отъ него это дѣло“.

Канцлеру графу Румянцеву (который долженъ былъ предсѣдательствовать въ новомъ Государственномъ Совѣтѣ въ случаѣ отсутствія Государя) только „дали взглянуть“ на проэктъ новаго учрежденія [1]).

Сказанное о законѣ реформирующемъ Государственный Совѣтъ надо повторить о законѣ, которымъ открывались министерства. Переданный на предварительное разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, проэктъ новыхъ министерствъ прошелъ безъ всякихъ замѣчаній и перемѣнъ [2])... конечно не вслѣдствіе абсолютныхъ совершенствъ самаго закона.

Проэктъ финансовыхъ реформъ представлявшій рукопись въ нѣсколько сотъ листовъ, не былъ отпечатанъ

---

[1]) *Корфъ*, I, 114. 115.

[2]) id, 125.

даже для членовъ Государственнаго Совѣта. Слѣдовательно они знакомились съ нимъ при бѣгломъ чтеніи въ Совѣтѣ. Между тѣмъ этотъ проэктъ, кромѣ текста закона, заключаетъ въ себѣ почти университетскій курсъ финансоваго права, разъясняющій попутно взгляды правительства на финансовое дѣло [1]).

Такъ называемый „Планъ Сперанскаго“ едва-ли кому былъ обстоятельно извѣстенъ, кромѣ Государя и Сперанскаго. Во всякомъ случаѣ, въ цѣломъ и общей связи, онъ неизвѣстенъ Карамзину, то есть тогдашнему общественному мнѣнію. Большинство судило о немъ какъ о какой то черной магіи и трактовало наравнѣ съ протоколами массонскихъ ложъ.

Любопытно что послѣ паденія Сперанскаго, почти столѣтіе, „Планъ Сперанскаго“ хранится какъ величайшая государственная тайна и даже графъ Корфъ, въ своей біографіи знаменитаго государственнаго секретаря, съ большой осторожностью касается его „Плана“. Только въ самые послѣдніе годы этотъ проэктъ государственной реформы сдѣлался общедоступнымъ [2])

---

[1]) *Планъ финансовъ Сперанскаго* (Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 45-ый).

[2]) «Планъ Сперанскаго» то есть общая программа реформъ совмѣстно придуманная Александромъ и Сперанскимъ; редактированная послѣднимъ; имѣвшая въ виду, къ 1811 году, дать Россіи «новое бытіе»; передѣлывающая ее «во всѣхъ частяхъ, отъ кабинета государева, до волостного правленія» (объ этомъ Корфъ, Графъ Сперанскій, 99, 110, 111, 189, 193) сколько по настоящее время извѣстно, состоитъ изъ трехъ обширныхъ документовъ: 1) «Записки 1803 года объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи»; 2) записки представлявшей «уложеніе государственныхъ законовъ», которая, по свѣдѣніямъ графа Корфа, не далѣе октября 1809 года, уже лежала на столѣ Александра и 3) «Плана финансовыхъ преобразованій, составленіе котораго официально поручено Сперанскому въ ноябрѣ 1809, а 1 января 1810 уже врученнаго Императоромъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта. На самомъ дѣлѣ финансовый проэктъ задуманъ гораздо ранѣе и разрабатывался болѣе

Два преобразованія составившія эпоху въ царствованіе Александра, единственныя, которыя были осуществлены почти вполнѣ: предложеніе всѣмъ придворнымъ чинамъ избрать родъ дѣйствительной службы (указъ 3 апрѣля 1809) и всѣмъ претендентамъ на чинъ коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника держать экзаменъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ (9 августа того-же года) были „рѣшены единственно между Государемъ и Сперанскимъ". Оба закона, никогда не подвергавшіеся обсужденію, съ точки зрѣнія дѣйствительной пользы и дѣйствительной „службы", ничего кромѣ осужденія не заслуживаютъ. Не говоримъ уже о томъ, что въ странѣ, которая, судя по предыдущему, повидимому, находилась наканунѣ конституціи, было неудобно, такими деспотическими мѣрами распространять просвѣщенія и обогащать сомнительными элементами государственную службу.

Исключеніе изъ общаго порядка обсужденія законовъ при Александрѣ I, повидимому, составляетъ проэктъ „Уложенія Законовъ Гражданскихъ". Первая его часть, самимъ Государемъ, вручена Предсѣдателю Государственнаго Совѣта въ день его открытія (1 января 1810). Въ этомъ году проэктъ разсматривался въ сорока трехъ засѣданіяхъ, причемъ сдѣлано множество возраженій. Но сорока трехъ засѣданій—оказывается—слишкомъ мало для такого сложнаго вопроса, какъ „Уложеніе". Затѣмъ, самая редакція этого законопроэкта

продолжительное время. Два первые документа вошли въ книгу «Планъ государственныхъ преобразованій графа М. М. Сперанскаго. Изданіе Русской Мысли. Москва 1905. Заключающіяся здѣсь мысли повторяются во «Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ извлеченномъ В. И. Семевскимъ изъ бумагъ Сперанскаго находящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ и напечатанномъ въ «Историческомъ Обозрѣніи» т. X. 1899 г. Финансовому плану посвященъ Сборникъ Русскаго Ист. Общества; Томъ 45-ый.

поражаетъ своей странностью. Розенкамфъ пишетъ по-французски; Вронченко переводитъ на русскій. Въ понедѣльникъ, въ 6 часовъ утра, съ своимъ переводомъ Вронченко является къ Сперанскому; Сперанскій перечеркиваетъ большую часть работы и все пишетъ вновь; четыре писца все переписываютъ къ засѣданію Государственнаго Совѣта; а Ильинскій, на досугѣ, подводитъ впослѣдствіи законы, изъ которыхъ будто бы статьи проэкта заимствованы. При этомъ надо имѣть въ виду что докладчикъ въ Совѣтѣ, государственный секретарь Сперанскій, въ эти годы былъ далеко не юристъ; критиковавшіе его генералы были вообще некомпетентны по юридической части, а Государь, тутъ же въ засѣданіи рѣшавшій всѣ разногласія, былъ юристомъ всего менѣе. Удивительно ли что въ публикѣ сложилось неизгладимое убѣжденіе что работа Сперанскаго — переводъ съ французскаго. Всѣ дѣло кодификаціи, послѣ многихъ остановокъ въ теченіе предшествовавшего столѣтія, при самомъ Сперанскомъ остановилось еще разъ. „Манифестъ 1810 года, говоритъ графъ Корфъ, упоминаетъ объ этомъ Уложеніи передъ лицомъ народа въ первый и послѣдній разъ“ [1]).

И такъ, нисколько не преувеличимъ сказавъ что второй періодъ всякаго правильнаго законодательства— достаточное обсужденіе законопроэкта—въ большинствѣ случаевъ, въ эпоху Александра I, отсутствуетъ.

Спѣшимъ прибавить что такой методъ форсированнаго проведенія въ жизнь болѣе или менѣе неудачныхъ преобразованій, никоимъ образомъ не можетъ быть приписанъ одному Сперанскому. Какъ бы ни былъ талантливъ государственный секретарь и какимъ авторитетомъ въ глазахъ императора онъ ни пользовался, ему—человѣку безъ малѣйшихъ связей и самостоятельнаго положенія, приближенному только вниманіемъ

---

[1]) *Корфъ*, I, 157, 158, 163.

государя и исполняющему только его приказанія не позволили бы все передѣлывать и ломать по собственному усмотрѣнію. Участіе Государя въ „Планѣ“, на этотъ разъ вполнѣ гарантировало и развязывало руки Сперанскому.

Невольно рождается вопросъ: какъ могло случиться что такіе благонамѣренные, либеральные, талатливые, высшаго ума историческіе дѣятели, какъ Александръ и Сперанскій, допустили такой ненормальный способъ осуществленія реформы? Объясненіе даетъ самъ Сперанскій.

„Когда великая ось правленія—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ юношескихъ опытовъ—обращается въ нашихъ очахъ; когда нѣтъ въ обществѣ ничего столь великого, что бы отъ васъ было скрыто: на какую высоту не восходятъ тогда наши понятія, чего не объемлетъ наше воображеніе! Какое рвеніе, какая ревность не одушевляетъ тогда оратора и какъ можно не быть Демосфеномъ говоря противъ Филиппа и защищая дѣло цѣлой Греціи“ [1])!

„Il y a un principe dans l'homme qui le pousse a courir les chances“, въ томъ же тонѣ, замѣчаетъ Сперанскій въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей [2]).

Такова неодомимая сила возвышенныхъ настроеній. Но, къ сожалѣнію, это только одна и притомъ не самая обыкновенная сторона этихъ „настроеній“. Гораздо чаще „успѣхи даютъ нѣкоторую ложную смѣлость и предпріимчивость ослѣпляющую лучшіе умы“, тоже поясняетъ самъ Сперанскій [3])

Впрочемъ и то надо принять во вниманіе: въ революціонныя и полуреволюціонныя эпохи, много ли найдется людей чуждыхъ деспотическаго образа дѣйствій

---

[1]) *Михаилъ Сперанскій,* Правила высшаго краснорѣчія, 98.
[2]) *Корфъ,* I, 107.
[3]) ib. 175.

и какіе русскіе законы, въ теченіе предшествовавшаго Александру столѣтія, рѣшались по иному способу, чѣмъ тотъ, который, въ эпоху всеобщаго увлеченія реформами, съ русскимъ „очертя голову“, былъ избранъ Государемъ и Сперанскимъ?

VII. ОШИБКИ ВЪ «ПЛАНѢ СПЕРАНСКАГО».

Посмотримъ какъ отвѣчаетъ „Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія“ на наши главные общественные вопросы.

Прежде всего: какая цѣль преобразованій?

„Записка“ 1803 года отвѣчаетъ довольно загадочно и, во всякомъ случаѣ, недовольно искренно... „Установить свойства какія должно имѣть управленіе въ Россіи, чтобы оно было сколь возможно близко къ монархическому и не разрушало бы однако настоящаго порядка“ [1]). Странная реформа, повидимому, желающая все оставить по старому. Только впослѣдствіи цѣль реформы опредѣлена съ большей наглядностью и основательностью. „Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ—пишетъ Сперанскій—чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствія сей власти болѣе достоинства и истинной силы“ [2]). Но и здѣсь политическая свобода только подразумѣвается. Ея имя боятся произнести.

Не менѣе важнымъ въ гражданской жизни является вопросъ судебный. Какъ стоитъ онъ въ „Планѣ Сперанскаго?“

---

[1]) *Планъ госуд. преобр.* 123.

[2]) *Корфъ*, I, 110.

Начать съ того что, по „Плану всеобщаго государственнаго преобразованія“, судоустройство установлено на совершенно ложномъ основаніи. Высказавъ безспорное общее положеніе: „вездѣ, у всѣхъ народовъ, судъ именемъ верховной власти производится“ „Планъ“ продолжаетъ: „въ видахъ учрежденія судебной отвѣтственности положено, чтобы судьи избираемы были самими тѣми лицами, для коихъ судъ установляется.“ („Планъ“ умалчиваетъ гдѣ, когда, кѣмъ, „положено“ такое общее правило). „Симъ учрежденіемъ (то есть выборнымъ судомъ) сила отвѣтственности уже слагается съ власти исполнительной и переходитъ на самихъ судей и первоначальныхъ вѣрителей“. Этотъ неожиданный переходъ подтверждается ссылкой на Англію [1]). Но именно Англія служитъ примѣромъ того что если верховная власть иногда зависитъ отъ „первоначальныхъ вѣрителей“, то судебная власть никогда не переходитъ въ ихъ руки. Именно въ Англіи наиболѣе послѣдовательно проведено назначеніе судей верховной властью: изъ мѣстныхъ жителей (мировой судъ) или изъ спеціалистовъ судебнаго дѣла (государственные суды).

Извѣстно что скорый, правый и общедоступный судъ невозможенъ безъ мировыхъ учрежденій. Извѣстно также что согласованіе приговоровъ суда съ высшей правдой, иногда посвоему оцѣнивающей человѣческія дѣянія, невозможно безъ суда присяжныхъ. Но, хотя Государю и Сперанскому нечуждо представленіе о мировомъ судѣ и судѣ присяжныхъ, „Планъ“ почему то игнорируетъ оба института. За то мы имѣемъ въ „Планѣ“ „волостной судъ состоящій изъ главнаго волостнаго судьи, его товарища и волостныхъ судей постоянно пребывающихъ“ (вѣроятно засѣдателей, ассессоровъ, младшихъ членовъ суда [2]). Еще труднѣе объяснить

[1]) *Планъ Госуд. преоб.* 42, 43, 161.

[2]) id. 79.

появленіе какихъ то „депутатовъ избираемыхъ изъ того состоянія, къ коему принадлежитъ подсудимый. (Не присяжные ли это?) Если же таковыхъ нѣтъ, то подсудимый отсылается въ окружной судъ“ [1]).

По мѣстному самоуправленію „Планъ“ проэктируетъ нѣчто вродѣ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій: волостную думу, окружную и губернскую, съ ихъ управами [2]). Но къ этому совершенно правильному и естественному началу, неожиданно присоединяется довольно странное продолженіе и конецъ. „Губернское управленіе вездѣ соединяется съ казенною палатой подъ именемъ губернскаго правительства... При каждомъ губернскомъ правительствѣ находится совѣтъ составленный изъ депутатовъ всѣхъ состояній собственность въ губерніи имѣющихъ. Совѣтъ собирается разъ въ годъ, въ установленное время. Губернаторъ даетъ отчетъ совѣту въ сборѣ и употребленіи денегъ на земскія повинности и предлагаетъ смѣту оныхъ на будущій годъ“ [3]).

Каковы будутъ отношенія между этимъ „губернскимъ правительствомъ“ и проэктированными выше волостной, окружной и губернской думами, изъ „Плана“ не видно. Полагается только что въ окружномъ управленіи вице-губернаторъ занимаетъ мѣсто губернатора. „Начальникъ волостного управленія будетъ отвѣчать одинъ начальнику окружному, сей— губернатору, а онъ—министру“. Картина заканчивается такою идиліей. „Такимъ образомъ всѣ части управленія придутъ въ надлежащее единообразіе и отъ министра до послѣдняго волостного начальника дѣла пойдутъ, такъ сказать, прямою линіей, не кружась, какъ нынѣ, во множествѣ изворотовъ, гдѣ не можно

---

[1]) id. 80.
[2]) id. 72, 74, 76.
[3]) id. 109—110.

найти ни конца, ни слѣдовъ разнымъ злоупотребленіямъ“ [1]).

Оставляя безъ возраженія идилію прямого пути, по которому будто бы полетятъ бумаги „отъ министра до волостного правленія“, переходимъ къ тому, какими путями, императоръ и его государственный секретарь надѣялись увеличить и обезпечить народное благосостояніе.

Крѣпостное право почти не затронуто въ „Планѣ всеобщаго государственнаго преобразованія“. Конечно, авторы „Плана“—Государь и Сперанскій—симпатируютъ эмансипаціи; но мы напрасно искали бы въ „Планѣ“ отвѣта на вопросъ: какъ освободить отъ крѣпостной зависимости, съ помощью какихъ учрежденій, въ какой срокъ и т. д.? Вмѣсто всѣхъ подробностей находимъ неясный намекъ. „Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы (крѣпостное право) въ Россіи не могло уничтожиться, если приняты будутъ къ тому дѣйствительныя мѣры“ [2]).

Тургеневъ недоумѣваетъ по поводу этого страннаго умолчанія. „Прочитывая работу Сперанскаго я особенно старался выяснить его отношеніе къ главному вопросу для Россіи, который, при всякой реформѣ, долженъ предшествовать прочему. Я не нашелъ ничего опредѣленнаго въ этомъ отношеніи. Весь этотъ проэктъ преобразованія государства указываетъ ясно что рабство не могло имѣть въ немъ мѣста; но детально разбирая многіе другіе вопросы устройства гражданской и политической частей, Сперанскій, казалось, явно избѣгалъ вопроса о крѣпостномъ правѣ“ [3]).

Тургеневъ напрасно претендуетъ на Сперанскаго. Основываясь на характерѣ дѣйствующихъ лицъ, въ этомъ умолчаніи „Плана“ легко признать руку самого

---

[1]) id. 111—112.

[2]) id. 54.

[3]) *Н. Тургеневъ*, Россія и Русскіе, I, 201.

Государя. При несомнѣнной самонадѣянности Сперанскаго и его наклонности „представлять всѣ трудности легкими и всѣ препятствія одолимыми“, зная притомъ гдѣ находятся симпатіи Государя, онъ скорѣе скажетъ въ этомъ случаѣ что нибудь лишнее, чѣмъ недоговоритъ чего нибудь. При надлежащей свободѣ дѣйствій, въ силу своего темперамента, онъ непремѣнно выдвинулъ бы вопросъ объ освободительныхъ учрежденіяхъ и процедурѣ освобожденія.

Принимая во вниманіе доминирующее вліяніе Государя въ дѣлѣ составленія „Плана“, тѣ противурѣчащія одно другому показанія, которыя общество дало ему по вопросу уничтоженія крѣпостного права и ту неувѣренность въ себѣ и другихъ, которая сопровождаетъ всю дѣятельность Александра, мы едва ли ошибемся приписавъ странное умолчаніе „Плана“ по одному изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ русской жизни, иниціативъ самого Императора.

Затѣмъ въ „Планѣ“ встрѣчаются подробности рѣшительно несогласимыя съ идеей уничтоженія крѣпостной зависимости.

„Вторымъ источникомъ новаго дохода есть хозяйственное устройство казенныхъ селеній. Раздѣливъ, въ каждой губерніи, селенія сіи на хозяйства, можно приложить къ нимъ большую часть тѣхъ правилъ, какія употребляются добрыми помѣщиками въ ихъ деревняхъ. Отсюда произойдутъ разныя статьи экономическихъ доходовъ судя по различію мѣстныхъ выгодъ. Въ однихъ селеніяхъ заведутся экономическія запашки, въ другихъ винокуренные заводы, въ иныхъ фабрики и тому подобныя учрежденія. Для устройства ихъ нужно будетъ составить общее положеніе о управленіи казенныхъ селеній пользуясь всѣми тѣми опытами, какія въ семъ могутъ представить благоустроенныя селенія удѣльныя и помѣщичьи“ [1]).

[1]) *Планъ финансовъ Сперанскаго* § 123.

Для оцѣнки этихъ предположеній объ увеличеніи доходности казенныхъ имѣній, въ подражаніе „добрымъ помѣщикамъ“, посредствомъ учрежденія казенныхъ фабрикъ — оставляя въ сторонѣ Канкрина и Тургенева основательно сомнѣвавшихся въ цѣлесообразности всей системы помѣщичьихъ фабрикъ—приведемъ отзывъ самого Сперанскаго объ администраціи непосредственно соприкасающейся съ казенными селеніями. „Земскіе исправники суть тѣже помѣщики... Сіи трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ никакого побужденія беречь крестьянъ, коихъ они ни себѣ, ни потомству своему не прочатъ“ [1]) и вдругъ этимъ временнымъ владѣльцамъ поручается веденіе фабричнаго дѣла въ казенныхъ селеніяхъ!

Остается отмѣтить нѣкоторыя предположенія финансового плана Сперанскаго тѣсно связанныя съ вопросомъ народного благостоянія.

Въ видахъ сокращенія расходовъ государственаго казначейства предположено „перемѣнить образъ продовольствія войскъ въ польскихъ губерніяхъ отпускомъ серебра и учредить вмѣсто того хлѣбный въ сихъ провинціяхъ сборъ несравненно дешевѣйшій и удобнѣйшій“.

(Если новый способъ хорошъ, почему не ввести его повсемѣстно? Если онъ дуренъ,—какой разсчетъ преднамѣренно возбуждать неудовольствіе „въ польскихъ губерніяхъ?“)

Предложено „уменьшить издержки на починку дорогъ, изъ коихъ, на одну починку дорогъ около столицы нѣсколько уже лѣтъ сряду, издерживается по милліону рублей“. Не сказано однако, чѣмъ замѣнить эту трату казенныхъ денегъ на дорожный ремонтъ, безъ котораго дороги, очевидно, обойтись не могутъ.

Въ тѣхъ же видахъ увеличенія государственныхъ доходовъ „Планъ“ рекомендуетъ.

---

[1]) *Планъ госуд. преобр.* 323.

„Пошлину на домашнихъ слугъ, какіе бы они ни были, крѣпостные или вольные, въ городахъ и въ селеніяхъ“.

„Пошлину на лошадей въ городахъ“.

„Пошлину съ оконъ, расположенную постепенно на количество ихъ, превышающее извѣстное число“ [1]) И т. д.

Въ этихъ мелочахъ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть болѣе недосмотръ Сперанскаго, какъ редактора „Плана“, чѣмъ результатъ практической неопытности Государя, конечно, не входившаго въ детали налога на окна и пошлины съ домашнихъ слугъ.

Этими выписками далеко не исчерпываются ошибки „Плана Сперанскаго“. Но и цитируемаго довольно, чтобы прійти къ такому заключенію.

Нельзя не согласиться съ біографіей Сперанскаго въ томъ что „Александръ и первый его министръ, въ порывѣ высокихъ своихъ увлеченій, стремясь „ввести будущее въ настоящее“, опережали возростъ своего народа и степень его образованности и самодѣятельности“. [2]) Къ сожалѣнію, выработанный ими, такъ называемый „Планъ Сперанскаго“ былъ покушеніемъ на прогрессъ... но съ негодными средствами. Обыкновенно считаютъ „Планъ“ превышающимъ ту эпоху, когда онъ явился смущать совѣсть русскихъ старовѣровъ карамзинскаго оттѣнка. Вѣрнѣе будетъ считать „Планъ“, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, негоднымъ ни для какой эпохи.

Легко критиковать „Планъ“ и его составителей — замѣтятъ намъ — теперь, когда дѣло уже сдѣлано, можно жить чужимъ умомъ и учиться на чужихъ ошибкахъ. Если полвѣка позднѣй, при реформахъ

---

[1]) *Планъ фин. Сперанск.* § 27, 127.

[2]) *Корфъ*, I, 110, 111, 145.

шестидесятыхъ годовъ, сдѣлана цѣлая серія капитальныхъ ошибокъ; если теперь, послѣ столѣтняго опыта и болѣе высокаго уровня знаній, у насъ продолжаютъ ошибаться по основнымъ вопросамъ государственнаго строительства, то во сколько легче ошибиться Государю, съ дѣтства удаленному отъ будничной жизни масссы и Сперанскому, въ январѣ 1790, восемнадцати лѣтъ, на долгихъ, пріѣхавшему въ Александроневскую Лавру, если не считать отпуска къ дочери въ Кіевъ въ 1806 году [1]) и поѣздокъ съ Государемъ въ армію и за границу, никогда изъ Петербурга не выѣзжавшему и, черезъ пятнадцать лѣтъ, волею государя, сдѣлавшемуся почти законодателемъ Россіи? Если вооружившись наукой и опытомъ, среди полнаго досуга, мы продолжаемъ создавать и проэктировать учрежденія не могущія работать или дѣйствующія крайне неудовлетворительно, то можно ли упрекнуть молодого статсъ-секретаря императора Александра, за нѣкоторыя даже очень важныя ошибки, сдѣланныя въ такую эпоху, когда даже въ Сенатѣ „не было книгъ законныхъ, а во всѣхъ губерніяхъ, судьба людей и имуществъ рѣшалась по письменнымъ тетрадямъ содержащимъ въ себѣ самыя безобразныя и невѣрныя выписки законовъ?“ [2])...

Войдемъ въ положеніе Сперанскаго. Въ ноябрѣ 1809 высочайше повелѣно составить планъ финансовыхъ преобразованій, а 1 января 1810 онъ уже приводится въ исполненіе (Врученъ Императоромъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта [3]). При этомъ единственная самостоятельная финансовая практика, которую имѣлъ Сперанскій прежде чѣмъ сдѣлаться законодателемъ русскаго денежнаго рынка, едвали не была та тетрадка Владимірскаго Боголюбскаго монастыря, въ которой

---

[1]) id. 273.
[2]) id. 215.
[3]) *Корфъ* I, 189, 193.

онъ, по обязанности „келейника“ записывалъ копѣечные раеходы своего патрона игумена Евгенія [1]).

Вся юридическая часть тоже возложена на Сперанскаго. Но былъ такой случай. Когда надо было писать завѣщаніе графа Петра Кирилловича Разумовскаго, заинтересованныя лица—Кочубей и Васильчиковъ—обратились „къ живому источнику законовъ“ Сперанскому. Онъ набросалъ черновую. Но молодой чиновникъ Крюковской, переписывая на бѣло замѣтилъ, что составленный Сперанскимъ проэктъ „съ начало до конца противорѣчитъ буквѣ законовъ“. Вмѣсто завѣщанія написали купчую крѣпость [2]).

Полагаютъ что научный запасъ, съ которымъ Сперанскій приступилъ къ преобразованію нашего законодательства, первое время, ограничивался Кодексомъ Наполеона и энциклопедическимъ сочиненіемъ о французскихъ законахъ Флорижона „автора теперь совсѣмъ забытаго, а тогда составлявшаго его настольную книгу [3]).

Обстановка, при которой иногда работалъ Сперанскій, тоже не изъ тѣхъ, которыя располагаютъ къ безошибочному сочиненію „плановъ“. „Въ маленькой квартирѣ, которую занималъ Александръ (во время финляндскаго сейма въ Борго) Сперанскій сидѣлъ за бумагами, по цѣлымъ днямъ въ комнатѣ передъ кабинетомъ. На самомъ сеймѣ онъ принималъ особенное участіе въ разсужденіяхъ объ устройствѣ Финляндскаго Совѣта и имъ составлена окончательная редакція этого учрежденія. Проэктъ изготовленный мѣстными чиновниками на французскомъ языкѣ поспѣвалъ не ранѣе того дня, когда должно было поднести его къ высочайшему подписанію и еще недавно были въ живыхъ очевидцы — продолжаетъ графъ Корфъ — которые съ

---

[1]) id. 14.

[2]) *Новое Время*, 1880, № 1676.

[3]) *Корфъ*, I, 154.

изумленіемъ разсказывали, какъ Сперанскій, въ пріемной Государя, посреди шума и разговоровъ ожидавшихъ лицъ, исправилъ планъ проэкта и тутъ же изложилъ послѣдній по русски въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ послѣ утвержденъ и нынѣ еще дѣйствуетъ“ [1]). Александръ едва ли даже замѣчалъ неудобства обстановки Сперанскаго, какъ вообще великіе люди рѣдко замѣчаютъ массу маленькихъ жертвъ, ежедневно приносимыхъ маленькими людьми.

И такъ, статсъ-секретарь Александра I, силою обстоятельствъ принужденъ создавать свои проэкты, несомнѣнно, подъ повелѣвающимъ камертономъ Государя, такъ сказать, находу, среди массы текущей государственной работы, при тогдашней скудности въ людяхъ спеціально подготовленныхъ, при явномъ нерасположеніи правящаго класса къ нему лично и его дѣлу и, въ добавокъ, подъ условіемъ, все держать втайнѣ отъ общества и поспѣть къ сроку!

Если принять все это во вниманіе, надо удивляться почему у него вышло такъ мало ошибокъ и все таки создалось нѣчто, хотя только по внѣшности, стройное и блестящее, съ искрами несомнѣнно хорошаго и практическаго.

Многіе упрекаютъ Сперанскаго въ томъ что, безъ достаточной подготовки, взялся исполнять порученіе Государя. Но два обстоятельства, если не оправдываютъ вполнѣ, то вполнѣ объясняютъ его поведеніе. Когда „нѣтъ людей“, кому нибудь надо браться за дѣло. О томъ что мы зашли въ глухой переулокъ,—узнается въ концѣ, а не въ началѣ путешествія. Извѣстно также что люди тонутъ не сразу и, иногда, идутъ по отлогому дну прежде, чѣмъ захлестнетъ волна.

Не забудемъ что Я. И. Ростовцевъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ въ

---

[1]) id. 263.

шестидесятыхъ годахъ, считая себя не приготовленнымъ для крестьянскаго дѣла, первоначально отказывался отъ участія въ Комитетѣ и уступилъ только настояніямъ Александра II. Онъ изучалъ дѣло тоже находу и, тѣмъ не мемѣе, много для него сдѣлалъ.

VIII. ЧТО ХОРОШО ВЪ «ПЛАНѢ СПЕРАНСКАГО».

Было-бы въ высшей степени несправедливо по отношенію къ императору Александру и Сперанскому, указавъ на вопіющіе недостатки ихъ „Плана всеобщаго государственнаго преобразованія“ не указать на его положительныя достоинства. Нѣкоторыми своими чертами „Планъ“ далеко опередилъ не только свое, но, пожалуй, и наше время.

„Планъ“, уже тогда, предлагалъ немедленно ввести счетъ на серебро вмѣсто ассигнаціоннаго рубля и тотчасъ присоединить къ общей финансовой системѣ, Лифляндію и Польшу [1]).

Здѣсь же находимъ мысль, отъ имени государства, систематически контролировать не только общіе государственные приходы и расходы, но и губернскіе, уѣздные и волостные. [2]) (Какъ это сдѣлать,—вопросъ особый, котораго здѣсь касаться не будемъ.)

Хотя всѣ реформы императора Александра, въ томъ числѣ сдѣланныя при Сперанскомъ, вырабатывались келейно, внѣ участія общества, но, въ теоріи, „Планъ“ защищаетъ „публичность дѣяній правительства [3]).

---

[1]) *Планъ финансовъ Сперанскаго*, § 128.

[2]) id. 207—210.

[3]) *Планъ государственныхъ преобразованій*, 216.

Кстати. Въ „Планѣ всеобщаго государственнаго преобразованія“ впервые встрѣчаемъ названіе „Государственная Дума“, которымъ замѣнена какъ наша древняя формула „Земскій Соборъ“, такъ и западная—„парламентъ“ [1]).

Тоже кстати: Уставъ Царскосельскаго Лицея, между прочимъ замѣчательный тѣмъ что это было первое у насъ закрытое учебное заведеніе, въ которомъ запрещены тѣлесныя наказанія, написанъ Сперанскимъ и разсмотрѣнъ Александромъ [2]).

Но главное, чѣмъ „Планъ Сперанскаго“—то есть результатъ совмѣстной работы Александра и его государственнаго секретаря, выдѣляется изъ массы законодательныхъ попытокъ не только того времени, но и нашего, замѣчается въ затронутыхъ имъ вопросахъ объ эмиграціи и „мелкой земской единицѣ“.

„Казенныя земли ненаселенныя должны быть постепенно обращаемы въ продажу“ [3]). Такъ какъ, безъ заселенія эмигрантами (вольными или невольными—вопросъ особый) проданныя казенныя земли, по прежнему, не имѣли бы никакого экономическаго значенія, то, очевидно, продажа свободныхъ государственныхъ земель неминуемо должна была превратиться въ вопросъ объ эмиграціи на наши свободныя земли. Двѣ строки финансоваго плана Сперанскаго, едва ли не первая у насъ попытка систематически организовать переселенческое дѣло.

Однако тогдашнее переселенческое дѣло, съ самаго начала осуждено на застой и прозябаніе. Прежде всего, оно почти никому не нужно. При тогдашней дешевизнѣ земли и рѣдкости населенія внутренней Россіи, переселеніе не вызывалось мѣстными причинами. Поэтому и въ „Планѣ Сперанскаго“ продажа

---

[1]) *Корфъ*, I, 172.

[2]) id.

[3]) *Планъ Финансовъ Сперанскаго*, § 117.

государственныхъ земель мотивируется необходимостью погасить государственные долги, а не надобностью въ землѣ. Отсюда понятно, почему, вмѣсто двадцати милліоновъ дохода ожидаемыхъ ежегодно, операція въ первый годъ, дала только 1.711.000 р. [1]). Затѣмъ случилось удаленіе Сперанскаго (уже некому было заниматься вопросомъ очень сложнымъ и неимѣющимъ для данной минуты прямого интереса) и наступила война, когда некогда было думать о переселеніяхъ. Затѣмъ явилось безраздѣльное господство рутины въ Россіи и увлеченіе Государя внѣшней политикой. Тѣмъ не менѣе, хотя предположенія „Плана Сперанскаго“ по дѣлу продажи казенныхъ земель не сдѣлались зарей новой эры, мы должны отмѣтить ихъ какъ замѣчательный историческій фактъ.

Вопросъ о мелкой земской единицѣ (пользуемся нашей современной терминологіей) энергически затронутъ „Планомъ“ еще въ „Запискѣ“ 1803 года „Объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи“. „Усовершить высшія части управленія и суда—писалъ Сперанскій по порученію Государя—оставивъ низшіе въ безначаліи и безпорядкѣ, значитъ тоже что хотѣть удержать рѣку не заградивъ ея источниковъ. Между тѣмъ правительство рѣдко доводило свои планы до самыхъ источниковъ. Оно останавливало ихъ именно тамъ, гдѣ они наиболѣе могли быть нужны. Можно ли желать, чтобы тяжбы не были многочисленны и не установить законныхъ средствъ погашать ихъ въ самомъ ихъ рожденіи?—чтобы полиція уѣздная была дѣятельна и не дать постоянныхъ способовъ ея дѣйствій въ волостяхъ?“

„Въ Россіи давно уже было помышляемо о составѣ волостныхъ правленій, но доселе они существуютъ только именемъ и между тѣмъ, какъ десять человѣкъ

---

[1]) *Корфъ*, I, 206, 207.

низкихъ ремесленниковъ имѣютъ точныя и подробныя правила и цѣховую управу въ городскомъ положеніи, цѣлыя волости оставлены безъ всякаго учрежденія на произволъ исправниковъ и засѣдателей“ [1]).

Къ той же мысли „Планъ“ возвращается въ запискѣ 1809 года [2]).

Приведя въ подлинникѣ это замѣчательное мѣсто касающееся одного изъ самыхъ жгучихъ, не только для того, но и для нашего времени вопросовъ, не знаемъ кому непосредственно приписать авторство: Государю или Сперанскому? Но если „Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія“, по свидѣтельству самого Сперанскаго, вытекаетъ „изъ стократныхъ можетъ быть разговоровъ и разсужденій“ съ Государемъ; если они оба одинаково отвѣчаютъ передъ потомствомъ за неудачные результаты большей части этого „Плана“, то было бы несправедливо отнять у одного изъ нихъ его долю участія въ организаціи учрежденія еще болѣе необходимаго въ наше время чѣмъ въ эпоху Александра и Сперанскаго.

---

[1]) *Планъ госуд. преобр.* 225—229.

[2]) id. 70, 72.

IX. МАНІЯ ГЕНЕРАЛЬНЫХЪ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

По поводу реформаторскихъ плановъ Александра и Сперанскаго, не лишнее высказаться вообще о нашей склонности сочинять „планы всеобщаго государственнаго преобразованія“.

Что такое „Опрична“ Ивана Грознаго если не первый русскій планъ всеобщаго государственнаго преобразованія, приведенный широко, необдуманно, и если не очень умно, то въ самомъ безшабашномъ стилѣ?.

Съ легкой руки Петра, этого рода „планы“ посыпались въ изобиліи достойномъ лучшаго дѣла. Какъ римская матрона временъ паденія означала свои прошедшіе годы именами разведенныхъ супруговъ, такъ, начиная съ Петра Перваго, различные періоды русской исторіи можно означать неосуществленными „планами всеобщаго государственнаго преобразованія“ сдаваемыми въ архивъ въ незаконченномъ видѣ и съ большимъ или меньшимъ правомъ на забвеніе.

Что такое „русскій“ соціализмъ, анархизмъ и коммунизмъ, если не „планы всеобщаго государственнаго преобразованія“ сочиняя которые, реформаторъ разрушаетъ, такъ сказать, на всякій случай, даже приблизительно не зная гдѣ остановиться и что поставить на мѣсто разрушеннаго? Если многіе, въ данную минуту, имѣя парламентъ, мечтаютъ объ учредительномъ

собраніи, то единственно потому что „учредительное собраніе“ болѣе льститъ нашей наклонности къ оптовому реформаторству, чѣмъ просто и систематически дѣйствующее парламентское законодательство.

У насъ нѣтъ студенческой курильни, гдѣ не было бы нѣсколькихъ, въ разныхъ вкусахъ „плановъ всеобщаго государственнаго преобразованія“ и въ дортуарахъ женскихъ институтовъ, прежде чѣмъ отойти ко сну, дѣвицы обсуждаютъ генеральныя реформы сразу охватывающія всю русскую жизнь.

Русскій человѣкъ, вообще, имѣетъ органическую наклонность къ этого рода занятіямъ и, если бы гдѣ нибудь устроилась выставка „плановъ всеобщаго государственнаго преобразованія“, самый роскошный ея отдѣлъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ бы русскому народу и правительству.

Императоръ Александръ, по крайней мѣрѣ въ первые годы царствованія, однимъ изъ достоинствъ своихъ реформъ считалъ именно ихъ универсальный характеръ. Тронную рѣчь 1 января 1810, при открытіи Государственнаго Совѣта, онъ начинаетъ мыслью о всеобщности преобразованій. „Не частными исправленіями, не подробностями многосложными и преходящими стоятъ и процвѣтаютъ государства“ [1])... Его статсъ-секретарь проникнутъ тѣмъ же убѣжденіемъ и исповѣдуетъ его еще болѣе рѣшительно [2]). На всеобщности преобразованій оба строятъ карьеру русскаго благополучія.

Иванъ Грозный, Петръ, „крайніе“—только собирательная величина, только фокусъ, какъ въ увеличительномъ стеклѣ совмѣщающій всѣ достоинства и недостатки своего народа. Методъ Петра мы продолжаемъ до сихъ поръ. И если, въ изображеніи минувшихъ событій, есть что нибудь напоминающее наши дни, то

---

[1]) *Шильдеръ*, Александръ I, т. III, 3.

[2]) *Планъ госуд. преоб. Сперанскаго*, 170, 214, 217.

это потому что до сихъ поръ, въ нашемъ, такъ сказать, „послѣднемъ изданіи, исправленномъ и дополненномъ“, мы упорно поддерживаемъ тотъ методъ, который, только вслѣдствіе случайностей рожденія сдѣлался „методомъ Петра“.

У насъ приходится возражать не противъ Петра Великаго — главнаго изъ нашихъ героевъ по части „плановъ всеобщаго государственнаго преобразованія“—а противъ маленькаго „петра“ сидящаго едвали не въ каждомъ изъ насъ и, не смотря на свой чинъ инфузоріи, приносящаго болѣе вреда, чѣмъ самъ Петръ Великій. Хотя фраза „il faut trancher dans le vief, tailler en plein drap“ [1]) дошла до насъ въ редакцію Сперанскаго, но, съ одинаковымъ правомъ, она должна быть отнесена на счетъ большинства русскихъ реформаторовъ, до мечтателей нашихъ дней включительно и если „опричина“ была первымъ по времени „планомъ всеобщаго государственнаго преобразованія“, то аракчеевскія военныя поселенія, къ сожалѣнію, не были послѣднимъ въ этомъ родѣ.

Несчастіе Россіи, главнымъ образомъ, отъ того и происходитъ что въ свойствахъ русскаго человѣка составлять и по мѣрѣ возможности, приводитъ въ исполненіе, различные, часто діаметрально противоположные „планы всеобщаго государственнаго преобразованія“. И если справедливо увѣрялъ Тургеневъ, будто бы русскій человѣкъ, не только шапку, но и мозгъ „носитъ на бекрень“, то эта манера носить умственный костюмъ, на сколько она касается политики и государственнаго благоустройства, заключается въ нашей склонности къ генеральной ломкѣ и оптовому реформаторству.

Происходитъ ли эта характерная черта отъ того что, какъ доказывалъ тургеневскій Хорь, русскій человѣкъ на столько увѣренъ въ своей крѣпости что не-

[1]) *Корфъ*, I, 107

прочь иногда и поломать себя или, какъ полагаетъ одинъ простонародный философъ: „не будь на свѣтѣ битыхъ горшковъ, нашему брату гончару жить бы не стоило“,—остается вопросомъ открытымъ. Несомнѣнно одно: благодаря сказанной маніи, иногда только дай намъ волю, мы сами себя такъ спеленаемъ „планами всеобщаго государственнаго преобразованія“ и, пеленая такъ искалѣчимъ, какъ не удастся спеленать и искалѣчить ни одному самому ретроградному правительству. Въ общей сложности эта манія всеобщихъ преобразованій является новой формой деспотизма, неумолимой, какъ старая инквизиція, неосновательной какъ галюцинаціи сумашедшаго и тупой, какъ стихійная сила.

Въ заключеніе послѣ несмѣтнаго количества разной масти „плановъ всеобщаго государственнаго преобразованія“ въ свое время болѣе или менѣе нашумѣвшихъ и, въ незаконченномъ видѣ, за выходомъ изъ моды, сданныхъ въ архивъ, у насъ нѣтъ ни школъ, ни судей, ни администраціи... и сбитое съ толку общество, ничего не пріобрѣтя отъ переворотовъ, лишается всѣхъ выгодъ стараго порядка и очень часто, теряетъ способность соображать гдѣ у него „правая“ гдѣ „лѣвая“ сторона?

Чрезвычайный рискъ всѣхъ этихъ „плановъ всеобщаго государственнаго преобразованія“ виденъ изъ того что люди выдающагося ума, жизнью запечатлѣвшіе свой патріотизмъ и преданность общественному дѣлу, задавшись мыслью сразу все передѣлать „согласно послѣднему слову науки и техники“,—на развалинахъ стараго, однимъ почеркомъ пера, послѣ продолжительнаго изученія вопроса и усиленныхъ трудовъ, неизмѣнно сочиняютъ планы всеобщихъ реформъ полныя ошибокъ и внутреннихъ противорѣчій, заключающіе въ себѣ массу спорнаго, несогласные одинъ съ другимъ, до мозга костей проникнутые ненужнымъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь и, нерѣдко, вы-

дающіеся по своей практической несообразности. Не говоримъ уже о томъ что всѣ они мѣшаютъ въ своихъ планахъ вѣчное какъ „Десять Заповѣдей“ и временное какъ порывъ вѣтра и плескъ волны.

Для примѣра, обратимся къ реформаторскимъ планамъ декабристовъ. Н. М. Муравьевъ настоятельно рекомендуетъ монархію и федеративный строй государства. „Подъ надзоромъ государя, одно законодательное собраніе находится въ столицѣ и дѣлаетъ всѣ распоряженія общія для всего государства; частныя распоряженія касающіяся до областей предоставлены областнымъ законодательнымъ собраніямъ, образованнымъ на подобіе столичнаго и такимъ образомъ доставляется благосостояніе цѣлаго и частей“. Въ это же время Пестель самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ всякой федераціи въ Россіи, потому что „области сего огромнаго государства не только различными учрежденіями исправляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсѣмъ различными языки говорятъ, совсѣмъ различныя вѣры исповѣдуютъ, жители оныхъ различныя происхожденія имѣютъ, къ различнымъ державамъ нѣкогда принадлежали“.

Но Муравьевъ забываетъ что въ исторіи человѣчества еще не было примѣра федеративнаго государства при монархическомъ образѣ правленія. (Зависимость Швейцаріи отъ Габсбурговъ была только номинальной). Въ свою очередь Пестель забываетъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ Америки и Швейцаріи, гдѣ жители принадлежатъ различнымъ національностямъ и исповѣдуютъ различныя религіи, что не помѣшало имъ отлично устроиться въ федеративномъ государствѣ.

Муравьевъ и Пестель правы съ извѣстной точки зрѣнія. Но дѣло въ томъ что жизнь иногда допускаетъ примѣненіе только извѣстной точки зрѣнія и

безжалостно исключаетъ всѣ другія. По этой причинѣ, въ данномъ вопросѣ мы должны стать на сторону Пестеля... но не потому что въ Россіи много племенъ и религій, а потому что, если навязать Россіи федерацію, то, пока ея жителямъ привьются вкусы и привычки федеративнаго государства, цѣлыя поколѣнія останутся безъ правительства и угрожаемыя централизаціей сосѣдей, выростутъ среди междуусобій и полной неопредѣленности.

По одному проэкту Муравьева имущественный цензъ дѣлится на четыре степени соотвѣтствующія довольно мелкой классификаціи выборныхъ должностныхъ лицъ; по другому—степеней только двѣ. Въ обоихъ случаяхъ вводится очень высокій цензъ. По проэкту Пестеля цензъ вовсе не предполагается.

Признавая безусловную необходимость ценза—конечно умѣреннаго—все таки надо согласиться съ замѣчаніемъ неизвѣстнаго читателя: „почему только богатство опредѣляетъ достоинства правителей? Это несогласно съ законами нравственности“.

Въ видахъ „совершеннаго преобразованія государственнаго порядка“ и „введенія, на мѣсто существующаго, такого устройства, которое было бы основано на однихъ только точныхъ и справедливыхъ законахъ и постановленіяхъ“ Пестель предлагаетъ учредить Временное Верховное Правленіе, которое въ теченіе десяти лѣтъ подготовило бы страну для реформы, но онъ возлагаетъ на Временное Правленіе столько дѣла, котораго не передѣлать и въ столѣтіе. Мало того что онъ обязываетъ гражданъ „усердно всѣми силами содѣйствовать Временному Верховному Правленію и неумѣстнымъ нетерпѣніемъ не вредить преуспѣванію народнаго возрожденія и государственнаго преобразованія“, но поручаетъ этому Верховному Правленію завѣдомо ошибочное дѣло. Порученіе возможное только при незнаніи дѣла.

Исходя изъ совершенно вѣрнаго положенія о пользѣ и необходимости общинныхъ земель, Пестель предлагаетъ всѣ земли раздѣлить на двѣ равныя части: „общественныя“ (общинныя) предназначаемыя „для доставленія необходимаго; передѣляемыя ежегодно; и частныя принадлежащія казнѣ и частнымъ лицамъ, имѣющія цѣлью „доставленіе изобилія“. Онъ полагаетъ что когда этотъ порядокъ осуществится вполнѣ, каждый „будетъ совершенно въ необходимомъ обезпеченъ и увѣренъ, что въ своей волости всегда клочекъ земли найти можетъ, который ему пропитаніе доставитъ“.

Не говоря о томъ что понятіе „необходимаго“ представляетъ весьма спорную величину, превращающую весь планъ основанный на этой „необходимости“ въ словесную эквилибристику, самое предположеніе кончить новую организацію землевладѣнія въ десять лѣтъ предназначенныя для дѣйствія „Временнаго Верховнаго Правленія“ или въ пятнадцать, спеціально отведенныя для аграрнаго вопроса, на практикѣ, является крайне неосновательнымъ.

Въ проэктѣ Муравьева весь аграрный вопросъ исчерпывается предоставленіемъ освобождающемуся отъ крѣпостной зависимости крестьянскому обществу домовъ и огородовъ (усадебныя земли). Впослѣдствіи это выражено еще проще: „надѣленіе крестьянъ землей по двѣ десятины на дворъ“.

Каково же положеніе обывателя, которому, прежде чѣмъ сознательно идти, въ вопросѣ о наилучшемъ переустройствѣ русской земли, за Муравьевымъ или Пестелемъ, надо разобраться во всей этой массѣ путанницы и противорѣчій;—обывателя котораго реформаторы безцеремонно поворачиваютъ то въ одну, то въ другую сторону? А еще упрекаютъ императора Александра въ томъ что онъ не завершилъ дѣла политической свободы въ Россіи, если сами корифеи по

вопросамъ политической свободы, задавшись мыслью разомъ все преобразовать, выносятъ радикально противуположныя рѣшенія.

Остается прибавить что всѣ вообще „планы всеобщаго государственнаго преобразованія“ особенной мягкостью не отличаются. Напротивъ, ихъ безцеремонность превышаетъ иногда всякую мѣру дозволеннаго.

„Представительныя понятія—говоритъ Муравьевъ—служатъ намъ одной завѣсой. Конституція пишется въ монархическомъ смыслѣ ради вновь вступающихъ членовъ, comme un rudeau derriere lequel nous formerons nos colonnes“.

Признавая что „содержаніе женъ въ заперти есть большая несправедливость противъ сей половины рода человѣческаго, а посему и надлежитъ употребить средства кроткія, дабы магометане обычай свой оставили“, Пестель на столѣтіе предупредилъ романъ Пьера Лоти на эту тему; но, предлагая запретить татарамъ многоженство, онъ едва-ли держится въ курсѣ вѣротерпимости.

Если отецъ не можетъ воспитывать дѣтей дома, то, по мнѣнію Пестеля, долженъ отдавать ихъ въ учебныя заведенія учрежденныя правительствомъ. Частнымъ же лицамъ не предоставляется права устраивать пансіоны и другія учебныя заведенія, потому что правительственный надзоръ за ними будетъ всегда слабъ и недостаточенъ. Всякія частныя общества, какъ открытыя, такъ и тайныя должны быть совершенно запрещены, потому что первыя безполезны, а послѣднія вредны (!)

Въ монахи никто не долженъ поступать ранѣе 60 лѣтъ, а въ бѣлое духовенство ранѣе 40. Духовенство иноземныхъ исповѣданій, которое признаетъ надъ собою начальство внѣ Россіи, должно или оставить ее, или отказаться отъ повиновенія своему начальству и прекратить съ нимъ сношенія; монашескимъ же чи-

намъ иноземныхъ исповѣданій совсѣмъ не дозволяется пребываніе въ Россіи.

Отношеніе къ народностямъ входящимъ въ составъ русскаго государства, въ проэктѣ Пестеля, представляетъ верхъ несправедливости. На томъ основаніи что Польша въ теченіе многихъ вѣковъ была большимъ самостоятельнымъ государствомъ, русскій народъ не только долженъ даровать ей самостоятельность но даже отдаетъ ей всю Гродненскую губернію, Бѣлостокскую область и часть Виленской, Минской и Волынской. Предполагается заключить съ Польшей тѣсный союзъ на время мира и войны, на основаніи котораго оно обязалась бы, въ случаѣ войны, присоединить свое войско къ русской арміи. Едва ли надо доказывать что худшаго совѣта не могъ бы дать злѣйшій врагъ Россіи и Польши. Въ это время другимъ народностямъ или странамъ, въ томъ числѣ Малороссіи и Финляндіи, на томъ основаніи что они всегда кому нибудь принадлежали, на вѣчныя времена отказывается въ самостоятельности. У одного Пестеля найдется много о чемъ поспорить и съ чѣмъ нельзя кореннымъ образомъ не разойтись [1]).

Если такъ случилось съ планами всеобщаго государственного преобразованія задуманными Александромъ, Сперанскимъ и декабристами—людьми не только большого ума и патріотизма, но и большой опытности—то что сказать о „планахъ“, при умѣ среднемъ или ниже средняго, смѣло и широко задуманныхъ въ экстазѣ ранней молодости, въ атмосферѣ практическаго незнакомства съ предметомъ и обсуждаемыхъ въ чаду демократическихъ увлеченій? (Вопросъ объ интеллигентности или неинтеллигентности дѣйствующихъ лицъ имѣетъ здѣсь лишь второстепенное значеніе).

---

[1]) *В. И. Семевскій* Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка, 77, 164, 84, 159, 160, 177, 181, 97, 169, 189, 173, 162—163.

Въ маленькихъ государствахъ древности еще могли быть нѣчто вродѣ „плановъ всеобщаго государственного преобразованія“. Но въ наше время, среди левіафановъ раздѣлившихъ земной шаръ и его населеніе, всѣ эти планы безконечно далеки отъ совершенства. Ихъ нелѣпость представляетъ что то роковое, связанное съ самой жизнью современнаго государства. Люди въ умственномъ отношеніи далеко уступавшіе Пестелю и Муравьеву писали болѣе дѣльныя конституціи только потому что держались въ предѣлахъ необходимаго, а не въ атмосферѣ плановъ всеобщаго государственнаго преобразованія.

Надо ли говорить послѣ этого о томъ значеніи, какое имѣетъ для насъ правильный взглядъ на біографію Сперанскаго и вѣрная оцѣнка его государственной дѣятельности. Въ яркихъ краскахъ этой необыкновенной жизни, наша самая обыкновенная русская дѣйствительность получаетъ самое полное бытовое освѣщеніе. Этотъ дѣятель „Александровской эпохи“— несомнѣнно одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и оригинальныхъ русскихъ людей—въ самую блестящую пору русской исторіи ошибался по самому нормальному шаблону русскихъ ошибокъ и, какъ это ни кажется парадоксальнымъ, въ этихъ заурядно—русскихъ ошибкахъ, можетъ быть и заключается исключительный интересъ жизни Сперанскаго.

И если человѣкъ съ умомъ и способностями Сперанскаго, взявшись за составленіе плановъ всеобщаго государственнаго преобразованія, надѣлалъ массу ошибокъ и всю свою многотрудную и многодѣятельную жизнь обращался въ сферѣ не дѣйствительнаго, а вооброжаемаго дѣла, тѣмъ обязательнѣй эти ошибки и эта суетливая бездѣятельность для людей не имѣющихъ ума и способностей государственнаго секретаря Александра I. Болѣе того самое важное что можно пожелать современному русскому человѣку всѣхъ

партій и общественныхъ положеній, отъ „занимающихъ посты“, до несущихъ за сохой и ремесломъ, иногда, свой невольный „постъ“,—это... спасительной умѣренности въ дѣлѣ составленія и проведенія въ жизнь плановъ всеобщаго государственнаго преобразованія.

Оптовые преобразователи всѣхъ оттѣнковъ, въ защиту своихъ плановъ генеральной ломки, ссылаются на экономію времени и народныхъ силъ, будто бы сопровождающихъ широко задуманныя реформы. Въ отвѣтъ повторимъ изреченіе одного земскаго собранія по поводу работъ одной коммиссіи, вмѣсто нѣсколькихъ частныхъ докладовъ по нѣсколькимъ насущнымъ земскимъ вопросамъ, представившей одинъ общій докладъ сразу охватывавшій не только настоящіе нужды, земства, но и значительную часть будущихъ. „Коммиссія—замѣтила собраніе—слишкомъ берегла время, а потому теперь мы тратимъ его такъ много и, на вѣрно, разъѣдемся ничего не рѣшивъ“.

Легко доказать что именно „планы всеобщаго государственнаго преобразованія“ ведутъ къ потерѣ времени и энергіи. Люди—„каждый на свой образецъ“. Плановъ всеобщаго государственнаго преобразованія „можетъ быть столько, сколько людей попавшихъ въ случай“, достаточно самонадѣянныхъ и имѣющихъ охоту ломать и перестраивать. Такимъ образомъ вся жизнь народа превращается въ переходъ отъ одного плана къ другому, нерѣдко еще болѣе сумасбродному.

Въ этой смѣнѣ „плановъ“ оптовой государственной ломки, иногда, проходитъ все время историческаго народа. Прогрессъ, по свойственному ему капризу, или вовсе отсутствуетъ или пробирается въ жизнь какими то окольными путями, а не черезъ ловушки поставленные для него преобразователемъ. Прогрессъ упорно идетъ по своему пути, а не по тѣмъ планамъ оптовыхъ реформъ, по которымъ хотятъ его тащить.

Если бы англійскіе бароны XIII вѣка, вмѣсто того чтобы потребовать у Іоанна Безземельнаго самое необходимое въ данную минуту, приступили къ нему съ „планами всеобщаго государственнаго преобразованія“, Англія еще ожидала бы конституціи и цивилизованный міръ, вѣроятно не зналъ бы теоріи представительнаго образа правленія. Если бы святые ожидали пока вселенскіе соборы составятъ сами или утвердятъ чей нибудь „планъ всеобщаго преоброзованія человѣчества“, до сихъ поръ еще не было бы христіанства.

X. ПЕРЕМѢНА ВО ВЗЛЯДАХЪ ГОСУДАРЯ НА СПЕРАНСКАГО.

Конецъ государственной карьеры Сперанскаго уже близокъ. Бѣда пришла откуда ее всего менѣе ожидали. Государь убѣдился въ негодности всѣхъ своихъ преобразованій эпохи Сперанскаго. Не убѣдиться же въ этомъ, для такого проницательнаго и подозрительнаго человѣка, какъ Александръ,—почти невозможно.

Все царствованіе Александра является эпохой всевозможныхъ безпорядковъ. Время когда онъ дѣйствовалъ черезъ Сперанскаго и находился подъ вліяніемъ предубѣжденія въ его пользу не было исключеніемъ изъ общаго правила. Объ этой эпохѣ, одинъ изъ дѣятелей его царствованія Платовъ отозвался кратко, но выразительно. „Служу сорокъ второй годъ, а такого коловратства, которое я вижу, не видывалъ и не ожидалъ“ [1]).

Интендантство почти открыто воюетъ съ дѣйствующей арміей; фельдмаршалъ графъ Каменскій самовольно оставляетъ ввѣренное ему войско; Багратіонъ въ открытой враждѣ съ Барклай-де-Толи. Графъ Буксгевденъ „по враждѣ ли съ генераломъ Бенингсеномъ, или собственно по недоразумѣнію“ не поддержалъ Бенингсена въ сраженіи при Пултускѣ и этимъ разстроилъ побѣду послѣдняго надъ войсками

---

[1]) *Записки Ермолова*, I, Приложеніе, 163.

находившимися подъ начальствомъ самого Наполеона. Тоже дѣлаетъ Сакенъ подъ Альткирхеномъ [1]). Отсутствіе дисциплины, вѣроятно, было въ духѣ времени, если Аракчеевъ писалъ Барклай-де-Толи: „генералъ съ вашими достоинствами въ наставленіяхъ главнокомандующаго нужды не имѣетъ. [2]).

Въ то время, когда одни командиры заводятъ въ своихъ частяхъ ланкастерскія школы для обученія солдатъ, у другихъ, отъ жестокихъ наказаній, солдаты дезертировали въ Пруссію. Изъ архангелогородскаго полка бѣжала цѣлая рота. Многіе кончали самоубійствомъ [3]).

Въ министерствахъ самъ Сперанскій видитъ только „пустое многодѣліе и безпорядокъ“ [4]). Правда, онъ говоритъ это о министерствахъ учрежденныхъ по манифесту 1802 года, эпохи Негласнаго Комитета, на устройство которыхъ истрачено только 19 параграфовъ бюрократической литературы. Но впослѣдствіи оказалось что и 401 параграфъ „Учрежденія Министерствъ“ 1811 года—этого заново отремонтированнаго, совсѣмъ новаго аппарата русской бюрократіи—тоже не гарантируютъ отъ лѣности и злоупотребленій. Самъ Сперанскій находитъ что его министры, по ошибкѣ, принимали иногда свое вѣдомство „за пожалованную деревню“.

И такъ „отвѣтственность министровъ“ ради которой коллегіи замѣнены министерствами и надъ которой всего болѣе работалъ Сперанскій, оказалась мифической. По мнѣнію Карамзина, не лишенному правдоподобія, именно министры, сравнительно съ коллегіями, оказались внѣ всякого контроля. „Гдѣ трудились знаменитые сановники—президентъ и нѣсколько

---

[1]) Id. I, 50, 85.

[2]) *Русскій Архивъ*, 1866, стр. 1039.

[3]) *Записки генерала Отрощенко.* (Русскій Вѣстникъ, 1877, сентябрь, 150).

[4]) *Планъ Сперанскаго*, 97.

засѣдателей—имѣя долговременный навыкъ и строгую отвѣтственность правительствующаго мѣста, тамъ увидѣли мы маловажныхъ чиновниковъ, директоровъ, экспедиторовъ, столоначальниковъ, которые подъ щитомъ министра, дѣйствуютъ безъ всякаго опасенія. Скажутъ что министръ все дѣлаетъ и за все отвѣтствуетъ. Но одно честолюбіе бываетъ неограниченно. Силы и способности человѣка смертнаго ограничены въ предѣлахъ весьма тѣсныхъ“ [1]).

Если свѣдѣнія общества о „Планѣ Сперанскаго“ ограничивались невѣрными слухами, то „отвѣтственность министровъ“ была у всѣхъ передъ глазами. Всѣ поняли что реформа ограничилась перемѣною названій. „Новые законодатели славятся наукою письмоводства болѣе, нежели наукою государственной“ грубитъ Карамзинъ по адресу Государя и Сперанскаго.

Съ полной основательностью можно бы объяснить Государю что отвѣтственность министровъ, при наличности крѣпостного права, отсутствіи представительныхъ учрежденій и мѣстнаго самоуправленія, просто, невозможна. Никакая конституція не предвидитъ положеній вродѣ Потемкина, Кутайсова, Аракчеева и самаго Сперанскаго. Исканіе политической свободы при неимѣніи свободныхъ учрежденій, представляетъ нѣчто неразрѣшимое вродѣ толченія воды или квадратуры круга. Но ни изъ чего не видно, чтобы Сперанскій хотя бы намекнулъ на это императору. Напротивъ, многимъ казалось что самъ Сперанскій усердно занимается этой „квадратурой“ и сознательно вводитъ Государя въ это политическое переливаніе изъ пустого въ порожнее.

Злоупотребленія на почвѣ крѣпостного права, иногда въ ужасающихъ размѣрахъ, продолжались все царствованіе Александра. 23 марта 1802, то есть, че-

---

[1]) *Корфъ* I, 134.

резъ годъ послѣ восшествія на престолъ, рескриптомъ на имя тульскаго губернатора, Государь приказалъ произвести слѣдствіе „по поводу роспутной, всѣмъ порокамъ отверзтой жизни“ генералъ-маіора Измайлова. Но послѣ этого, Измайловъ двѣнадцать лѣтъ былъ рязанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, въ „Двѣнадцатомъ Году“ начальствовалъ губернскимъ ополченіемъ, совершилъ походъ за-границу, наславу угощалъ двѣ губерніи и свободно подкупалъ производившихъ слѣдствіе чиновниковъ. Въ числѣ его преступленій было „воспрещеніе“ крестьянамъ посѣщать церковь и говѣть. Въ числѣ наказаній практиковавшихся въ его имѣніяхъ были желѣзныя рогатки вѣсомъ въ двадцать фунтовъ, замыкавшіяся или заклепанныя на шеѣ, носимыя отъ мѣсяца до восьми лѣтъ. Въ одномъ только имѣніи Измайлова такихъ рогатокъ было 186. Дворовые генерала не заживались долго и стариковъ между ними не было. Время Сперанскаго охватываетъ только меньшую часть этой трагедіи и само собою разумѣется его нельзя обвинять тамъ, гдѣ были козыри по-старше: Кочубей, Мордвиновъ, Воронцовъ и другіе, по какимъ то причинамъ, которыя теперь трудно не только понять, но и вообразить, тоже ничего въ защиту несчастныхъ не сдѣлавшіе. Дѣло Измайлова кончилось повелѣніемъ императора Николая 30 ноября 1830: „Измайлова выслать на жительство въ Рязань или Тулу безвыѣздно“. Все таки онъ умеръ въ 1834 году, не выѣзжая изъ своихъ имѣній [1]).

А что же Сенатъ? Въ самомъ началѣ царствованія, съ небывалою предупредительностью, Сенату предоставлено самому опредѣлить свою компетенцію [2]), а за-

---

[1]) *Славутинскій*, Генералъ Измайловъ и его дворня. (*Древняя и Новая Россія*. 1876, IX, 40; XI, 263,—279; XII, 383, 384).

[2]) *Шильдеръ*, Александръ I, т. II, 21, 23.

комъ 8 сентября 1802 года на Сенатъ возложена обязанность наблюдать не только за правосудіемъ и прекращать всѣ правонарушенія, но и, розсматривать дѣянія Министровъ по всѣмъ частямъ ихъ управленію ввѣреннымъ и по сравненіи и соображеніи ихъ... съ донесеніями прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими» (т. е., кромѣ свѣдѣній добытыхъ сенаторской ревизіей, Сенатъ имѣетъ въ виду частныя жалобы, печать, общественное мнѣніе и оффиціальныя увѣдомленія) докладывать государю [1]). Но жизнь устроила все по своему. Сколько не представляли правъ Сенату, его отношеніе къ дѣлу и положеніе дѣлъ осталось прежнее.

Наконецъ,—что сдѣлалъ Государственный Совѣтъ? Въ тронной рѣчи 1 января 1810 года, при открытіи новаго Государственнаго Совѣта передѣланнаго по проекту Сперанскаго, Государь высказалъ чрезвычайныя надежды. „Все что въ мысляхъ и желаніяхъ человѣческихъ есть самаго твердаго и непоколебимаго будетъ мною употреблено, чтобы установить порядокъ и оградить Имперію добрыми законами. Вы пріемлете священную обязанность мнѣ въ семъ содѣйствовать... И нѣкогда, въ позднихъ временахъ, когда меня уже не будетъ, истинные сыны отечества, ощутивъ пользу сего учрежденія, вспомнятъ что оно установлено при мнѣ и моимъ искреннимъ желаніемъ блага Россіи“ [2]).

Судя по слогу, тронная рѣчь—одно изъ самыхъ красивыхъ произведеній Сперанскаго. Но тогда, какъ и теперь являлся вопросъ: почему тридцать пять чиновниковъ (между ними Аракчеевъ) передъ которыми Государь высказывалъ столь преувеличенныя надежды, до сихъ поръ, каждый въ отдѣльности, не смотря на обширныя полномочія, ничего не сдѣлавшіе

---

[1]) *Полное Собраніе Законовъ*, 1802 г. №№ 20405 и 20406.

[2]) *Шильдеръ*, Александръ I, т. III, 3.

для «установленія порядка и огражденія Имперіи добрыми законами», собранные въ одной изъ залъ Зимняго Дворца, явятся источникомъ политической свободы и всеобшаго благоденствія? И. А. Крыловъ, въ «Квартетѣ» посвоему рѣшилъ это недоумѣніе.

Всему этому—одинъ конецъ. Государь, уже разъ разочарованный неудачей своей работы съ Негласнымъ Комитетомъ, въ концѣ своей работы со Сперанскимъ, долженъ если не сознаться передъ всѣми, то почувствовать и сознаться въ глубинѣ души что и на этотъ разъ, ничего изъ его реформъ не получилось. Онъ не могъ сказать и безъ сомнѣнія не говорилъ что во всемъ этомъ виноватъ Сперанскій. Но во всякомъ случаѣ, какъ онъ, такъ и каждый скажетъ что, въ результатѣ, отъ Сперанскаго не получилось и не могло получиться того что, приближая и довѣряясь ему вполнѣ, Александръ отъ него ожидалъ.

Вскорѣ послѣ открытія новаго Государственнаго Совѣта (1 января 1810 года) Александръ признается что ошибся принявъ проектъ Сперанскаго и поручаетъ де-Санглену сравнить его съ проектомъ Лагарпа [1]). Тогда же Сперанскій жалуется на невниманіе къ его докладамъ. Плохой знакъ! Этого конечно не было въ первые годы ихъ сближенія. Вспомнимъ что Чарторижскій, въ концѣ своего вліянія въ Петербургѣ тоже жалуется на недостатокъ у Александра времени для выслушиванія его докладовъ [2]).

Кочубей съ своей дипломатической повадкой, Чарторижскій съ своимъ польскимъ патріотизмомъ и придворная молодежь съ ея многостороннимъ незнаніемъ Россіи, вскорѣ по вступленіи Александра на престолъ, подъ фирмой Негласнаго Комитета, многаго не знали и во многомъ ошибались. Но большого отъ нихъ и

---

[1]) *Шильдеръ*, Александръ I, т. III, прим.56.

[2]) *Шильдеръ*, Александръ I, т. III, 35. *Mazade* 38.

требовать нельзя. Ихъ неопытность и односторонность еще ранѣе была достаточно афиширована въ глазахъ Государя, и не являлась для него неожиданностью. Но продолжающаяся неурядица при Сперанскомъ въ глазахъ Государя, получаетъ уже другой смыслъ и вызываетъ съ его стороны болѣе опасную критику. Тѣ какъ то сами отодвинулись на второй планъ. Но отъ Сперанскаго онъ слишкомъ много ожидалъ, чтобы не потребовать слишкомъ много.

Если императоръ Александръ принадлежитъ къ числу людей ничего не забывающихъ, то, никоимъ образомъ, его нельзя причислить къ персоналу, который никогда, ничему научиться не можетъ. Напротивъ, еще разъ повторяемъ, Александръ, безусловно одинъ изъ проницательнѣйшихъ людей когда либо занимавшихъ русскій тронъ. Иногда онъ какъ будто читаетъ въ душѣ современниковъ. Это не мѣшаетъ ему, однако, дѣлать неправильный выводъ изъ проходящихъ мимо него фактовъ. Онъ часто ошибается и выбираетъ ложную дорогу, но въ наблюдательности никто не можетъ ему отказывать. Въ вопросахъ житейской практики онъ находится иногда въ состояніи чуть не дѣтской невмѣняемости; какъ практическій политикъ или, проще, какъ хозяинъ своего дѣла, до самой смерти, онъ стоитъ невысоко; но обмануть его также трудно, какъ легко въ немъ обмануться.

Сознавая собственное незнаніе Россіи и политическую неразвитость окружающаго его высшаго общества, онъ неожиданно приблизилъ къ себѣ Сперанскаго; вполнѣ довѣрился ему какъ дѣловому человѣку (Насколько скептически настроенный Александръ можетъ кому-нубудь довѣриться). Вдругъ, на общемъ фонѣ государственной жизни, съ поразительной ясностью выступаетъ несомнѣнный фактъ: самое основаніе реформъ принятое въ «Планѣ Сперанскаго» не только никого не удовлетворяетъ, но крайне неудо-

влетворительно съ теоретической и практической точки. Въ хронологическомъ отношеніи, Александръ, въ Россіи, далеко не послѣдній замѣтившій этотъ вопіющій диссонансъ государственной работы въ исполненіи Сперанскаго и разумѣется Карамзинъ, въ этомъ случаѣ, не былъ первымъ.

Природный скептицизмъ скоро привелъ Государя къ тому что онъ, если не понялъ математически отчетливо, то почувствовалъ недостатки «Плана Сперанскаго». Можетъ бытъ, онъ иногда не зналъ чего именно въ немъ недостаетъ, но для него стало ясно что это не то, что надобно для свободы и счастья Россіи. Послѣ разъясненій Карамзина, пережитаго опыта и оппозиціи общественнаго мнѣнія, онъ уже другими глазами смотритъ на дѣловитость государственнаго секретаря. Для него не новость, что въ Россіи все основано на незнаніи своего дѣла и знаменитомъ «авось». Но единственный мотивъ выдвинувшій Сперанскаго заключался въ томъ, что этотъ выходецъ изъ народа, какимъ то чудомъ, знаетъ толкъ во всякомъ русскомъ дѣлѣ. Чтобы Сперанскій былъ невѣжда въ томъ, что ему поручено и за что взялся—новость для Александра. Затѣмъ, какъ всегда у людей способныхъ увлекаться, разочарованіе Александра является вдругъ, поднимается быстро и не останавливается на половинѣ дороги.

Скажутъ: годы фантазируя со Сперанскимъ на государственные темы, развѣ могъ онъ до сихъ поръ не замѣтить скудость его политической арматуры? Но если на счетъ «арматуры» слабо у Сперанскаго и почти у всѣхъ его современниковъ, то почему она должна быть сильна и безошибочна у Александра? И вообще, сколько дѣйствуетъ въ обществѣ умныхъ головъ, которые однако не обладаютъ даромъ непогрѣшимости.

Сперанскій ссылается на недостатокъ времени и

неимѣніе людей. Но это еще не даетъ ему права, хотя бы и съ полной искренностью, мишуру принять за золото и ученическій набросокъ, хотя бы и сдѣланный по мысли Государя, рекомендовать, какъ законъ обязательный для современниковъ и потомства. Государственный секретарь оправдывается тѣмъ что, въ своемъ „Планѣ“, онъ только исполнялъ мысли и повелѣнія Государя. Но это худшее изъ его оправданій. Теперь, конечно, невозможно раздѣлить: что въ „Планѣ“ принадлежитъ Сперанскому и что составляетъ только, изложенную имъ систематически, мысль Государя. Но если бы, въ дѣйствительности, было такъ, какъ оправдывался государственный секретарь, то это нисколько не освобождаетъ его отъ отвѣтственности. Всѣмъ богатствомъ своихъ талантовъ и всѣмъ влеченіемъ своей судьбы, Сперанскій призывается не для того, чтобы какъ эхо повторять теоретическія фантазіи государя (кто-бы онъ ни былъ). Напротивъ. Какъ практикъ и человѣкъ изъ народа (такъ думалъ Александръ) онъ долженъ раскрыть его глаза на то, чего государь не зналъ и знать не могъ,— дать ему свѣдѣнія, которыхъ у него не было и не могло быть. И самое напоминаніе о томъ что „Планъ“ только служитъ отраженіемъ его собственныхъ мыслей и заблужденій, было непріятно Александру и раздражало его.

Сперанскій долженъ былъ осуществить не только точнаго и искуснаго истолкователя воли государя, но и знатока извѣстной сферы дѣлъ, почти недоступной этому государю;—дать не только то что даетъ хорошій чиновникъ и спеціалистъ ученый, но и то что вноситъ въ правительственную машину государственный талантъ: индивидуальный и въ составѣ народнаго представительства. Требованіе нѣсколько странное и, въ своемъ идеалѣ, невыполнимое; но, по условіямъ тогдашней русской жизни, для реформаторовъ въ

положеніи Адександра, весьма естественное и неизбѣжное. Другой вопросъ, при данныхъ условіяхъ, могъ ли кто нибудь направить наше законодательство и ввести государственную мысль въ нормальное и спокойное русло? Вмѣсто того чтобы отвѣчать на такое требованіе, въ лицѣ Сперанскаго, получается эхо, которое... „изъ стократныхъ можетъ быть разговоровъ и разсужденій съ государемъ“... популяризируетъ его ошибки. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ преобразованій, Александръ не можетъ скрыть отъ себя что Сперанскій не былъ той путеводной звѣздой въ дѣлѣ внутренней русской политики, которую онъ давно уже напрасно ищетъ. Въ лучшемъ разѣ, вся его работа показалась Государю ихъ общей досадной ошибкой; въ худшемъ, онъ увидѣлъ здѣсь политическое шарлатанство Сперанскаго. Государь оказался въ положеніи человѣка кутящаго на послѣдній червонецъ, неожиданно оказавшійся фальшивымъ.

И такъ, престижъ Сперанскаго оконченъ. Государь пересталъ видѣть въ немъ умъ высшаго порядка посланный судьбою для того, чтобы помочь ему устроить счастіе Россіи. Государь не знаетъ кѣмъ замѣнить „Планъ Сперанскаго“ и его самого; но онъ знаетъ что если бы этотъ „Планъ“ даже до мелочей былъ составленъ по его, государя, мысли, онъ является дѣломъ въ высшей степени рискованнымъ и крайне несовершеннымъ. Александръ понялъ что если съ реформами первыхъ лѣтъ его царствованія нельзя далеко уйти, то со Сперанскимъ можно зайти очень далеко и всетаки не достигнуть цѣли.

Все это случилось приблизительно черезъ годъ послѣ открытія новаго Государственнаго Совѣта и почти за годъ до нашествія Наполеона.

Когда Государь имѣетъ благоразуміе на время остановиться со второй серіей своихъ преобразовательныхъ увлеченій, Сперанскій, подъ вліяніемъ фран-

цузскихъ идей смѣнившихъ у него первоначальную англоманію, продолжаетъ считать „Планъ“ свой особенной заслугой. Много лѣтъ позднѣе, онъ продолжаетъ думать что вся бѣда отъ того что публика, не зная „Плана“, судитъ о намѣреніяхъ правительства по отрывкамъ, порицаетъ то, о чемъ не имѣетъ точныхъ свѣдѣній и „не видя конца перемѣнамъ, страшится вредныхъ уновленій“ [1]). Если русскій человѣкъ вообще падокъ на „планы всеобщаго государственнаго преобразованія“, то ошибка Сперанскаго въ томъ что, въ вопросѣ о реформахъ, онъ не только не умѣлъ стать выше нашего общаго недостатка, но одинъ изъ плановъ генеральной ломки, при томъ далеко не лучшій, считалъ своей особенной заслугой передъ государемъ и страной.

Въ то время, когда императоръ, въ душѣ, навсегда покидаетъ „Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія“ сочиненный обоими но редактированный Сперанскимъ и внутренне расходится съ своимъ государственнымъ секретаремъ, Сперанскій останавливается на этомъ „Планѣ“ какъ на чемъ то совершенномъ и окончательномъ. Онъ пишетъ въ докладной запискѣ Государю: „если Богъ благословитъ сіи начинанія, то къ 1811 году, къ концу десятилѣтія настоящаго царствованія, Россія воспріиметъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится“ [2])... въ то время, когда Государь колеблется, а можетъ быть уже рѣшилъ сдать въ архивъ этотъ „Планъ“ и, вмѣстѣ съ нимъ до извѣстной степени его автора.

Въ заключеніе отмѣтимъ особенность тоновъ (если позволительно, въ настоящемъ случаѣ, примѣнить терминъ живописной техники) въ біографіи Сперанскаго. Мы уже сказали что эта біографія, въ извѣст-

---

[1]) *Корфъ*, I, 143.

[2]) id. 112.

ной степени, является простой типичной, русской біографіей, во множествѣ повтореній встрѣчающейся до сихъ поръ. Этихъ біографій, на сколько они связаны съ планами всеобщаго государственнаго преобразованія, до сихъ поръ, „сколько угодно“, въ стѣнахъ любого изъ нашихъ учебныхъ заведеній. Но біографія Сперанскаго получаетъ глубокій трагическій интересъ съ того момента, когда оказалось что, по причинамъ высшей силы, непредвидѣннымъ для обѣихъ сторонъ и неподдающихся человѣческому разсчету „Планомъ“ согрѣшили оба— Государь и Сперанскій—а тяжбу съ общественнымъ мнѣніемъ изъ за этого „Плана“ пришлось вести одному Сперанскому [1]).

---

[1]) «Мнѣ одному противъ восьми сильныхъ (министровъ) надлежало ввести сію тяжбу»—Сперанскій въ письмѣ къ Государю изъ Перми.

XI. УДАЛЕНІЕ СПЕРАНСКАГО.

Александръ I не только императоръ, но свѣтскій человѣкъ въ самомъ утонченномъ смыслѣ этого слова. Любезность—его вторая натура. Чарторижскій замѣчаетъ что съ каждымъ онъ старается говорить о томъ что тому нравится [1]). Каждому онъ скажетъ что нибудь пріятное. „Cést notre metier de monarques d'entendre les plaintes“ говоритъ онъ о публикѣ, которую хотятъ удалить во время его визита въ Пулавы. [2]) Его обращеніе съ польскими дамами,—верхъ совершенства въ этомъ родѣ. Обаяніе его пріемовъ испытываютъ всѣ окружающіе. Въ отношеніи свѣтской обходительности онъ—полный контрастъ Наполеону и, безъ преувеличенія, однимъ изъ средствъ въ борьбѣ съ Наполеономъ была обворожительная свѣткость русскаго императора.

Самыя назначенія на должности, благодаря этой чертѣ въ характерѣ Александра, получаютъ иногда особый отпечатокъ. Оберъ-прокуроръ Синода Яковлевъ, былъ удаленъ потому что—прямой и строгій—не умѣлъ мирить съ членами Синода. Когда Яковлевъ, пожалованный въ камергеры, явился во дворецъ благодарить, Государь улыбаясь, говоритъ ему „потише, потише“!... [3])

---

[1]) *Mazade*, Alexandre I, et le prince Czartor. 81.

[2]) *Шильдеръ*, Александръ I, т. III, 266.

[3]) *М. П.* „Изъ прошлаго“ (Русскій Вѣстникъ, 1868, мартъ, 469, 471).

Заглядывая въ будущее, Чарторижскій старается не очень далеко зайти въ своей „дружбѣ“ съ Александромъ; но анализируя настоящее, Александръ хочетъ, русской любезностью, заблаговременно парализировать его польскій патріотизмъ. Отсюда назначеніе Чарторижскаго товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Въ этой любезности почти ощущается задняя мысль связать „друга“ въ его стремленіи „do liasu“. Что это: дипломатическая хитрость или результатъ основательнаго пониманія людей?

Въ томъ же родѣ назначеніе князя Александра Николаевича Голицына оберъ—прокуроромъ Синода на мѣсто Яковлева. „Вашему Величеству не безызвѣстенъ образъ моихъ мыслей о религіи—возражаетъ Голицынъ. Служа въ Синодѣ я буду прямо стоять на перекоръ совѣсти и вопреки моихъ убѣжденій „Но угадалъ ли Государь въ Голицынѣ будущаго мистика или держался того взгляда что нѣкоторое вольнодумство не мѣшаетъ оберъ-прокурору правильно смотрѣть на вещи,—назначеніе состоялось. „Хочу чтобы преданный мнѣ и мой, такъ сказать, человѣкъ, занималъ эту важную должность“, сказалъ Государь [1]).

Все это походило бы на мистификацію, если бы не было вполнѣ достовѣрно и если бы разсчеты Александра не оправдались. Правда, Чарторижскій все таки оставилъ Россію для Наполеона... Но не такъ скоро какъ онъ оставилъ бы ее не будучи связанъ своей должностью. А изъ князя Голицына вышелъ очень дѣльный, совершенно въ духѣ Александра, оберъ-прокуроръ Синода;—безконечно любезный съ его членами и весьма способный „водворить духъ монарха“ [2]) въ этомъ нѣсколько своенравномъ учреж-

---

[1]) *Благовидовъ*, Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода, 348.

[2]) Id. 351.

деніи. При Голицынѣ нѣтъ надобности напоминать оберъ-прокурору „потише, потише!“

И такъ, при всей обаятельности обращенія, Александръ всегда замаскированъ и не легко дешифрировать его свѣтскіе пріемы. Многіе до сихъ поръ этого ему не прощаютъ. Но какъ ни смотрѣть на эту черту; откуда ни выводить ея происхожденіе, съ ней надо считаться при оцѣнкѣ его исторической роли.

Очевидно, готовилось удаленіе Сперанскаго. Но чтобы знать какъ это сдѣлаютъ, надо принять во вниманіе только что замѣченное въ характерѣ Государя. Очевидно, Сперанскаго удалятъ такъ, чтобы никого не оскорбить. Пожалуй, кромѣ немногихъ и самого Сперанскаго, никто этой перемѣны не замѣтитъ. Онъ получилъ бы мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ или другомъ высшемъ учрежденіи и продолжалъ бы „создавать“ и критиковать въ бюрократически либеральномъ жанрѣ. Ему на смѣну, около Алексанира, явилось бы другое лицо—можетъ быть Паротъ, Мордвиновъ или Каразинъ — которое опять „изъ стократныхъ можетъ быть разговоровъ и разсужденій“ съ Александромъ, станетъ выводить новый (по счету третій за царствованіе Александра) планъ всеобщаго государственнаго преобразованія. Но ходъ міровыхъ событій, далеко не бывшій неожиданнымъ, далъ дѣлу Сперанскаго совершенно неожиданное направленіе.

Наполеонъ ясно понималъ свое положеніе. „Un particulier devenu souverain ne peut plus s'arreter. Il doit monter sans cesse; il est perdu s'il reste stationaire“ [1]) Да и вообще, еще не было завоевателя, который добровольно остановился бы на половинѣ дороги. Если Англія была для него, въ извѣстной степени, неуязвима, оставалось броситься на Россію. Многіе давно это предвидѣли.

---

[1]) *Шильдеръ*, Алекс. I, т. III, прим. 36.

Едва Наполеонъ сталъ угрожать Россіи, проснулось народное самолюбіе и инстинктъ самосохраненія. Встревоженная народная мысль начала работать самостоятельно и посвоему освѣщать вопросъ. Стали искать виноватаго. Государь вообще былъ очень популяренъ и стоялъ слишкомъ высоко. Остановились на Сперанскомъ. Его нелюбили какъ человѣка, которому необыкновенно повезло и котораго, при этомъ никто не боялся. Ошибки были очевидны и нельзя сказать, чтобы они были маловажны. Всѣ ошибки „Плана преобразованій“ и русской политики поставили теперь на счетъ Сперанскаго. Никто не зналъ что—строго говоря—вся его вина заключалась только въ слишкомъ большомъ совпаденіи его редакціи съ мыслями Государя.

Рождался вопросъ: спроста-ли эти ошибки и не сдѣлано ли все нарочно, чтобы разстроить и дискредитировать Россію? Общественное мнѣніе имѣвшее полное основаніе видѣть въ Сперанскомъ проводника французскихъ идей въ ихъ наполеоновскомъ изданіи рѣшило: „сдѣлано нарочно“. Сперанскаго заподозрѣли въ томъ, что онъ умышленно ввелъ Государя въ заблужденіе и своими финансовыми реформами старался заблаговременно разорить государство. Остается прибавить, что внѣшность часто была противъ Сперанскаго. Напримѣръ, зная настроеніе эпохи и тогдашнія барскія привычки, только съ ехидной цѣлью „подвести правительство“ и облегчить дорогу Наполеону можно было предложить налогъ на прислугу и сборъ съ оконъ [1]). Не всякому было дано такъ хорошо знать Сперанскаго, чтобы то и другое приписать или его простой ошибкѣ и невозможности основательно обсудить вопросъ, или, просто, желанію Государя, которому онъ не могъ или не умѣлъ противурѣчить.

---

[1]) *Планъ финансовъ Сперанскаго* § 127.

Здѣсь мы должны ввести въ разсказъ новый элементъ, быть можетъ самый неожиданный въ духовномъ обликѣ человѣка сдѣлавшаго одну изъ самыхъ блестящихъ карьеръ на государственной службѣ и, по его собственнымъ словамъ, умѣвшаго угодить четыремъ генералъ—прокурорамъ „различнымъ въ характерѣ, нравахъ и способностяхъ“ [1])—безтактность Сперанскаго.

Въ то время когда, съ нашествіемъ Наполеона, русскіе аристократы, отъ колыбели воспитанные на французскомъ языкѣ, забросили, на время, все французское, бывшій семинаристъ и келейникъ архіерея продолжаетъ восторгаться французскими порядками;— когда, въ нравственномъ обликѣ Россіи, съ первымъ извѣстіемъ о походѣ Наполеона, все перемѣнилось, Сперанскій остается на точкѣ эрфутскихъ увлеченій. Мало того, всѣмъ обязанный Государю, Сперанскій позволяетъ себѣ забыться передъ нимъ. Въ разговорахъ—читаемъ у Шильдера, очевидно пользующагося спеціальными источниками—Сперанскій имѣлъ неосторожность унижать и характеръ, и умъ, и заслуги Александра; онъ выставлялъ его человѣкомъ ограниченнымъ, равнодушнымъ къ пользамъ отечества, беззаботнымъ, красовавшимся своей фигурой, свиставшимъ у окна, когда ему докладывали дѣла. Сперанскій не пренебрегалъ также шутками и насмѣшками заимствованными между прочимъ изъ сказокъ Вольтера. Доходили до Государя, напримѣръ и такія разговоры Сперанскаго. „Пора намъ сдѣлаться русскими“ сказалъ однажды Сперанскій. Его собесѣдникъ: „что же, не тебя ли уже въ цари русскіе?“ Сперанскій же, какъ будто въ шутку, возразилъ: „а хотя бы и меня; не меня одного и васъ; мало ли людей русскихъ, кромѣ нѣмцевъ“. Этимъ онъ намекалъ, какъ говорится въ

---

[1]) *Корфъ*, I, 63.

доносѣ, на республиканское правленіе [1]). Было также перехвачено письмо, въ которомъ Сперанскій, увѣдомляя своего пріятеля объ отъѣздѣ Государя съ цѣлью осмотра возводимыхъ укрѣпленій на западной границѣ, употребилъ выраженіе (вмѣсто, нашъ Вобанъ) „нашъ Вобланъ“ (veau blanc). Наконецъ, самъ министръ полиціи генералъ-адъютантъ Балашовъ доносилъ о разговорѣ со Сперанскимъ по поводу расширенія круга дѣйствій своего министерства. „Вы знаете подозрительный характеръ Государя. Tout ce qn'il fait il le fait a demi. Il est trop faible pour regir et trop fort pour etre regi“ [2]).

Шильдеръ квалифицируетъ все это словомъ „предательство“ [3]). Но, отъ неумѣстныхъ шутокъ и разговоровъ еще далеко до того, чтобы „предать“ кого нибудь, а своего покровителя въ особенности. Но трудно не усмотрѣть въ этомъ поступкѣ Сперанскаго легкомысліе достаточно пошлое и очень дурного тона. Императоръ, называя поведеніе Сперанскаго „гнусной неблагодарностью“ (l'ingratitude la plus abominable“) [4]) стоитъ едва ли не ближе къ истинѣ.

Слѣдуетъ упомянуть еще одинъ поступокъ Сперанскаго, нехорошій самъ по себѣ и въ данной обстановкѣ, многимъ казавшійся въ высшей степени подозрительнымъ. Говоримъ о перлюстраціи.

Если чтеніе чужихъ писемъ иногда входитъ въ обязанность правительственныхъ лицъ, то правительственное лицо не обязанное къ этому службой, по

---

[1]) *Шильдеръ*, Алекс. I, т. III, прим. 58. Военно учебный архивъ, Отд. I, № 660. «Дѣло о сдѣланномъ княземъ Андреемъ Борисовичемъ Голицынымъ доносѣ по поводу заговора иллюминатовъ и связи съ нимъ Сперанскаго, 1830—31 годовъ.

[2]) Источникъ откуда взяты послѣднія свѣдѣнія у Шильдера не указанъ.

[3]) *Шильдеръ*, Алекс. I, т. III, 35, 48.

[4]) id, 35

нравственнымъ причинамъ, должно само устраниться отъ этого чтенія. О перлюстраціи Сперанскій могъ сказать впослѣдствіи: „тутъ могло быть легкомысліе, но никто, никогда не въ силахъ превратить его въ государственное преступленіе“ [1]) Но также никто не станетъ отрицать, что произвольная перлюстрація, хоть бы одной только дипломатической переписки, имѣетъ характеръ подслушиванія изъ любопытства. А тѣ, кто и безъ самовольной перлюстраціи видѣли въ Сперанскомъ государственнаго преступника, весьма естественно объяснили ее въ направленіи соотвѣтствующемъ мнимой измѣнѣ Сперанскаго. „Передаетъ свѣдѣнія посланнику Наполеона“.

Окруженный невидимой опасностью, Сперанской дѣлаетъ новую ошибку. Въ то время, когда съ походомъ Наполеона на Россію, можно думать только о сосредоточеніи власти, онъ предлагаетъ созвать Боярскую Думу![2]) (Ничего не прибавивъ къ военному могуществу Россіи, эта Дума безъ сомнѣнія, на первый планъ поставила бы увольненіе самого Сперанскаго).

И вотъ теперь, когда Императоръ понялъ крайнюю легковѣстность реформъ проэктированныхъ имъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ, когда онъ, не безъ удивленія замѣтилъ, что этотъ представитель массы, на котораго онъ такъ надѣялся и которому столько довѣрялъ, направилъ его къ реформѣ еще болѣе несовершенной чѣмъ вышедшая изъ рукъ диллетантовъ первыхъ лѣтъ его царствованія, ему говорятъ и доказываютъ что эти ошибки, не безъ умысла „Все это для того, чтобы въ глазахъ народа дискредитировать власть и расчистить дорогу Наполеону“.

А говорили это громко. „Всѣ были болѣе или менѣе увѣрены тогда въ измѣнѣ Сперанскаго госу-

---

[1]) *Корфъ*, II, 55, 63

[2]) *Шильдеръ*, Алекс. I т. III, 38, 39, прим. 69, 70.

дарю и отечеству“ сообщаетъ князь Грузинскій, современникъ далеко не изъ враждебнаго Сперанскому лагеря. „Разсказывали даже за вѣрное, какъ онъ передавалъ посланнику Наполеона Коленкуру тайны нашихъ распоряженій къ предстоящей войнѣ“ [1]). „Его ссылку—пишетъ Вигель, торжествовали какъ первую побѣду надъ французами. Многіе приходили меня съ этимъ поздравлять и, впрочемъ, я принималъ поздравленія [2])

На сценѣ, опять выступаетъ черта высшаго свѣтскаго воспитанія. Его представители (или жертвы) никому не сдѣлаютъ непріятности болѣе, чѣмъ это строго необходимо; пройдутъ никого не толкнувъ и даже жизнь отнимутъ съ извѣстной пріятностью. Зная о безтактности Сперанскаго, сомнѣваясь въ его дѣловитности; подозрѣвая его искренность, отчасти повѣривъ въ его измѣну; принимая на него доносы и уже безповоротно рѣшивъ его удаленіе, Государь, до послѣдней минуты, оказываетъ ему внѣшніе знаки своего расположенія. 1 января 1812 Сперанскій награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго! Забывъ, что „Планъ“ сочинялп оба и что—каковъ бы ни былъ Сперанскій—обязанность его партнера сказать, что участіе Сперанскаго въ реформахъ гораздо маловажнѣй, чемъ обыкновенно полагаютъ; забывъ что неизмѣримая высота, на которой стоятъ государи, обязываетъ ихъ къ самому возвышенному образу мыслей и поступковъ, Александръ, противъ своего же подданнаго, ведетъ какую то скрытую игру. Это даетъ впослѣдствіи Сперанскому—кругомъ виноватому во многихъ отношеніяхъ—право сказать въ письмѣ изъ Перми: „.... а душа всего тѣла (то есть доносовъ) былъ

---

[1]) *Корфъ*, II, 59.
[2]) id. 29.

тотъ самый, который казался и теперь кажется постороннимъ“ [1]).

И такъ, когда Сперанскій, не смотря на весь свой умъ, забывъ кому всѣмъ обязанъ, съ наивностью допотопнаго бурсака и съ юношескимъ легкомыслiемъ позволилъ себѣ некоректно отнестись къ своему покровителю, въ свою очередь Александръ некорректенъ по отношенiю къ своему опальному подданному. Несомнѣнно оба—Государь и Сперанскій—на минуту, не-джентльмены.

Однако, если нельзя, въ этомъ случаѣ, оправдать Государя, то надо войти въ его положенiе. Имѣя противникомъ Наполеона, видя что вышло изъ Сперанскаго и зная русскую исторiю XVIII вѣка, Александру легко могло показаться что, въ данную минуту, островъ св. Елены ближе росположенъ къ русскому императору, чѣмъ къ Наполеону.

Въ дальнѣйшихъ отношенiяхъ къ Сперанскому, Шильдеръ видитъ месть и мистификацiи со стороны Александра [2]). Но было не до мистификацiи тамъ, гдѣ, вмѣстѣ съ остальной Россiей, заговорило чувство самосохраненiя. Онъ готовъ разстрѣлять Сперанскаго. И, кто знаетъ! если бы въ эту минуту при немъ находился не Паротъ, а, напримѣръ, Ростопчинъ, роковая мысль немедленно была бы приведена въ исполненiе

Письмо Парота. Государю является единственная свидѣтелямъ вулканическаго движенiя въ душѣ Александра. Оно цитировалось много разъ и всѣмъ извѣстно. Тѣмъ не менѣе, даже въ нашемъ неполномъ очеркѣ, приводимъ его какъ одинъ изъ документовъ наиболѣе освѣщающихъ, наиболѣе критическое положенiе въ жизни Александра и Сперанскаго.

---

[1]) *Изданъ Госуд. Преобр.* 353.

[2]) *Шильдеръ*, Александръ I, т. III, 50.

„....Въ минуту, когда Вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь Вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго, я видѣлъ Васъ въ первомъ пылу страсти и надѣюсь что теперь Вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его“—обращается Паротъ къ Государю за нѣсколько часовъ до высылки Сперанскаго „Не могу скрыть что слышанное мною отъ Васъ набрасываетъ на него большую тѣнь. [1]) Но въ томъ ли Вы расположеніи духа, чтобы взвѣсить справедливость этихъ обвиненій, а если бы и были въ силахъ нѣсколько успокоиться, то Вамъ ли его судить? Всякая же коммиссія, наскоро для того поряженная, могла бы состоять только изъ его враговъ. Не забудьте что Сперанскаго ненавидятъ за то что Вы слишкомъ его возвысили.... Но если бы и предполагать что онъ точно виноватъ, чего я еще вовсе не считаю доказаннымъ, то все же опредѣлить его вину и наказаніе долженъ законный судъ, а у Васъ въ настоящую минуту, нѣтъ ни времени, ни спокойствія духа, нужныхъ для назначенія такого суда. По моему мнѣнію, совершенно достаточно удалить его изъ Петербурга и надсматривать надъ нимъ такъ, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ средствъ сноситься съ непріятелемъ. Послѣ войны всегда еще будетъ время выбрать изъ всего что около Васъ окажется правдивѣйшаго. Мои сомнѣнія въ дѣйствительной виновности Сперанскаго подкрѣпляются между прочимъ и тѣмъ что въ числѣ второстепенныхъ доносчиковъ на него находится отъявленный негодяй уже однажды продавшій другого своего благодѣтеля. Докажите умѣренностью Вашихъ распоряженій въ этомъ дѣлѣ, что Вы не поддаетесь тѣмъ крайностямъ, которыя стараются

---

[1]) Если такой человѣкъ какъ Паротъ сразу не становвтся на сторону Сперанскаго,—значитъ была минута когда, въ нѣкоторой степени, онъ также допускалъ возможность измѣны.

Вамъ внушить. Отъ находящихъ свой интересъ слѣдить за Вашимъ характеромъ не укрылась, я это знаю, свойственная Вамъ черта подозрительности и ею то хотятъ на Васъ дѣйствовать. На нее же вѣроятно разсчитываютъ и непріятели Сперанскаго, которые не перестанутъ пользоваться открытою ими слабою стороной Вашего характера... [1]).

Графъ Корфъ доказываетъ что Сперанскій спасенъ независимо отъ этого письма. Но, безъ этого письма мы даже приблизительно не знали о томъ какъ велика была опасность для совѣсти и славы Александра и жизни Сперанскаго.

---

[1]) *Корфъ*, II, 13.

XII. 17 МАРТА 1812 ГОДА.

Александръ и Сперанскій избѣгали впослѣдствіи розговоровъ о томъ, какъ они разстались, около 10 часовъ вечера, 17 марта 1812 года. Государь выражался уклончиво. „Сила тогдашнихъ обстоятельствъ, которой я не могъ противустоять заставила меня съ нимъ разстаться". Какъ бы для того, чтобы еще болѣе запутать вопросъ о причинахъ, Государь прибавилъ: „никогда я не вѣрилъ въ возведенную на него измѣну и вина его только въ томъ что онъ не имѣлъ ко мнѣ полной довѣренности [1])" Сперанскій, въ разговорахъ со всѣми, обходилъ этотъ вопросъ и однажды, за настойчивость дочери, отъ которой у него не было секретовъ, даже разсердился. „Про то долженъ вѣдать и быть въ томъ судьей одинъ Богъ [2]). Только разъ, въ разговорѣ съ императоромъ Николаемъ—надо полагать—онъ былъ слишкомъ откровененъ и высказался вполнѣ. Объ этомъ позволяетъ догадываться фраза нечаянно брошенная Николаемъ Павловичемъ, уже послѣ смерти Сперанскаго. „Одинъ только упрекъ, который я могу ему сдѣлать,—это его чувства къ покойному брату; но и тутъ конечно...." Государь не договорилъ: что же „конечно"? [3]) Можно думать что сцена, которой оба—Александръ и

---

[1]) *Корфъ*, II, 26.

[2]) ід. 16

[3]) ід. 308.

Сперанскій старались не касаться, скрываетъ нѣчто разъясняющее ихъ отношенія. Постараемся, насколько возможно, реставрировать эти знаменательные два часа, вечеромъ 17 марта.

Утромъ, Государь получилъ письмо Парота. Сперанскій въ этотъ день обѣдалъ у знакомыхъ. Сюда пріѣхалъ фельдъегерь съ приказаніемъ въ 8 часовъ явиться къ Государю. Такъ какъ подобныя приглашенія и прежде случались очень часто, то, на этотъ разъ, никто не нашелъ въ приглашеніи ничего подозрительнаго или необыкновеннаго. Сперанскій заѣхалъ домой за бумагами и, въ назначенное время, явился во дворецъ.

Въ пріемной уже многіе ожидали, но Сперанскаго позвали первымъ. Государь самъ объявилъ Сперанскому что противъ него заявлены три обвиненія:

1. Финансовыми дѣлами онъ старается разстроить Государство;

2. Привести налогами въ ненависть правительство;

3. Позволяетъ себѣ дурные отзывы о правительствѣ.

Такъ какъ въ послѣдующемъ письмѣ изъ Перми, анализируя все заявленное 17 марта Государемъ, Сперанскій ни слова не говоритъ объ обвиненіи въ измѣнѣ, надо заключить что вопроса объ измѣнѣ не было, но самые эти три пункта обвиненія, если называть вещи ихъ именами, стоятъ измѣны. Во всякомъ случаѣ, тонъ въ которомъ обвиненія предъявляются Сперанскому показываетъ что Гоеударь въ измѣну уже не вѣритъ. (Что впрочемъ не мѣшаетъ ему, впослѣдствіи, иногда, на нѣкоторое время. возвращаться къ своимъ старымъ сомнѣніямъ).

Очевидно также что разговоръ, очень тяжелый для обоихъ, всѣ два часа касался только слабыхъ сторонъ „Плана всеобщаго государственнаго преобразо-

ванія“ (въ особенности предполагаемыхъ финансовыхъ реформъ) и безтактныхъ отзывовъ Сперанскаго о правительствѣ. Этой темой несомнѣнно, исчерпывается послѣднее свиданіе передъ высылкой Сперанскаго изъ Петербурга. Слѣдовательно, причины увольненія Сперанскаго, какъ они опредѣлялись вечеромъ 17 марта,—исключительно дѣлового характера. Зная самолюбіе и скрытность Александра, не думаемъ, чтобы вечеромъ 17 марта рѣчь сколько нибудь коснулась отзывовъ Сперанскаго о самомъ Государѣ.

Изъ кабинета Государя Сперанскій вышелъ чрезвычайно взволнованнымъ. Подойдя къ столу, чтобы уложить въ портфель свои бумаги, вѣроятно съ намѣреніемъ скрыть волненіе, онь обернулся спиной къ ожидавшему здѣсь съ докладомъ министру князю Голицыну. Дверь изъ кабинета отворилась. Александръ показался на порогѣ видимо растроганный „Еще разъ прощайте Михайло Михайловичъ“, сказалъ онъ и скрылся. Продолжая укладывать бумаги Сперанскій былъ до того разстроенъ что упалъ на стулъ и бывшій въ этотъ день дежурнымъ графъ Голенищевъ-Кутузовъ, одинъ изъ дожидавшихся въ пріемной, побѣжалъ за водой. Замкнувъ портфель, Сперанскій скорыми шагами вышелъ и уже изъ другой комнаты, какъ бы опомнясь, отворилъ опять до половины дверь и протяжно съ особеннымъ удареніемъ, выговорилъ: „прощайте, ваше сіятельство!“ Государь выслалъ сказать Голицыну что не можетъ его принять и проситъ пріѣхать завтра, послѣ засѣданія Государственнаго Совѣта. [1])

О томъ какъ относился придворно-бюрократическій кружокъ къ Сперанскому въ эпоху его величія даетъ понятіе слѣдующее мѣсто записокъ Дмитріева: „всякій разъ, когда Сперанскій входилъ отъ

---

1) *Корфъ*, I, 15—17.

Государя въ залу общаго собранія совѣта нѣкоторые члены обступали его съ шептаніемъ, отбивая одинъ отъ другого, между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ въ безмолвіи обращались къ нему, какъ подсолнечники къ солнцу и домогались ласковаго его воззрѣнія“ Послѣ 17 марта декораціи, конечно, перемѣнились и Александръ, говоря о людяхъ, которые еще вчера ухаживали за Сперанскимъ, отозвался съ рѣдкой для него несдержанностью: „.....мерзавцы.... о подлецы! Вотъ кто окружаетъ насъ несчастныхъ государей! [1])

И такъ, насколько выясняется изъ послѣдняго передъ высылкой изъ Петербурга свиданія съ Государемъ, отставка была совершенной неожиданностью для Сперанскаго. Это не особенно рекомендуетъ его дипломатическую проницательность. Невольно является мысль: „читалъ чужія письма, а того что кругомъ ему угрожало не замѣтилъ и не предвидѣлъ“.

Въ измѣну Сперанскаго Государь не вѣритъ, но также не вѣритъ и въ его геній. А если это не гений, который на своихъ плечахъ отовсюду вынесетъ Россію, то что ему остается дѣлать въ той исключительной роли, которую занималъ до сихъ поръ?

Безтактность Сперанскаго вообще и нѣкоторое легкомысліе въ его государственныхъ работахъ, въ положеніи созданномъ нашествіемъ Наполеона, дѣлаютъ Сперанскаго „невозможнымъ“ для Государя; впослѣдствіи же, разочарованіе въ самомъ существѣ работъ Сперанскаго, мѣшаетъ Государю возвратить ему прежнее мѣсто. Государь, просто, уже не довѣряетъ Сперанскому, какъ практическому дѣятелю вообще и государственному человѣку соотвѣтствующему данной минутѣ,—въ особенности.

Если освободить „удаленіе Сперанскаго“, насколько оно касается Государя, отъ случайныхъ аксесуаровъ

---

[1]) id. I, 130.

болѣе или менѣе личнаго свойства, — оно является выраженіемъ недовѣрія главы государства министру (иногда, не столько высказаннымъ сколько почувствованнымъ) послѣ котораго министръ обязательно выходитъ въ отставку. Совершенно исключительное стеченіе обстоятельствъ дало этому простому акту почти трагическій характеръ и сдѣлало его, до извѣстной степени, личнымъ вопросомъ Александра Перваго.

Что касается высылки Сперанскаго въ Нижній Новгородъ,—то видно по всему,—это простая уступка общественному мнѣнію, — не болѣе. Можно съ различныхъ точекъ смотрѣть на эту уступку. Но, пока Россія не была конституціоннымъ государствомъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія признается что акты этого рода совершаются легально и вообще не исключаются изъ ея ежедневнаго обихода. Иначе говоря: бываютъ положенія когда нѣкоторый цинизмъ является почти обязательнымъ. Принимая во вниманіе завѣдомое сочувствіе Сперанскому въ канцеляріяхъ всѣхъ министерствъ [1]), въ положеніи Александра, въ эпоху нашествія Наполеона, трудно не сдѣлать эту уступку общественному мнѣнію.

---

[1]) *Корфъ*, I, 102.

XIII. ПЕРВЫЕ ПОЛГОДА ССЫЛКИ.

Было уже поздно, когда Сперанскій пріѣхалъ домой. Теща и дочь спали. Его ожидалъ министръ полиціи Балашовъ, а подъ крыльцомъ стояла почтовая кибитка. Странно что семья Сперанскаго почивала не подозрѣвая присутствія полиціи въ ихъ домѣ. Такъ умѣло, въ полицейскомъ смыслѣ, была обставлена высылка Сперанскаго. Онъ уѣхалъ не простясь, оставивъ только записку, чтобы, по минованіи зимы, собирались къ нему въ Нижній Новгородъ. Частный приставъ Шипулинскій, безъ всякой препроводительной бумаги, съ однимъ только словеснымъ приказаніемъ нижегородскому губернатору, въ ночь съ 17 на 18 марта, увезъ государственнаго секретаря. (Сперанскій никогда не былъ увольненъ отъ службы). Въ Нижній Новгородъ они примчались 23 марта въ 8 часовъ утра. Эстафета съ предписаніемъ о Сперанскомъ пришла только 26 марта [1]).

Такъ случилось, что частный приставъ объявилъ высочайшее повелѣніе касающееся одного изъ высшихъ чиновъ въ государствѣ и лишилъ свободы этого сановника. Недурно для того кружка, который съ 1801 года, поставилъ себѣ цѣлью „de mettre un freln au despotisme de notre gouvernement“ и, вообще, хлопочетъ о томъ, чтобы на незыблемомъ и ровномъ для всѣхъ законѣ утвердить благосостояніе Имперіи.

---

[1]) *Корфъ*, II, 47—48, 41.

Нѣсколько дней Государь былъ очень скученъ и жаловался на то, что у него „отняли Сперанскаго“ [1]). На него, очевидно, напало одно изъ тѣхъ раскаяній, которыми у людей нерѣшительныхъ, сопровождается всякій рѣшительный шагъ.

Вопреки предположеніямъ Сперанскаго, его семьѣ пришлось выѣхать изъ Петербурга, не по окончаніи зимы, а немедленно. Государь хочетъ, на сколько можно облегчить участь опальнаго. 18 марта, то есть въ день высылки, министръ полиціи Балашовъ предложилъ семьѣ Сперанскаго (дочь и теща) пособіе на выѣздъ и придворную карету. Отъ перваго они отказались, а въ придворной каретѣ, 23 марта, то есть въ день когда Шипульскій привезъ Сперанскаго въ Нижній Новгородъ, его семья выѣхала къ нему изъ Петербурга.

Между тѣмъ уже распространились слухи о ссылкѣ Сперанскаго. На каждой почти станціи его семью встрѣчали жестокой бранью. Теща Сперанскаго, съ замѣчательной для женщины непроницательностью, въ томъ предположеніи что не можетъ быть такого народнаго ожесточенія безъ достаточной для того причины, въ свою очередь, расточала упреки по его адресу [2]).

„Трепеща отъ нетерпѣнія и душевнаго волненія—разсказываетъ дочь Сперанскаго—я не могла дождаться нашего пріѣзда и когда минута свиданія наступила, то бросилась въ комнату какъ безумная и повисла на шеѣ у батюшки думая найти и его въ горькомъ отчаяніи. И что же? Онъ былъ точно также спокоенъ веселъ, свѣтелъ, какъ наканунѣ нашей разлуки въ Петербургѣ, когда никто изъ насъ и не подозрѣвалъ готовившагося несчастья. По его виду казалось что

---

[1]) id. 24.

[2]) id, id, 51.

это заточеніе — только прогулка, простая перемѣна жительства по собственной волѣ. Съ обыкновеннымъ обаяніемъ его ума и прекрасной души, изгнанникъ, уже успѣлъ въ такое короткое время совершенно привлечь и покорить себѣ хозяевъ, того дома, въ которомъ жилъ“ [1]).

Мѣстные жители, сначала отнеслись къ Сперанскому съ большою предупредительностью. Нѣсколько старыхъ знакомыхъ, поддерживали прежнюю дружбу. Въ матеріальныхъ средствахъ онъ не нуждается и даже намѣренъ купить въ Нижнемъ-Новгородѣ домъ. Начаты переговоры объ этой покупкѣ.

Еще не утративъ вѣры въ свой „Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія“ сознавая свою безусловную невиновность въ главномъ возведенномъ на него обвиненіи Сперанскій, повидимому ждетъ что сердце Государя само снова къ нему обратится и онъ будетъ призванъ если не на прежній постъ, то къ его лицу. Это казалось естественнымъ не одному Сперанскому.

Вообще самообладаніе скоро возвратилось къ Сперанскому. Мы видимъ человѣка въ цвѣтѣ силъ, не смотря на опалу спокойного за свою будущность, который даже и не думаетъ оправдываться въ какой то измѣнѣ [2]). До такой степени она является вздоромъ и нелѣпостью.

Но тутъ встрѣтились два обстоятельства совершенно измѣнившія положеніе дѣлъ. Во первыхъ, по мѣрѣ того, какъ подвигались войска Наполеона, бѣглецы, со всѣхъ мѣстъ удаляясь на востокъ, между прочимъ наводнили и Нижній Новгородъ. Они распространили господствовавшія въ глуши сплетни, слухи, и чувства крайне неблагопріятныя для Сперанскаго. Какъ далеко

---

[1]) Id.
[2]) id, II, 62.

заходило это теченіе видно изъ того что крестьяне родного села Сперанскаго хотѣли по бревнамъ разметать домъ его зятя, а этотъ зять—священникъ хотѣлъ бѣжать изъ своего прихода. Въ это же время жена нижегородскаго губернатора—англичанка—пришла къ тещѣ Сперанскаго съ извиненіемъ что не можетъ съ нею болѣе видѣться [1]). Во вторыхъ, не менѣе сплетень и слуховъ, Сперанскому повредила его собственная безтактность уже надѣлавшая ему столько бѣдъ въ Петербургѣ.

Напримѣръ. Не всякій нашелъ бы умѣстнымъ дать своему провожатому „въ мѣста не столь отдаленныя“ такую рекомендацію, какую Сперанскій далъ частному приставу Шипулинскому. „Примите истинную благодарность мою за добраго товарища и спутника, коего вы мнѣ дали“—пишетъ Сперанскій министру полиціи Балашову. „Если бы къ тому понятію которое вы о немъ имѣете могъ я что нибудь присовокупить, то осмѣлился бы рекомендовать его вамъ, какъ чиновника отлично умнаго и усердного“ [2]). Но вслѣдъ за рекомендаціей Шипулинскому, въ Петербургѣ получается отзывъ Сперанскаго не совсѣмъ лестный для самого Балашова. „Не смѣю скрыть отъ вашего высокопревосходительства—доноситъ губернаторъ министру полиціи—что г. тайный совѣтникъ Сперанскій въ откровенномъ разговорѣ съ здѣшнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства княземъ Грузинскимъ, о случившемся съ нимъ происшествіи, сказалъ что вы предупредили сіе происшествіе двумя недѣлями, а то бы послѣдовало тоже съ вами, что съ нимъ случилось“ [3]).

Свои нежегородскіе досуги Сперанскій посвящаетъ ближайшему знакомству съ народной массой. Желаніе весьма понятное въ человѣкѣ почти съ пустыми ру-

---

[1]) *Корфъ*, II, 64, 58.

[2]) id, 47.

[3]) Id, 55.

ками едва не реформировавшемъ Россію и только въ ранней молодости имѣвшемъ кое какія сношенія съ народомъ. Но время, а пожалуй и мѣсто для выполненія этого намѣренія выбрано крайне неудачно. Армія Наполеона уже идетъ по Россіи, а предполагаемый измѣнникъ пускается въ какія то загадочныя экскурсіи. Губернаторъ доноситъ что видѣли какъ Сперанскій, съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ Столыпинымъ, во время трехдневнаго Вознесенскаго гулянья, „уклонялись между простымъ народомъ стекающимся тутъ во множествѣ. Равномѣрно замѣчено что г. Сперанскій скрытнымъ образомъ бываетъ въ трактирахъ и питейныхъ домахъ, гдѣ всегда есть стеченіе простолюдиновъ и людей слабыхъ въ воздержанной жизни“ [1]).

Надо представить себѣ положеніе полиціи, которой, вообще некогда и не съ чѣмъ входить въ высшія научныя соображенія, созерцающей тайнаго совѣтника, не-пьяницу и „потерянаго человѣка“, но всенароднымъ мнѣніемъ обвиняемаго въ сношеніяхъ съ надвигающимся непріятелемъ, по трактирамъ и питейнымъ домамъ „уклоняющагося между людей слабыхъ въ воздержанной жизни“. По меньшей мѣрѣ—полное недоумѣніе.

Но самое главное, чѣмъ погрѣшилъ Сперянскій,—это нѣсколько хладнокровное отношеніе къ самому факту нашествія Наполеона на Россію. Въ то время, когда всѣ волнуются, Сперанскій спокойно разсуждаетъ о томъ что французы никому не дѣлаютъ зла болѣе, чѣмъ это строго необходимо. Между прочимъ, 6 августа 1812 года, то есть незадолго до вступленія Наполеона въ Москву, за завракомъ у нижегородскаго епископа „занимаясь съ преосвященнымъ обоюдными разговорами (по поводу Наполеона и его успѣховъ) г. Сперанскій дополнилъ что въ прошедшія компаніи,

---

[1]) *Корфъ*, II, 56.

въ нѣмецкихъ областяхъ, при завоеваніи ихъ, онъ Наполеонъ щадилъ духовенство, оказывалъ ему уваженіе и храмовъ не допускалъ до разграбленія, но еще для сбереженія ихъ приставлялъ караулъ“ [1]). Если даже все это вѣрно относительно Наполеона, то Сперанскій долженъ былъ знать что все это неприложимо къ мародерамъ, которыхъ всегда было довольно въ Великой Арміи и, подъ ея знаменами, дѣйствовавшихъ на общихъ мародерскихъ основаніяхъ.

Наконецъ, еще донесеніе. „Замѣчено что Сперанскій, съ нѣкотораго времени, вымѣниваетъ у торговцевъ, черезъ людей своихъ, въ значительномъ количествѣ, золотую и серебрянную монету“ [2]). Съ одной стороны, что можетъ быть проще этого размѣна? Вѣроятно каждый, въ это время, дѣлалъ тоже въ болѣе или менѣе значительной степени. „Близость войны и сомнительный ходъ военныхъ дѣйствій внушали (всѣмъ, а не одному Сперанскому) очень естественныя опасенія на счетъ цѣнности облигацій“. Но Сперанскій производитъ эту операцію въ нѣсколько усиленномъ размѣрѣ. „Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы червонцы, сколь можно скорѣе лежали у моей Елисаветы (дочери) въ изголовьи“, пишетъ онъ одному изъ своихъ пріятелей... Достать червонцевъ, хотя бы то было и въ 13 р. 50 к.“ [2])... Для другого это прошло бы незамѣтно, но человѣка, котораго обвиняютъ въ замыслахъ государственнаго банкротства, неосновательно, но вполнѣ естественно обвинили теперь въ нѣсколько преувеличенномъ сомнѣніи въ прочности государственнаго кредита.

Эта внѣшняя холодность Сперанскаго по отношеніи къ факту столь прискорбному для его отечества, объясняется не существомъ его чувства,—патріо-

---

[1]) *Корфъ*, II, 57.
[2]) id. 63.

тизма у него не менѣе, чѣмъ у каждаго изъ насъ и у каждаго изъ его современниковъ — а способомъ обсужденія вопросовъ. Онъ чувствуетъ бѣду своего отечества тоже какъ и всѣ, но по самой своей природѣ, выражаетъ свое чувство нѣсколько иначе, чѣмъ большая часть людей того тревожнаго времени. Но академическое краснорѣчіе Сперанскаго, умѣстное въ Государственномъ Совѣтѣ или кабинетѣ Государя, непонятно среди возбужденной толпы и особымъ образомъ настроенныхъ слушателей. Случилось такъ что авторъ „Правилъ высшаго краснорѣчія“ забылъ одно изъ главныхъ правилъ этого искусства—необходимость или ввести слушателей въ свое міросозерцаніе, или самому войти въ ихъ собственное. Этотъ легкій недосмотръ Сперанскаго, какъ собесѣдника, объясняетъ, по нашему мнѣнію, его „непатріотическіе“ на первый взглядъ выходки въ критическую для Россіи эпоху.

Заботы первостепенной важности охватили въ это время все существованіе Государя. Онъ рисковалъ всѣмъ и все поставлено имъ на карту. А тутъ ежедневно ему докладываютъ что нибудь новое. Сперанскій „уклоняется между простымъ народомъ... въ трактирахъ и питейныхъ домахъ“; на завракѣ у архіерея онъ черезъ чуръ широко разглагольствовалъ о кротости Наполеона и дисциплинѣ его войскъ; его друзья и слуги, во чтобы то ни стало стараться размѣнять ассигнаціи на золото... Для довершенія путаницы, самъ московскій главнокомандующій графъ Растопчинъ, непосредственно доноситъ Государю, будто бы Сперанскій, черезъ пріятелей Столыпина и Злобина, что то противъ него затѣваетъ (trame contre Vous) въ Пензенской и Саратовской губерніи...

15 сентября (когда французы уже были въ Москвѣ) фельдъегерь привезъ графу Толстому начальствовавшему въ это время нижегородскимъ округомъ воен-

наго ополченія и имѣвшему особыя уполномочія по гражданской части, собственноручный рескриптъ Александра. „Если (сообщаемое въ прилагаемомъ при семъ рапортѣ нижегородскаго вице-губернатора о Сперанскомъ) справедливо, то отправить сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь, съ предписаніемъ губернатору отъ моего имени, имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе".

Толстой конечно не сталъ доискиваться „справедливо ли" взводили обвиненія на Сперанскаго и въ тотъ же день вечеромъ, въ сопровожденіи частнаго пристава и унтеръ-офицера губернскаго баталіона, за подлежащими бумагами, а не съ однимъ словеснымъ приказаніемъ пристава, отправилъ Сперанскаго въ Пермь [1]).

На этотъ разъ Государю некогда раскаиваться и, кромѣ того, онъ уже отвыкъ отъ Сперанскаго.

---

1). *Корфъ*, II, 67—69.

XIV. ПРОДОЛЖАЮЩЕЕСЯ НЕРАСПОЛОЖЕНІЕ ГОСУДАРЯ КЪ СПЕРАНСКОМУ.

Съ переѣздомъ въ Пермь, денежныя средства Сперанскаго совершенно истощились. Онъ долженъ отказаться отъ маленькихъ прихотей усвоенныхъ въ лучшее время. Французскій нюхательный табакъ замѣненъ русскимъ. Болѣе того. Пришлось занимать у прислуги и даже у постороннихъ, подъ залогъ орденовъ и табакерокъ. Бывшій государственный секретарь поставленъ въ необходимость „благодарить“ привезшаго его въ Пермь частнаго пристава и, вывернувъ передъ нимъ бумажникъ, извиниться что не можетъ „благодарить лучше“ [1]).

На визиты Сперанскаго никто не отвѣтилъ. Первое время, его знакомства ограничиваются семьей хозяина у котораго ему отвели квартиру. Наконецъ его прямо преслѣдуютъ. „Пристава и квартальные, каждый почти часъ посѣщаютъ домъ, гдѣ я живу и желали бы, я думаю, слышать мое дыханіе, не зная болѣе что доносить“ [2]). Прислуга домовъ мимо которыхъ онъ проходитъ высматриваетъ сквозь щели воротъ и заборовъ и провожаетъ кличкою „измѣнникъ“. Гимназисты привѣтствуютъ въ томъ же родѣ и кидаютъ въ него землей. Даже французскіе военноплѣнные появившіеся тогда въ Перми, не принимали отъ него милостыни,

---

[1]) *Корфъ*, II, 74.

[2]) Id. 84, 81.

какъ отъ „измѣнника своему отечеству“ [1]). Когда 1 октября 1812, Сперанскій вошелъ въ церковь, отъ шопота богомольцевъ „сдѣлался гулъ какъ на базарѣ“, а пермскій епископъ „разстроился; и, по внутреннему ли убѣжденію, или въ угожденіе публикѣ бросалъ (на Сперанскаго) грозные, наказующіе взоры“ [2]).

Въ Свѣтлое Воскресеніе до самаго вечера, ни одинъ изъ пермскихъ священниковъ не зашелъ къ Сперанскому „съ крестомъ“ „и только лишь за четверть часа до вечерни, одному доброму батюшкѣ пришло на мысль зайти къ опальному, почти всѣми пермяками презираемому, тайному совѣтнику“. Сперанскій вышелъ „къ кресту“ въ своей полной формѣ съ двумя звѣздами на груди. Оказывается что, въ ожиданіи духовенства, онъ еще не разговлялся. Обрадованный посѣщеніемъ, онъ проситъ священника откушать. Священникъ извиняется тѣмъ что уже обѣдалъ и кромѣ того долженъ спѣшить въ церковь къ вечернѣ. Сперанскій пошелъ въ церковь вмѣстѣ съ нимъ [3]).

Въ эти нѣсколько мѣсяцевъ, пребыванія въ Перми нравственныя страданія Сперанскаго заброшеннаго въ провинціальную глушь нельзя не назвать чрезвычайными. Больно смотрѣть на человѣка отданнаго на поруганіе общественнаго мнѣнія и если виноватаго въ чемъ нибудь, то вовсе не въ томъ за что его преслѣдуютъ и наказаннаго далеко не въ мѣру своей вины.

Надо однако замѣтить что финансовыя затрудненія Сперанскаго случились отнюдь не по винѣ Государя. Напротивъ. При встрѣчѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ высылки Сперанскаго, Цесра, Государь спросилъ: „de

---

[1]) Id. 75 80.

[2]) Id. 76.

[3]) *Николай Полетаевъ.* Нѣкоторыя дополненія къ изслѣдованію г. Катетова „О религіозной мыслительности графа Сперанскаго“. (Православный Собесѣдникъ издаваемый Казанской Духовной Академіей 1890, мартъ, 415).

quoi exister-vous donc mintenent"? „—Mais presque d'air, Sire" отвѣтилъ Цееръ. Государь тотчасъ велѣлъ выдать 6000 р. Неужели Александръ вошедшій въ положеніе одного изъ друзей Сперанскаго, не помогъ бы ему самому, если бы имѣлъ вѣрное представленіе о его бѣдствіяхъ. Но, какъ хозяинъ большого дома, Государь снисходительно игнорируетъ вопросъ о частныхъ средствахъ и, вообще плохо освѣдомленъ о подробностяхъ и своего будущаго, и чужихъ обѣдовъ.

На бѣду Сперанскаго, его считали, если не очень богатымъ, то нажившимся на службѣ. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, ему было изъ чего откладывать. Передъ отставкой, одного жалованья Сперанскій получалъ 28.000 р. не считая пожизненной пенсіи въ 2.000 р. [1]). Но въ 1819 году Сперанскій писалъ: „кто имѣетъ на рукахъ дочь безъ матери и 200.000 руб. долгу при маловажномъ и запутанномъ имѣніи, тотъ осужденъ все терпѣть, всѣмъ жертвовать, чтобы исполнить первыя свои обязанности. Сроки долговъ моихъ сближаются..." [2]). Умирая, онъ оставилъ 600.000 р. долга [3]).

Между тѣмъ, обидное сомнѣніе на эту тему, тотчасъ послѣ высылки Сперанскаго изъ Петербурга, слышно даже въ разговорѣ Кочубея, такъ близко знавшаго Сперанскаго, съ однимъ изъ его друзей Масальскимъ [4]). А нѣсколько лѣтъ позднѣе, взволнованная его ревизіей Сибирь, сочинила даже акафистъ:

Михайло Сперанскій
Сынъ не дворянскій
Сынъ поповъ
Изъ большихъ плутовъ... [5]).

---

[1]) *Корфъ*, II, 63.

[2]) id, 157.

[3]) id. 388.

[4]) id. 22—23, 62.

[5]) *Черепановъ*, Отрывки изъ воспоминаній сибирскаго казака (Древняя и Новая Россія, 1876, іюнь, 191)./

Все состояніе Сперанскаго есть результатъ щедрыхъ пожалованій и умѣреннаго образа жизни. Но было бы странно ожидать что молва, обвинявшая его въ измѣнѣ, не обвинила бы въ преступленіи менѣе тяжкомъ, но болѣе обыкновенномъ — любостяжаніи и требовать, чтобы петербургскій чиновникъ, увѣренный въ его измѣнѣ и убѣжденный въ его богатствахъ, былъ расположенъ поднимать вопросъ о комфортѣ опальнаго на мѣстѣ заточенія.

Какъ только Сперанскій написалъ Государю о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ, Государь въ декабрѣ 1812 г. опредѣлилъ на его содержаніе 6.000 р. въ годъ (ассигнаціями) и кромѣ того распорядился о выдачѣ недоданныхъ окладовъ „по день отбытія его“ изъ Петербурга 8 500 р. [1]).

Вспомнимъ немногихъ высказавшихъ уваженіе къ Сперанскому и сохранившихъ струю дружественныхъ отношеній въ самые черные дни, когда толпа бросала камни, а общество отъ него отвернулось. Это были: Цееръ, которому Сперанскій всегда покровительствовалъ; Масальскій, которому онъ писалъ: „всегда друзьямъ моимъ я былъ болѣе въ тягость, нежели въ пользу и всегда однако же вѣрилъ въ ихъ дружбу“ [2]). Какъ въ эпоху величія Сперанскаго, такъ и въ изгнаніи, Масальскій завѣдывалъ его дѣлами, на сколько они касались Петербурга. Столыпинъ богатый пензенскій помѣщикъ и отставной оберъ-прокуроръ [3]) вмѣстѣ съ Сперанскимъ и также нелѣпо какъ онъ, обвиняемый въ какихъ то козняхъ противъ правительства; откупщикъ Злобинъ, тоже заподозрѣнный и съ такою же основательностью; Лазаревъ и Всеволожскій, богатые владѣльцы уральскихъ горныхъ заводовъ. Узнавъ о стѣсненномъ положеніи Сперанскаго въ Перми, они

---

[1]) *Корфъ*, II, 85.
[2]) id. 49.
[3]) id. 64.

немедленно предложили ему помощь. Всеволожскій едва знакомъ съ нимъ по Петербургу [1]).

Однако всему есть конецъ и въ той же Перми, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ссылки, настала для Сперанскаго лучшая погода. Во первыхъ, ассигновка 8.500 рублей изъ остаточныхъ и, кромѣ того, ежегоднаго содержанія, показывали, что Государь о немъ не забылъ. Во вторыхъ, митрополитъ Амвросій поручилъ пермскому архіерею, отъ его имени, передать поклонъ Сперанскому [2]). Послѣ этого „наказующіе взоры“ прекратились и вся Пермь не только помирилась но даже полюбила Сперанскаго. По провинціальному, къ нему заѣзжаютъ поздравить съ праздникомъ и онъ дѣлается желательнымъ гостемъ на всѣхъ обѣдахъ, именинахъ и вечерахъ.

Но, вопреки ожиданіямъ самого Сперанскаго и его друзей и враговъ, расположеніе Государя къ нему не возвращается. Онъ начинаетъ подниматься по службѣ, но очень медленно и съ большими оговорами. Въ Перми прожилъ два года; въ своемъ имѣніи Великопольѣ (Новгородской г,) тоже два; губернаторомъ въ Пензѣ три года; сибирскимъ генералъ-губернаторомъ — два. Вновь принимая Сперанскаго на службу, Государь не только не возвращаетъ ему расположенія, какъ человѣку и довѣрія, какъ должностному лицу, но, вопреки основнымъ чертамъ своего характера, дѣлаетъ это явно и иногда въ высокой степени оскорбительно. Каждый разъ, иногда съ крайней безцеремонностью, ему даютъ понять, что повышаютъ только для того, чтобы открыть возможность загладить прежнія вины. Вообще, сказанное о свѣтской гибкости Александра, въ силу какихъ то странныхъ противорѣчій человѣческой природы, непримѣнимо къ Сперанскому послѣ его паденія.

---

[1]) Id. 55, 59, 61, 67, 82.

[2]) id, 86.

Разрѣшая Сперанскому поселиться въ своемъ имѣніи, министръ полиціи графъ Вязьмитиновъ не забываетъ прибавить: Государь остается „въ полной удостовѣренности что скромное въ оной житье его (бумага писана на имя пермскаго губернатора) не подастъ повода къ какимъ либо, въ отмѣну сего мѣрамъ“ [1]). Посылая Сперанскому указъ о назначеніи губернаторомъ въ Пензу, Аракчеевъ такъ заключаетъ препроводительное письмо: „Государю Императору пріятно будетъ, если вы милостивый государь, отправитесь изъ деревни прямо въ назначенную вамъ губернію“ [2]).

Нѣчто безпримѣрное въ этомъ родѣ представляетъ самый указъ, о назначеніи губернаторомъ. — „Не нашелъ я убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ — говоритъ Государь... потому желая преподать (Сперанскому) способъ усердною службой очистить себя въ полной мѣрѣ, всемилостивѣйше повелѣваю“ и т. д. [3]). Назначеніе сибирскимъ генералъ-губернаторомъ дѣлается будто бы для того, чтобы „дать возможность доказать явно сколь враги ваши несправедливо оклеветали васъ“ [4]). Даже Аракчеевъ, повидимому боится слишкомъ покровительствовать Сперанскому. При назначеніи сибирскимъ генералъ-губернаторомъ ему указываютъ конфиденціальный путь для сношеній съ Государемъ черезъ министра народнаго просвѣщенія князя Голицына, а не черезъ Аракчеева [5]). Сперанскаго, всѣ эти годы, тщательно, какъ чуму какую то, отклоняютъ отъ поѣздки въ Петербургъ.

Не лишнее замѣтить: пріемы мелкаго преслѣдованія ненужны теперь какъ острастка бывшему временщику.

---

[1]) id, 92.
[2]) id, 120.
[3]) id, 119.
[4]) id, 174.
[5]) id, 180.

Если когда нибудь его „обуяла гордость“ то онъ уже давно смирился духомъ. Въ слогѣ его частныхъ писемъ пробивается лесть и искательство. Вопреки своему поведенію въ первые мѣсяцы изгнанія, онъ посылаетъ Государю изъ Перми оправдательное письмо. Вообще онъ не имѣетъ самообладанія Ермолова, чтобы, подобно ему вынести свое удаленіе и бездѣятельность.

Какъ бы для того, чтобы еще болѣе запутать положеніе. Оба—Государь и Сперанскій—въ этихъ неясныхъ для посторонняго взгляда отношеніяхъ одинако считаютъ себя совершенно правыми. Сперанскій требуетъ суда и не боится этого суда. Но и Александръ, явно отнимая свое расположеніе у человѣка еще недавно пользовавшагося его безграничнымъ довѣріемъ и дѣлая это, то грубо и безцеремонно, то—согласно своей старой привычкѣ—въ самой изящной формѣ [1]), тоже не боится суда... своей совѣсти. Очевидно, сказанныя перевороты въ жизни Сперанскаго, иногда загадочные по своему происхожденію, необъяснимы въ предѣлахъ обыкновеннаго суда. Несомнѣнно, здѣсь дѣло не въ „судѣ“, а въ чемъ то неподлежащемъ судебному разбирательству.

Изъ всѣхъ современниковъ, и то только до извѣстной степени, въ этихъ странныхъ отношеніяхъ, разбирается одинъ Кочубей. Это видно изъ его частнаго письма къ Сперанскому незадолго до его отъѣзда въ Сибирь. Государь „какъ слышу я, всегда отзывается о васъ съ большою похвалою... При таковыхъ чувствахъ и при недостаткѣ способныхъ людей, какъ бы казалось не отыскивать ихъ вездѣ... Но тутъ то и большая загадка; тутъ то всѣ и теряются... Государь знаетъ людей совершенно и понимаетъ ихъ точно такъ, какъ понималъ всегда... Однимъ словомъ

---

[1]) Рескриптъ 22 марта 1819 г. о назначеніи генералъ-губернаторомъ. *Корфъ*, II 174—177.

тутъ есть что то непостижимое и чего истолковать неможно. А посему я крайне сомнѣваюсь, чтобы, и безъ непріятелей вашихъ, рѣшились васъ здѣсь употребить". (То есть, не будь даже врагомъ Сперанскаго, единственно вслѣдствіе нежеланія Государя, онъ, все равно, не будетъ вызванъ въ Петербургъ). Письмо кончается просьбой „...по прочтеніи истребить..." и обѣщаніемъ: „точно также поступать буду съ вашими письмами" [1]).

И такъ, хотя Кочубей, согласно со всѣми своими современниками, считаетъ новое возвышеніе бывшаго временщика весьма естественнымъ развитіемъ его судьбы, но понимаетъ что „большія похвалы" Сперанскому только façon de parler Государя. Разъ потерянное въ его глазахъ обаяніе не возвратится болѣе къ Сперанскому.

Кстати, благодаря этому письму, полному расположенія и не совсѣмъ безопасной дружеской откровенности, можетъ быть открывается многое для характеристики самого Кочубея. Онъ болѣе кажется эгоистомъ, чѣмъ былъ имъ на самомъ дѣлѣ.

Но если трудно не только оправдать, но даже объяснить систематически повторяющіеся уколы Сперанскому, то легко понять чувство недовѣрія къ нему Государя. Можно многое возразить противъ внѣшности, выразившей чувство Государя, но трудно не согласиться съ сущностью вызвавшей эти чувства. Еще Соломонъ сказалъ: „прикрывающій проступокъ отыскиваетъ любовь; кто же снова о немъ напоминаетъ— удаляетъ друга"....

По опыту своихъ прежнихъ работъ со Сперанскимъ, Государь не довѣряетъ его дѣловитости и, независимо отъ этого, съ инстинктомъ кающагося грѣшника, не терпитъ его какъ свидѣтеля и участника

---

[1]) *Въ память графа Сперанскаго*, 155—167.

бывшихъ реформаторскихъ грѣховъ. Въ лицѣ Сперанскаго, Государь, до извѣстной степени, караетъ свои собственныя ошибки и, прежде чѣмъ быть старымъ товарищемъ по государственной работѣ, Сперанскій является для него участникомъ реформаторскихъ увлеченій которыя и самъ онъ радъ не вспоминать.

Государь безконечно давно удостовѣрился въ нелѣпости всѣхъ толковъ объ измѣнѣ; но возвратить свое довѣріе, а вмѣстѣ съ нимъ и расположеніе уже не можетъ. Напротивъ, близость Сперанскаго напоминаетъ одну изъ самыхъ важныхъ политическихъ ошибокъ его собственной государственной карьеры.

Скептицизмъ Александра ярко и съ большой силой высказался послѣ сибирской миссіи Сперанскаго.

Не говоря о множествѣ рѣшенныхъ на мѣстѣ, дѣлъ, ревизія Сперанскаго дала въ окончательномъ выводѣ: однихъ слѣдовавшихъ къ высочайшему разсмотрѣнію 73 дѣла, съ 680 обвиняемыми и 2.850.000 р. взысканія по нимъ. Въ однихъ только проэктированныхъ Сперанскимъ для Сибири уставахъ болѣе 3000 параграфовъ. Въ Сибири некогда было переписывать эту груду. Въ Петербургъ привезли черновыя проэктовъ и для переписки ихъ командируютъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Для болѣе точнаго представленія о сибирской миссіи Сперанскаго, надо прибавить два обстоятельства. Производя ревизію, управляя полудикимъ краемъ и сочиняя проэкты, Сперанскій, все время, чувствовалъ нѣчто вродѣ тоски по родинѣ и сгаралъ желаніемъ поскорѣе возвратиться въ Петербургъ. Не менѣе важно то что ознакомленіе съ нуждами края требовало отъ Сперанскаго массу поѣздокъ. Напримѣръ весной 1820, въ три недѣли, перемѣняя сани на коляску и экипажъ на простую тѣлегу, изъ Иркутска въ Кяхту и обратно, Сперанскій сдѣлалъ болѣе 3000 верстъ. „Не жалѣю однако ни трудовъ, ни усталости, пишетъ онъ дочери

объ этой поѣздкѣ, ибо я видѣлъ бѣдствія человѣческія, кажется, на послѣдней ихъ линіи“ [1]).

По поводу сибирской миссіи Сперанскаго, его біографъ разсуждаетъ такимъ образомъ. „Если вспомнить что Сперанскій провелъ въ Сибири менѣе двухъ лѣтъ, что ему въ это время надлежало и управлять, и производить ревизію, и собирать матеріалы къ преобразованіямъ и писать новыя учрежденія; что тогдашняя Сибирь была по его выраженію и общему отзыву—настоящимъ дномъ злоупотребленій..... если, наконецъ, принять въ соображеніе сколько времени сенаторы назначавшіеся туда послѣ него, употребляли на одну ревизію при готовыхъ уже данныхъ, то нельзя конечно не изумляться массѣ всего что онъ успѣлъ тамъ совершитъ [2]).

Но есть и другая сторона медали. Изъ 3000 параграфовъ сибирскихъ учрежденій Сперанскаго немного осталось въ существующей государственной практикѣ и надо ожидать, съ дѣйствительнымъ устройствомъ края, ихъ останется еще менѣе. Вообще,—талантъ много значитъ; но и для него существуетъ предѣлъ, откуда начинается самообольщеніе, хотя можетъ быть, невольное.

Несомнѣнно также, взглядъ Сперанскаго на Сибирь не отличается глубиною. „Эта страна—пишетъ онъ дочери—удобная для ссылки и интересная въ минералогическомъ отношеніи; но она вовсѣ не имѣетъ задатковъ для основанія въ будощемъ, гражданскаго общества“ [3]). Кто изъ государственныхъ людей подпишется теперь подъ этой формулой Сперанскаго? Но и для того времени она не была достаточно объемлющей и дальновидной

---

[1]) *Корфъ*, II, 226, 227, 235, 238.

[2]) id. 262.

[3]) Изъ писемъ Сперанскаго къ дочери (*Ядринцевъ*, Русское Общество въ тюрьмѣ и ссылкѣ, 560).

Не менѣе знаменательна цѣль положенная въ основу сибирскихъ проэктовъ Сперанскаго. „Преобразовать личную власть въ установленіе и, согласивъ единство ея дѣйствій съ гласностью, охранять ее отъ самовластія и злоупотребленій законными средствами изъ самаго порядка возникающими и учредить дѣйствіе ея такъ, что бы она была не личнымъ и домашнимъ, но публичнымъ и служебнымъ“ [1]). Прочитавъ эту тираду, Государь могъ вспомнить политическія увлеченія ранней молодости.... и на его лицѣ рѣдко выдававшемъ душевныя тайны должно было отразиться сомнѣніе вынесенное изъ той эпохи, когда, вдвоемъ со Сперанскимъ, безъ суда, представительныхъ учрежденій и соотвѣтствующихъ нравовъ, они вдвоемъ думали регулировать „личную власть“, установить отвѣтственность министровъ и „равенство передъ закономъ“, дать конституціонныя гарантіи и прочее что полагается на этотъ случай.

Теперь Государь какъ будто не знаетъ что дѣлать съ Сперанскимъ и какъ будто не ждетъ, чтобы Сперанскій что нибудь для него сдѣлалъ. По возвращеніи изъ Сибири Александръ не спѣшитъ его принять. Первая аудіенція назначается черезъ двѣ недѣли послѣ пріѣзда Государя въ Петербургъ. Въ первый годъ по возвращеніи, то есть пока разсматривались сибирскія дѣла, Сперанскаго часто приглашаютъ къ императорскому столу; въ 1823—одинъ разъ; въ 1824 и 1825—ни разу. По окончаніи разсмотрѣнія сибирскихъ дѣлъ его почти не призываютъ къ Государю Въ 1823 году Государь принимаетъ Сперанскаго съ докладами только три раза; въ 1824 и 1825 „кажется“ ни разу [2]).

Когда, съ назначеніемъ пензенскимъ губернаторомъ, Сперанскій снова началъ подниматься на государствен-

[1]) id, II, 229.

[2]) id, 262, 285.

ной службѣ, всѣ приняли это какъ нѣчто естественное и неизбѣжное. Министръ полиціи Вязмитиновъ, получивъ отъ него какъ губернатора первый рапортъ „смотрѣлъ на эту бумагу почти съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ на именной указъ“, а министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ боялся возвращенія Сперанскаго почти какъ боятся привиденій [1]). Послѣ возвращенія изъ блистательно выполненой по мнѣнію большинства, командировки, офиціальныя сферы совершенно иначе относятся къ Сперанскому. „Наконецъ всѣ замѣтили—говоритъ его біографъ—что на балахъ Государь не разговариваетъ съ нимъ, хотя онъ всегда былъ на глазахъ. Это охлажденіе не могло не отразиться на общественномъ положеніи Сперанскаго. Бывъ встрѣченъ по возвращеніи своемъ изъ Сибири чрезвычайной предупредительностью отъ всѣхъ лицъ имѣвшихъ власть, онъ впослѣдствіи уже только съ большимъ трудомъ успѣвалъ выпрашивать, для покровительствуемыхъ имъ, даже самыя маловажныя мѣста и то не всегда прямо у министровъ, а больше черезъ директоровъ департаментовъ“[2]).

Кстати,—о кодификаціонныхъ работахъ Сперанскаго

Безспорно „Сводъ Законовъ“ Сперанскаго—огромный шагъ впередъ.... но въ смыслѣ накопленія матеріала, а не устройства самаго зданія. Вотъ почему кодификаціонныхъ работъ Сперанскаго не стало на одно поколѣніе. Уже въ шестидесятыхъ годахъ, въ новую эпоху реформъ „Сводъ“ передѣлывается заново. Происходитъ это отъ того что механическое накопленіе и сопоставленіе законовъ—еще не усовершенствованное законодательство и потому, когда явился запросъ на усовершенствованное законо-

---

[1]) id. 141
[2]) id, 285.

дательство, кодификація оказалась далеко отставшей отъ вѣка.

Итакъ, даже знаніе предмета и художественная логика редактора безсильно спасти безнадежное дѣло Ученый будетъ справляться съ „Полнымъ Собраніемъ Законовъ“ Сперанскаго; но, отъ его судопроизводства по „Своду“, не осталось „камня на камнѣ“, а отъ его земства скоро не найдется розвалинъ.

Правда, Сперанскій всего менѣе виноватъ въ томъ что его „Сводъ Законовъ“, по качеству матеріаловъ, не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ прогресса. Не его вина, если въ „Сводѣ“ того времени нѣтъ мѣста гласности, мѣстному самоуправленію, суду присяжныхъ, независимому суду и политической свободѣ. Время было очень глухое и недопускавшее улучшеній. Шефъ жандармовъ, съ неожиданной въ его положеніи простотой и недальновидностью, писалъ въ это время: „настоящее Россіи болѣе чѣмъ великолѣпно; ея прошедшее достойно удивленія; что же касается ея будущаго, то оно выше всего что можетъ вообразить самое смѣлое воображеніе“[1]). Большинство публики соглашалось съ шефомъ жандармовъ. Но, изъ того что усовершенствованное законодательство не могло явиться при Сперанскомъ, не слѣдуетъ преувеличивать значеніе того что, отъ его имени, явилось подъ фирмой „усовершенствованаго законодательства“.

Не подлежитъ также сомнѣнію что въ своей законодательной дѣятельности Сперанскій, подъ вліяніемъ общей политической неразвитости вліяющей на всю русскую исторію, ошибался какъ „всѣ“ тогда ошибались и обыкновенно „недалеко уходилъ впередъ“. Какъ въ „Сводѣ Законовъ“ такъ и вообще въ зако-

---

[1]) Письмо шефа жандармовъ графа Бенкендорфа (*Вътринскій* Т. А. Грановскій и его время, 48.)

нодательной дѣятельности Сперанскій иногда руководился совершенно ошибочными взглядами и теоріями. Это случилось, между прочимъ, съ его послѣдней законодательной работой: полицейскимъ уставомъ. Отклоняя его, Государственный Совѣтъ (тридцатыхъ годовъ!) „замѣтилъ что по содержанію этого проэкта, не полиція учреждается для жителей, а напротивъ жители предполагаются какъ бы существующими для полиціи [1])".

Сперанскій—это необыкновенная способность идти по готовому узору; но его собственный узоръ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, по меньшей мѣрѣ оставляетъ желать много лучшаго. Здѣсь онъ также слабъ и безоруженъ, какъ и прочіе элементы нашей интеллигенціи и бюрократіи, періодически выступающіе на сцену. Если узоръ плохъ, то и Сперанскій—не одинъ, а вмѣстѣ со всѣми своими современниками—безсиленъ спасти дѣло, создать что нибудь прочное; освѣтить недостаточно опредѣлившееся въ общемъ сознаніи. На бѣду Сперанскаго, Александра и, можетъ быть, всѣхъ насъ, русская исторія и русская жизнь упорно отказываются дать этому обществу достаточно вѣрный и цѣлесообразный узоръ...

Отсутствіе школы политическихъ учрежденій и неправильное историческое развитіе, очевидно, дѣйствуютъ въ этомъ явленіи несравненно болѣе, чѣмъ наличность или недохватка одного-двухъ лишнихъ геніевъ или талантовъ. Во всякомъ случаѣ, это не столько органическій порокъ людей высшаго ума и выдающихся способностей, сколько результатъ коллективнаго недостатка, задѣвающій все общество.

Но массовой характеръ дающій эпохѣ извѣстный фонъ не уничтожаетъ личныхъ недостатковъ государственной дѣятельности Сперанскаго. Оказывается

---

[1]) *Корфъ*, II, 340.

что и въ его распоряженіи, при данныхъ условіяхъ русской жизни, тотъ же убогій матеріалъ, какъ и у подавляющаго большинства его современниковъ. Особенность дѣла Сперанскаго въ томъ, что одинъ изъ первыхъ замѣтившихъ убожество матеріаловъ, которыми, не смотря на свои блестящія способности, располагаетъ Сперанскій, былъ самъ Александръ.

Мыслью неизбѣжной въ характеристикѣ Александра Перваго кончаемъ эту главу.

Мы понимаемъ и то, почему удаленіе Сперанскаго, въ извѣстную минуту, было крайней политической необходимостью, и то почему Государь не спѣшитъ снова его приблизить. Но для славы Александра было бы лучше если бы въ обстановкѣ опальнаго не было тѣхъ жестокостей, на которыя намъ пришлось указать. Въ странныхъ пріемахъ реабилитаціи Сперанскаго можно видѣть произволъ, ребячество, капризъ.... но никакъ не справедливость и великодушіе. Во всѣхъ этихъ мелкихъ щелчкахъ (отъ которыхъ, однако, очень больно Сперанскому) болѣе мелочности, чѣмъ царскаго величія.

Положимъ, при данномъ сочетаніи созвѣздій русскаго небосклона, въ Спреанскомъ, беречь уже нечего. Но—прежде всего—при всякомъ сочетаніи созвѣздій, все себя уважающее должно беречь справедливость и не только свое но и чужое достоинство.

Ошибается каждый и никакая святость не гарантируетъ отъ ошибокъ. Но Александръ—несмотря на всѣ его ошибки—стоитъ неизмѣримо выше своихъ современниковъ и было бы желательно, чтобы и въ этомъ случаѣ—въ дѣлѣ Сперанскаго—онъ оставался на этой высотѣ. Единнственное оправданіе—въ невозможности все видѣть и знать и обо всемъ догадаться.

XV. МИСТИЦИЗМЪ СПЕРАНСКАГО.

Выдающейся чертой характера Сперанскаго является его мистицизмъ. Болѣе того. Безъ правильнаго взгляда на этотъ мистицизмъ, не поймемъ его характера, а отчасти и связанныхъ съ нимъ событій того времени.

„Когда случалось застать (Сперанскаго) за молитвой—говоритъ его біографія—тихо выходили изъ комнаты; когда видѣли что онъ сидитъ задумавшись или за дѣломъ, не смѣли ничѣмъ нарушить тишину и остановясь, съ благоговеніемъ дожидались пока онъ самъ не обратитъ своего вниманія.“ [1])

Въ его обширной перепискѣ находимъ странный рецептъ мистическаго настроенія. „Уединиться въ самый удаленный уголъ; принять положеніе наиболѣе удобное; сѣсть; скрестить руки на груди и устремить взоры на какую нибудь часть своего тѣла, именно пупокъ; повторять „Господи помилуй“, оставаться въ этомъ положеніи пока оно длится“ и т. д. Таковъ, будто бы, способъ древнихъ аскетовъ, пользуясь которымъ они видѣли такъ называемый „Ѳаворскій свѣтъ“. Сперанскій не хочетъ говорить о „собственномъ жалкомъ опытѣ“ рядомъ съ этими великими

[1]) *Корфъ*, II, 375.

примѣрами духовнаго созерцанія. (Значитъ. былъ и „собственный опытъ“, замѣчаетъ авторъ цитаты.) [1])

Въ это время Сперанскому около сорока пяти лѣтъ.

Достаточно заглянуть въ дѣтство Сперанскаго, чтобы убѣдиться какъ сильно, на этотъ разъ, говоритъ въ немъ наслѣдственность. „Другіе бывало играютъ на дворѣ, разсказывалъ онъ своей дочери, а я не насмотрюсь какъ бабушка стоитъ въ углу передъ образами, точно окаменѣлая, въ такомъ глубокомъ созерцаніи, что ничто внѣшнее, никакой призывъ родныхъ, ее не развлекали. Вечеромъ, когда я ложился спать, она, неподвижная стояла опять передъ образами. Утромъ, хотя бы вставъ до-свѣта, я находилъ ее снова тутъ же. Вообще ни разу, даже просыпаясь ночью, мнѣ не случалось заставать ее иначе, какъ на ногахъ, совершенно углубленной въ молитву. Пищу ея уже многіе годы составляла одна просфора размоченная въ водѣ. Этотъ призракъ моего дѣтства исчезъ у насъ изъ дому спустя годъ послѣ того, какъ меня отдали въ семинарію; но я, какъ будто еще теперь его вижу“ [2])

Словомъ, въ мистицизмѣ Сперанскаго имѣемъ не простую блажъ и не маленькое, свойственное его времени, едва замѣтное уклоненіе съ большой дороги, объясняемое модой и случайными встрѣчами, а нѣчто органическое. Другими словами, рядомъ съ чрезвычайной разносторонностью своего ума, Сперанскій обладаетъ той склонностью къ самоуглубленію, которая создаетъ иногда человѣку свой собственный внутренній міръ, совершенно чуждый дѣйствительности. Такъ сложилось странное противурѣчіе въ характерѣ Сперанскаго. Сынъ православнаго священника, въ минуту

---

[1]) *Пыпинъ*, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, 309.

[2]) *Корфъ*,

досуга готовитъ лютеранку, дочь своихъ близкихъ знакомыхъ, къ причастію по лютеранскому обряду. Чего болѣе для раціоналиста и реформатора? Но тотъ же Сперанскій всегда готовъ на порывъ самоуглубленія, не имѣющій ничего общаго съ государственной жизнью и чуждый всякого раціонализма. Онъ глубоко религіозенъ; но, въ нѣкоторой части своей духовной, практики, едвали можетъ быть признанъ здраворелигіознымъ.

Этотъ уголъ зрѣнія даетъ новое освѣщеніе многимъ фактамъ въ жизни Сперанскаго. Наряду съ чрезвычайной воспріимчивостью къ прогрессу, въ немъ видимъ иногда непониманіе самыхъ простыхъ житейскихъ требованій. Мы уже говорили о чрезвычайной горести выказанной имъ при смерти жены. Другой выдающійся фактъ: выпіющая безтактность его отзывовъ объ Александрѣ I. Затѣмъ, высланный изъ Петербурга, продолжая надѣяться и искать, въ Нижнемъ Новгородѣ онъ всетаки ведетъ себя такъ, чтобы давать пищу подозрѣніямъ и создать основательный предлогъ для дальнѣйшей ссылки.

Пропуская многое въ этомъ родѣ, остановимся на его брошюрѣ въ защиту военныхъ поселеній.

Какъ извѣстно, наши военныя поселенія были составлены изъ двухъ общественныхъ несправедливостей. Крестьянское населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей, не разлучаясь съ заботами земледѣльца, совершенно произвольно, вродѣ того какъ при Иванѣ Грозномъ часть земства записана въ Опричину, обращено въ постоянное военное сословіе; въ тоже время, значительная часть войска, временно исполняющая свои военныя обязанности и подлежащая, за выслугою лѣтъ, возвращенію въ гражданское состояніе, тоже произвольно, на всегда оставлена въ военномъ званіи, къ присоединеніемъ къ нему заботъ земледѣльческаго класса. Въ общей сложности, къ обыкновенной дисциплинѣ регулярнаго полка, въ

военныхъ поселеніяхъ присоединилось обыкновенное крѣпостное право.

По поводу этого искусственнаго организма, лишеннаго вѣхъ задатковъ правды и жизнеспособности, Сперанскій въ 1825 году писалъ: „Легко можно представить всю обширность, всѣ трудности сего предпріятія; но непоколебимость принятыхъ началъ [1]), незыблемость плана; постоянство усилій и твердый, ничѣмъ несовратимый взоръ непрерывно устремленный на важныя государственныя пользы, должны превозмочь, какъ и дѣйствительно, на самомъ опытѣ превозмогли, всѣ трудности и тѣмъ удостовѣрили удобность принятыхъ началъ и успѣхъ будущаго ихъ исполненія“ [2]).

И это говоритъ голосъ, немного лѣтъ тому назадъ проводившій либеральныя идеи и, вмѣстѣ съ Императоромъ, мечтавшій о конституціи въ Россіи!

Даже баронъ Корфъ считаетъ эту брошюру „жертвой принесенной Сперанскимъ своему положенію“ [3]). Но тогда надо отнять у Сперанскаго всякое притязаніе на логичность поступковъ. Даже Сибирской ревизіей не купивъ благоволеніе императора Александра, могъ ли онъ надѣяться купить его тощей брошюрой по одному изъ второстепенныхъ вопросовъ занимающихъ, въ данную минуту, вниманіе Государя? Аракчеевъ же никоимъ образомъ не принадлежитъ къ числу людей, покровительство которыхъ пріобрѣтается брошюрами.

---

[1]) Охъ ужъ эта «непоколебимость»! Мы съ ней достаточно познакомились хотя бы по поводу нашего псевдоклацизма.

[2]) *О военныхъ поселеніяхъ.* СПб. 1825, стр. 11. Имени автора на брошюрѣ нѣтъ и, сколько намъ извѣстно, она приписывается Сперанскому по преданію. Во всякомъ случаѣ, благодаря слогу и способу изложенія, приписывается небезосновательно.

[3]) *Корфъ*, I, 282.

Итакъ, если брошюра „О военныхъ поселеніяхъ“ разсчитывала на покровительство, то завѣдомо неправильно. Другими словами, она во всякомъ случаѣ только выражаетъ неправильный взглядъ Сперанскаго на военное дѣло, какъ и на многое въ дѣлахъ ему порученныхъ или взятыхъ имъ на себя и, болѣе, ничего не выражаетъ. Не забудемъ что въ то время, не одинъ Сперанскій, многіе увлекались военными поселеніями точно также, какъ теперь многіе увлекаются идеей казацкими организаціями защищать русское государство.

Сопоставленіе фактовъ не всегда бываетъ ихъ рѣшеніемъ, но въ той области, гдѣ существуютъ одни намеки, можно говорить только сопоставляя факты. Если, при такомъ большомъ умѣ и, во многихъ случаяхъ, благородствѣ характера, какъ у Сперанскаго видимъ непониманіе самыхъ простыхъ вещей и неожиданное уклоненіе въ противуположную сторону, то не указываетъ ли это на какой то общій, едва уловимый органическій недостатокъ, мѣшающій правильному пониманію вещей и отношеній?

Природа давно отказалась отъ созданія умовъ одинаково способныхъ оріентироваться въ реальномъ и созерцательномъ мірѣ, — одинаково равноправныхъ въ области сверхъсознательнаго и въ сферѣ государственнаго управленія. Хотя всѣ древнія государственные люди ходили къ прорицателямъ, но обыкновенно, они посвоему толковали прорицанія. Въ тоже время, древніе прорицатели не были государственными людьми. Разъ у человѣка является склонность къ созерцательной жизни, онъ не можетъ не находиться въ противорѣчіи съ явленіями жизни реальной. Другими словами, отдавая должное уму и талантамъ Сперанскаго, признавая громадность оказаннаго имъ вліянія, не можемъ признать въ немъ ту спокойную ясность ума, которая одна создаетъ полководцевъ и

политиковъ и безъ которой даже самые талантливые и образованные люди теряютъ значительную долю своей полезности.

При этомъ, не надо забывать: чѣмъ болѣе радіусъ ума и таланта, тѣмъ большую площадь захватываетъ образуемый ими уголъ отклоненія. При другихъ условіяхъ ошибка Сперанскаго была бы предупреждена или исправлена самой средой или совсѣмъ осталась бы незамѣтной. Но въ эпоху, когда жилъ Сперанскій и при условіяхъ его дѣятельности, этотъ органическій недостатокъ глазамѣра отразился на всей его политической роли.

XVI. ПОСЛѢДНЕЕ УВЛЕЧЕНІЕ АЛЕКСАНДРА I.

У людей вообще, у правителей въ особенности, имѣются свои методы, которымъ они невольно подчиняются и за которыми, обыкновенно, слѣдуютъ до конца.

Такимъ роковымъ, неизбѣжно повторяющимся пріемомъ, для Александра было обращеніе къ людямъ противуположнаго общественнаго слоя, развившимся подъ другимъ общественнымъ вліяніемъ и выросшимъ на другой почвѣ. Изъ недовѣрія къ себѣ и къ знаніямъ и способностямъ своихъ свѣтскихъ приближенныхъ, онъ всю жизнь ищетъ этого „человѣка изъ народа", который даетъ ему то, чего не достаетъ аборигенамъ, съ дѣтства его окружающей придворно-бюрократической среды. Никѣмъ непонятый—до Метерниха и декабристовъ включительно — онъ, въ этомъ случаѣ едвали самъ себя понималъ. Но мотивъ его дѣйствій очевиденъ. На этомъ мотивѣ, въ свое время, какъ то само собою, устроилось, возвышеніе Сперанскаго. Но психологическое явленіе не ограничивается однимъ случаемъ и не исчерпывается однимъ только Сперанскимъ. Послѣ того, какъ разочарованіе въ существѣ его талантовъ и сила обстоятельствъ заставили съ нимъ разстаться, обращеніе къ другому

„человѣку изъ народа“ сдѣлалось только вопросомъ времени и не заставило долго себя ожидать. Отсюда, съ удаленіемъ Сперанскаго, быстро и неудержимо возростающее вліяніе Аракчеева.

О людяхъ „Александровской эпохи“ существуетъ мнѣніе будто бы они отличаются не совсѣмъ обыкновенно утонченностью духа. Всѣ они влюблены, если не въ идеалы, то въ формы и идеи. Аракчеевъ не составляетъ исключенія. Въ его лицѣ натуралистъ встрѣчаетъ интересную разновидность влюбленнаго крокодила, нѣжное чувство котораго распространяется не только на близкую ему женщину, но также и на извѣстный общественный порядокъ: безконечную шаблонность людей и дѣлъ, муштровку военныхъ поселеній, строй артиллеріи, выправку солдатъ и т. п.

Орфографія у него не въ авантажѣ, а литературу онъ едва ли строго отличалъ отъ дѣланія фальшивыхъ ассигнацій. Совершенно лишенный свѣтскаго лоска, грубо льстивый съ государемъ, просто грубый съ подчиненными, онъ представляется въ воображеніи Александра дѣловымъ человѣкомъ знающимъ Россію болѣе, чѣмъ всѣ его придворные взятые вмѣстѣ. При этомъ Аракчеевъ не зазнается какъ Сперанскій. Онъ вездѣ афишируетъ патріархальную преданность императору, что въ особенности цѣнится теперь, послѣ того какъ Сперанскій, всѣмъ обязанный государю, оказался не вполнѣ коректнымъ.

Между тѣмъ, послѣ дѣлъ съ Наполеономъ, Александру нечего дѣлать. Остались только мелочи управленія. Парады, визиты и муштровка вмѣсто сраженій, да неожиданныя поѣздки по Россіи и за границу вмѣсто походовъ. Послѣ колоссальнаго подъема народныхъ силъ въ „Двѣнадцатомъ году“, люди, вдругъ оказались безъ движенія. Куда дѣвать энергію? Въ этомъ положеніи желѣзо ржавѣетъ отъ неупотребленія, а люди толстѣютъ или „опускаются“.

Но у Александра уже образовалась привычка къ большимъ ставкамъ и небреженью мелочами. Въ концѣ царствованія онъ смотритъ на дѣло слишкомъ широко. Ему ничего не стоитъ уступить провинцію [1]) или объявить священную войну. Когда, съ удаленіемъ Наполеона на островъ св. Елены политическая жизнь Европы замерла, Александръ, по прежнему, почти исключительно занятъ вопросами внѣшней политики. Какъ ни безплодна эпоха „Плановъ всеобщаго государственнаго преобразованія"—приходится жалѣть и о нихъ. Но если исполинское дѣло, котораго съ дѣтства искалъ Александръ не всегда находится въ его распоряженіи, то мелочи управленія, ежедневная, будничная жизнь, отъ которой онъ всегда устранялся сами плывутъ въ руки „человѣка изъ народа", въ данную минуту приближеннаго государемъ. Это также просто и естественно, какъ было, въ свое время естественно появленіе Сперанскаго на мѣсто ушедшаго на второй планъ „Негласнаго Комитета".

Такимъ образомъ Аракчеевъ представляющій совершенный контрастъ Сперанскому, на томъ же законномъ основаніи, какъ нѣкогда Сперанскій, вступилъ теперь въ исполненіе его роли. „Хитрѣйшій изъ грековъ", какъ Наполеонъ называлъ Александра, на этотъ разъ, былъ обойденъ едва ли не самой обыкновенной „высокопоставленной посредственностью". Таково послѣднее по счету политическое увлеченіе Александра I.

И въ то время, когда многіе подданные Александра, иногда, плакали отъ реформъ, съ полной благонамѣренностью, надѣленныхъ его неумѣлой рукой,—міровая интеллигенція — Эрскинъ и Джефорсонъ— плакали надъ письмами Александра похоронившими мечты его молодости [2]).

---

[1]) *Погодинъ*, А. П. Ермоловъ, 430.

[2]) *Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу*, 182.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Люди „Александровской эпохи“	1
II.	Сперанскій	55
III.	Возвышеніе Сперанскаго	62
IV.	Кто авторъ „Плана всеобщаго государственнаго преобразованія“? (Планъ Сперанскаго)	67
V.	Редакція законовъ при Александрѣ I . .	71
VI.	Обсужденіе законовъ при Александрѣ I .	76
VII.	Ошибки въ „Планѣ Сперанскаго“	83
VIII.	Что хорошо въ „Планѣ Сперанскаго“ . .	94
IX.	Манія генеральныхъ преобразованій . . .	98
X.	Перемѣна во взглядахъ Государя на Сперанскаго	110
XI.	Удаленіе Сперанскаго	122
XII.	17 марта 1812 года	133
XIII.	Первые полгода ссылки	138
XIV.	Продолжающееся нерасположеніе Государя къ Сперанскому	146
XV.	Мистицизмъ Сперанскаго	161
XVI.	Послѣднее увлеченіе Александра I	167